

Антон Кашликов

БЫВШИЕ

*Думаю, никто из нас не смог бы выдержать
собственного взгляда, не опустив глаз.*

Ромен Гари

«Пляска Чингиз-Хаима»

Intro

Когда она ушла от меня, из квартиры пропали звуки. Я не думал, что это именно ее звуки, но так оказалось.

Перестали громко тикать часы в ночной тишине. Раньше, когда я ворочался и не мог уснуть, меня ужасно раздражало это тиканье. И тогда – словно именно из-за часов у меня не получается погрузиться в сон – я снимал их со стены и относил на кухню, прикрывая дверь. А утром не без труда возвращал на место.

Это были ее часы, уходя, она забрала их с собой, и часы больше не тикали по ночам. Мне теперь совершенно ничего не мешало спать.

Еще перестала капать вода из крана на кухне. Почему? Потому что у нее были слабые руки, слабее моих, и она не могла закрутить старый кран до конца. А я мог. И теперь вода не капает, и часы тоже не тикают.

В моей квартире перестал звонить ее телефон, больше не раздается звук «пш-ш», который издавал флакон ее духов, когда она прихорашивалась у зеркала, больше не течет подолгу вода в ванной по утрам, как это бывало, пока она обстоятельно принимала душ.

Она забрала с собой звуки.

В первую же ночь без нее я не мог заснуть. Лежал в постели, вставал с постели, подходил к окну, открывал окно, закрывал, снова ложился.

Она ушла, чтобы принести нам обоим облегчение. Мы долго с ней говорили о том, как дальше жить, вместе ли, порознь, как прежде, или все выкинуть из головы и продолжать – иногда говорили на повышенных тонах, иногда спокойно, иногда и вовсе равнодушно. Мы говорили, пытаясь выяснить, почему мы больше не хотим быть собой. Точнее, почему мы уже не те, что раньше? А если все-таки те, почему больше не те друг с другом? Наверное, в таких вещах вообще нельзя ни о чем договориться. Мы все-таки решили, что больше не надо жить вместе. Это была моя квартира, и съезжать нужно было ей. И она уехала, забрав свои вещи, но оставив себя саму. Забрав даже свои звуки, но звуки эти все равно оставались в моих воспоминаниях.

И в первую ночь, недоумевая, почему же мне опять не спится, я слышал в тишине часы и чувствовал, как вот-вот упадет капля воды из крана на кухню.

– Ищи знаки, – сказал приятель, когда однажды я пришел его навестить.

Мы сидели в его комнате. Приятель располагался в кресле. Он сидел, засунув ладони под мышки. На его коленях лежало одеяло. На окне стояли запылившиеся цветы, но в комнате от этого не становилось уютнее.

– Везде есть знаки, каждый день ты их видишь... Но не замечаешь. Иногда это ложные знаки, чаще всего так и бывает. Но некоторые – знаки истинные, и если научишь-

ся их замечать, считай, что ты победишь, всегда выйдешь сухим из воды.

Приятель хитро улыбнулся, словно сказал невесть какую мудрость. Я кивнул, сделав вид, что понимаю. Но он не попался на мою уловку.

– Дурак ты, – беззлобно сказал приятель. – Поверь мне! А то всю жизнь будешь страдать...

Я посидел у него еще минут десять, затем собрался уходить. Его мать, все время улыбающаяся так, словно улыбкой этой твердила «извините, пожалуйста», угостила меня крепким чаем и черствыми сладкими булками. Я приобнял ее в коридоре. Мол, держитесь. Приятель тоже вышел со мной проститься. Я видел, что он был мне искренне рад.

– Мне сейчас очень хорошо, – сказал он. – Я свои знаки увидел!

Я пожал ему руку и улыбнулся, словно еще раз уверяя, что все понимаю.

Разумеется, я ничего не понимал.

Когда твой друг детства вдруг сходит с ума в двадцать пять лет – это кажется нереальным. Как если бы в дверь по ошибке внесли цинковый гроб и поставили посреди зала, попросив при этом расписаться в официальном документе: мол, гроб получен, претензий не имеется.

Он сошел с ума совершенно без причин. То есть причины, конечно, были, но их так никто и не понял. Однажды он пришел домой с работы и сказал жене: «Все, харэ». Потом надолго заперся в ванной, лежал в воде и пел во весь голос детские песенки («К сожаленью, день рожденья только раз в году»). Из-под двери текла вода, прибежали соседи

снизу, на потолке которых начало проявляться большое серое пятно, радостные песни продолжались («Антошка, Антошка, пойдем копать картошку»), сразу сломать дверь не получилось, послали за каким-то соседом – особенно крепким мужчиной, имеющим большой опыт в выламывании дверей, но того не оказалось дома. В итоге дружище сам отпер ванную со словами: «Я выпил только что пять литров теплой воды». И, сияя, удалился в спальню.

Было чувство, что он косит от армии. Только без медкомиссии. Просто так, репетирует. Для собственного удовольствия. И не очень правдоподобно. К психиатру шел без желания, мрачнел с каждым шагом. На пороге поликлиники расплакался.

Его порекомендовали положить в больницу «на месяц-другой». «А толк будет?» – волновалась мама. «Его вылечат?» – уточняла его жена. «Не знаю», – честно отвечал доктор.

От доктора пахло водкой. Только что он махнул полстакана, закусил бутербродом. Доктор решил, что ему пару лет до пенсии, и хватит уже обещать всех вылечить. Он был неплохим специалистом, честным трудягой.

Мой сошедший с ума приятель женился в 19 лет. Кто-то скажет «как рано!», а я полагаю, что для него это был «самый раз». Мне он всегда казался человеком надежным. Я бы пошел с ним в разведку.

Он женился в 19 лет, потому что с детства был самым серьезным из всех своих ровесников. Серьезным – не значит суровым, не имеющим чувства юмора или никогда не улыбающимся. Он и шутил, и понимал шутки. Просто ко всему этому он обладал еще каким-то врожденным пониманием

того, что все происходящее с человеком имеет между собой связь: за проступком придет наказание, за ошибкой – потеря, тайное станет явным, не выучишь урок – получишь плохую оценку, будешь плохо есть – не будет сил, не будешь заниматься спортом – станешь слабаком, оскорбишь человека – он может тебя ударить. Не думаю, что дело в воспитании, такую серьезность вряд ли можно так крепко привить. Скорее всего, он родился, *уже все понимая*.

Окончив школу, он легко поступил туда, куда запланировал. Нашел работу, которая не мешала учиться. Женился на однокурснице, девушке симпатичной и веселой. Детей заводить не собирался – так говорил он мне, и я был уверен, что детей в ближайшее время у него точно не будет. Он окончил университет и сразу нашел достойную работу. Все, что было по работе нужно, он делал старательно, толково, не надрываясь. Уверен, что его шеф не имел претензий.

Люди, у которых так все получается в жизни, часто кажутся остальным живыми призраками с нарисованными улыбками. Но это было не про моего приятеля. Он не был фальшивым.

Он рос без отца (тот рано умер), и, мне кажется, просто старался быть, как он, как его отец, которого мой приятель даже, наверное, не помнил. У него был идеал и стимул. Он знал, на кого ориентироваться. Он с пеленок все понимал, родившись взрослым.

– Будь реалистом, – говорит мне порой жена.

Так она обычно отвечает на мою реплику, которая ка-

жется ей чрезмерно оптимистичной.

Например, я говорю про одну нашу знакомую, девушку страшненькую, полненькую и вечно ищущую мужчину своей мечты: «Готов спорить, она найдет его уже в этом году».

– Будь реалистом, – слышу я в ответ.

Или, глядя на то, как растет доллар и падает национальная валюта, я заявляю: «Уверен, в Нацбанке что-то придумают, и курс выровняется!».

– Будь реалистом...

И жена уходит на кухню – кажется, она варит на завтрак суп (у меня есть привычка завтракать супом, и жена с этим примирилась, хотя и долго пыталась приучить меня к йогуртам и мюсли).

Она работает литературным редактором в еженедельном журнале. И каждый день читает чужие тексты – статьи, заметки, интервью, обзоры, рецензии. Сколько нелепых оборотов убрала она из чужих текстов, сколько неправильно использованных фразеологизмов заменила подходящими, сколько заблудившихся знаков препинания вернула на свои места, а авторы по-прежнему не выделяют запятыми вводные слова и пишут «на сегодняшний день».

Но она сражается, бедняжка, каждый день сражается с несовершенством этого мира. И у нее получается, ей богу! У нее неплохо получается.

Часто мою жену тревожат мысли, что ее работа бесполезна, поскольку *ошибок в мире не становится меньше*. И мне трудно найти такие слова, которые бы объяснили ей что польза – это категория, о которой лучше вовсе забыть.

Работать учителем в школе – значит приносить пользу, прививать несмышленишкам знания о мире, моральные принципы, увеличивать количество образованных людей. Но ведь всегда найдется малолетний дурак, который пырнет кого-нибудь ножом в темном дворе.

Полезно работать в кафе или ресторане – кормить людей, радовать их вкусовые рецепторы, но кто-то все равно будет страдать от голода.

Мести улицы, работая дворником – несомненная польза. Но на следующее утро мусора будет ровно столько же.

Мы можем только стремиться к идеалу, но так никогда его и не достигнем.

– Тебе не кажется, что все вокруг хотят быть кем-то другим? – спросила меня однажды жена. – Они недовольны своей работой, своей профессией, своей квартирой, своим парнем или девушкой, своей страной. Им хочется перемен. Они хотят найти себя.

– Это нормально – хотеть найти себя.

– Но почему их так много, тех, кто не может понять, чего ему надо от жизни?

Я отвечал, что молодость – это время бесконечных сомнений, и часто эти сомнения не проходят, когда наступает зрелость. Сомневаться и искать – это нормально, а в том, чтобы быть нормальным, нет ничего зазорного.

– Банальности говоришь... – хмурилась жена, не удовлетворенная моими ответами.

– Конечно! Можно говорить простыми предложениями, а можно сложноподчиненными, с дополнительными придаточными, но выражать при этом одну и ту же мысль. Так не лучше ли быть проще? Это, знаешь, как в поезде

объявляют: «Граждане пассажиры, соблюдайте правила личной и имущественной безопасности». Или в метро недавно объявление видел про то, что милиция производит «набор кандидатов из числа лиц гражданской молодежи». Не проще ли было объявить: «Осторожно! У нас тырят сумки!», «Хотите стать ментом? Добро пожаловать!»

Мы пили чай на нашей кухоньке, которая была свидетелем не одной сотни подобных разговоров.

– Представляешь, ведь у нас главный выбор в жизни – кем быть – человеку предлагают сделать, когда ему шестнадцать лет, – продолжал я. – Он же еще совсем ничего не понимает. Он только научился завязывать шнурки и ложку держать. А ему объявляют – либо ты сейчас четко и ясно отвечаешь на вопрос, на кого ты хочешь выучиться, чтобы затем честно и праведно проработать тридцать-сорок лет *по специальности*, либо идешь в армию или работать на стройку. «Отвечай, придурок. Чего молчишь? Хочешь в армию, кретин? На завод хочешь?» Как тут не сомневаться.

Жена улыбнулась.

– Просто я тоже сомневаюсь, – сказала она. – Меня иногда ужасно раздражает моя работа. Она какая-то... одинаковая. Разве я этого хотела?

– А чего ты хотела? – уточнял я, подливая ей чай.

– Делать мир лучше.

– А если конкретнее?

– Преподавать, писать, стать критиком... – она бросала кубик сахара в чашку и брала в руки ложку, но забывала размешать сахар и снова опускала ложку рядом на блюдце.

– Кто тебе мешает?

– Никто. Совершенно никто. Просто что-то подсказывает мне, что я, может быть, должна дойти до какой-то точки, в чем-то убедиться, понять что-то определенное. Понять про саму себя. У меня сейчас есть постоянная работа, еще несколько подработок, и я неплохо зарабатываю. Меня ценят на работе, как бы это глупо ни звучало, и иногда я даже всем-всем довольна. Просто бывают такие моменты, когда я сомневаюсь. Ты прав, это нормально... Есть много всяких желаний. Надо про них не забывать.

После таких разговоров на какое-то время на жену находило умиротворение. Она словно открывала глаза, пробуждаясь от тревожного сна, и понимала, что *все у нее в порядке*, все получается, нужные вещи всегда под рукой, а часы на стене не отстают ни на минуту. Она брала меня за руку и заглядывала в глаза.

– Они у тебя сейчас почти зеленые, и ясные такие, – говорила она. – А когда ты сердишься, они серые, без единой капли зеленого.

Жена всегда возбуждалась внезапно. В ней было много страсти. 100 км/ч за 3,5 секунды. Прикусывала мои губы и что-то без остановки шептала. В горе и в радости, в смехе и в ярости. Лучшие на свете молитвы. Влажная моя вера.

После она засыпала на моем плече (однажды, когда я был в командировке, она написала мне SMS: «Все ночи на свете стоят одной на твоём плече»). А я долго еще не мог уснуть. Впрочем, завтра с утра мне никуда не нужно было бежать. А значит – можно было отдаться ночной тишине, подобно тишины, ведь всегда есть какие-то звуки. Шум проезжающих машин за окном. Чьи-то далекие голоса. Отсветы фар на потолке. Чьи-то далекие крики. Но в эту ночь они мне не мешали.

Мне повезло стать исключением: я работал фотографом в популярной газете и не сомневался. Я делал свое дело и получал удовольствие от особенно удачных снимков. Скромно, не давая повода подозревать себя в зазнайстве, гордился тем, что мое имя стоит под этими удачными фотографиями. Мое имя. Под моими фотографиями.

Я бегал по городу и мотался в командировки, снимал акции протеста, пикеты и забастовки, запечатлевал рок-звезд на сцене и поп-певцов на светских тусовках, фотографировал парикмахеров-гомосексуалистов за работой и суровых водителей маршрутных такси, снимал обреченных зверей в зоопарке и ходил в лес вместе с охотниками. Я снимал здания, которые вот-вот рухнут, и последствия автомобильных катастроф, взлетающие самолеты и раритетные авто. Снимал бомжей и президентов, футбольных фанатов и балерин, клоунов и стриптизерш, убийц и новорожденных.

Я видел жизнь такой разной, но не привыкал к ней. Я всегда смотрел на мир удивленными глазами, правда, стараясь не выдавать своего удивления. Нет, я не надевал маску цинизма, которую так любят носить многие мои знакомые, не притворялся снобом или занудой, пресыщенным интеллектуалом или ироничным болтуном.

Я просто интересовался тем, что подкидывает мне жизнь, стараясь быть самим собой.

Когда-то давно я услышал: «Не бойся взять на себя больше, чем ты сможешь унести. Лишнее отвалится, а нужное останется с тобой». Я старался не забывать этот совет.

Мне нравилась моя работа.

Я был исключением. Я старался мыслить рационально. Я стремился к тому, чтобы быть нормальным.

У жены случались иногда периоды, когда беспокойствие переполняло ее, и мне приходилось проявлять выдержку и терпение (терпение – врожденное, выдержка – приобретенная), чтобы буря из стакана воды не перекинулась сперва на остальную посуду, затем на кухню, затем на весь наш мирок, который мы так старательно день за днем мастерили.

Мы играли свои роли, к которым привыкли, как к коже, как к атмосферному давлению. Привыкли ровно настолько, чтобы не замечать, что это роль.

Это жена капризничала и печалилась. А я не унывал сам и подбадривал ее.

Жена уставала от слов на работе, и поэтому я должен был находить нужные слова для нас обоих. Так могло продолжаться долго. Нас все устраивало.

Иногда я раздражался, иногда кричал на нее. Иногда швырял стеклянные предметы в стену, но они не разбивались и падали на пол с глухим звуком.

Иногда она плакала на кухне и хваталась за непонятно откуда бравшиеся сигареты (вообще она не курила и держала пачку как раз на случай наших ссор). Иногда я просил прощения первым, иногда она подходила сама. Наши размолвки обычно не длились дольше нескольких часов.

Но это были короткие отступления от наших ролей. Нам было хорошо вместе. И мы стремились друг к другу, стараясь проводить вместе свободное время. Мы упивались нашей молодостью, как хорошим шампанским, мы пробовали ее на вкус и цвет, находя каждый новый день новые оттенки и привкусы. Мы выросли – то с ужасом, то с гордостью. Иногда ходили по воскресеньям в церковь, иногда – спали до обеда.

Я не был идеальным: предпочитал на завтрак суп и порой плохо играл свою роль, например, не находя нужных слов, когда жена хотела что-то от меня услышать. Я не был идеальным вообще. Но иногда я старался посмотреть на нас со стороны. И что же я видел?

Я видел, что все нормально.

Глава первая

Мы познакомились в те времена, когда мир казался огромным, но понятным. Когда тебе *почти восемнадцать* лет, все кажется определенно ясным. Ты еще так мало знаешь, но почему-то так уверен в своих заблуждениях...

Мы просиживали вечера и свои немногочисленные деньги в недорогих кафешках, потягивая пиво и болтая обо всем на свете. Недорогие кафешки обычно располагались в подвальных помещениях, там дешевле была аренда, а значит, не нужно было задира́ть цены и носы.

Нашим любимым местом был «ЧесТнок». Он располагался в центре, в одной из подворотен. Это было арт-кафе, где собиралась совершенно разная публика: студенты, неудачливые музыканты, неизданные поэты, какие-то красотишки в поддельных брендах, бородатые дядечки с претензией.

На первом этаже вдоль стен стояли книги на полках. Днем было светло, а по ночам включались уютные светильники (красные абажуры, приглушенный карманный свет). В подвальном этаже всегда был полумрак и наигранная зловещесть. Здесь не было книг, было накурено, велись полупешпотом разговоры, случались драки, продавались наркотики, преодолевались преграды и застенчивость...

По пятницам и субботам в «ЧесТноке» проходили камерные концерты с атмосферой вечного квартирника, играли ди-джеи, читались стихи и проводились презентации книжек. Сновали худенькие официантки, всегда очень занятые, но добрые, конечно, добрые.

У нас был любимый столик, на верхнем этаже, в углу. За ним могло, чуть потеснившись, поместиться человек восемь.

В «ЧесТноке» было дешевое, но всегда свежее пиво, на закуску мы обычно брали картошку фри и жареные шампиньоны. Закончив свои нехитрые дневные дела, мы приходили в *наше место*, падали за наш столик, официантки, не спрашивая, приносили нефильтрованный «Тютчев». Начиналась настоящая жизнь.

Когда мне исполнилось двадцать два года, «ЧесТнок» закрылся. Через пару месяцев на его месте открылся дорогой клуб с каким-то пошлым названием. Юность закончилась, даже не устроив прощальную вечеринку.

Но тогда, тогда мы знали, что это мгновение – наша жизнь, вот эта, именно эта жизнь – будет длиться вечно. И мы были влюблены – друг в друга, в эти стены, в эти книги, в эту дрянную погоду. Для нас играла самая тревожно-прекрасная, наивная, нежная, бесконечная, самая лучшая музыка на свете. Розово-серая дымка, которой было затянуто будущее, таяла где-то вдали, поцелуи перебирались от щек к губам и обратно, внизу проводила саунд-чек хорошая, но мало кому известная команда, у которой вечером здесь должен был состояться концерт. Через пять лет эта группа уже будет собирать стадионы, но тогда мы запанибратски здоровались с солистом, худеньким пареньком с бегающими глазами и тонкими девичьими пальцами, и иногда брали у него взаймы деньги на такси и сигареты.

Притворяясь перед самими собой взрослыми и опытными, мы спорили и пытались найти ответы на главные вопросы человечества. Нас беспокоила любовь и измена, власть и политика, история искусства и почему Томас расстался со своей Кристи (Томаса звали как-то иначе, да и Кристи, кажется, была по паспорту даже не Кристиной, а Олесей).

Потом наступал тревожный момент, когда наша компания начинала распадаться: кто-то торопился домой,

у кого-то заканчивались деньги, парочки охватывало зудящее желание поскорее уединиться. Они бросали купюры на столик, мы обнимались на прощание. «Давай, брат» – «До скорого». Через пару дней все снова должно было повториться: пиво, музыка, книжки, поцелуи при всех.

Я был одинок в то время – у меня не было девушки. Но у меня был фотоаппарат. И это было много. К счастью, мне не нужно было куда-то торопиться, почти все мое время было свободным. Я был последним, кто покидал наше место. В это время уже обычно не ходили троллейбусы.

– Тебе еще что-то принести? – спрашивала, склонившись надо мной, официантка.

И тут, сделав движение глазами навстречу ее взгляду, я понимал, что выпитый алкоголь лишил меня легкости.

– Ты красивая... – произносил я. – Я хотел бы тебя снимать.

– Можно, – улыбалась она. Она была старше меня лет на пять. В общем, не намного старше. – Что-то будешь еще?

– Да, – отвечал я. – Воды.

Она посмотрела на меня внимательно, словно увидела где-то на переносице родимое пятно.

– У меня смена заканчивается через пятнадцать минут. Мы можем пойти ко мне, если ты хочешь.

– Хорошо.

Она действительно скоро закончила работу, мы вместе вышли на свежий воздух.

– Я заметила, что тянуться бесконечно может только вечер или ночь, – сказала она, затянувшись прохладным

воздухом как крепкой сигаретой. – Утро всегда короткое и стремительное.

– Но утро – честнее всего. Утром все понимаешь.

– Да, это так...

– Может, купим еще пива?

– Лучше не пива, а чего-нибудь покрепче. Крепкие напитки – моя слабость. Возле дома есть круглосуточный магазин.

– Хорошо.

– Давай машинку поймаем.

И мы бегали по пустынным ночным улицам и ловили машины, падающие на нас откуда-то с неба, прямо из темных бездн, непостижимых и печальных. Разных размеров и цветов, фасонов и запахов, они падали на нас, медленно опускаясь, как железные снежинки. На одной из них мы добрались до ее дома: одна комната, диван, запах недавно закончившейся войны (много позже, когда жена уйдет, я вспомню эту комнату и этот запах), слишком много пустого места и книги, почему-то казавшиеся забытыми и не нужными.

– Целуй меня, пожалуйста... – шептала она, когда я уже был победителем, а потому чуть утомленным и бессмысленно гордым. Мне казалось, что не нужно ее целовать, но она просила, и я подчинялся.

И утро действительно было короткое, как след, который оставляет нога ребенка. Я вспомнил ее вчерашние слова: про бесконечность иных вечеров, про мои губы и про мою кожу, про ее нежность и печаль, такую глубокую, как ножевое ранение, но все пройдет, конечно, прой-

дет, «и ты такой светлый». А еще вспомнил, что она не принесла мне воду, которую я заказал в кафе.

Это было всего семь лет назад, но мне кажется, что это было так давно, и, может быть, я все это не вспоминаю, а придумываю. Словно тот я – уже не я. И хотя о событиях моей юности, все еще, с надеждой думаю я, не закончившейся, я вспоминаю без стыда и содрогания, мне хочется порой сжечь свои воспоминания, как старые газеты, в большом костре, разожженном по случаю генеральной уборки на весенней даче.

В то время я впервые увидел мою будущую жену. Мне было восемнадцать лет, ей восемнадцать должно было вот-вот исполниться.

Первый раз я увидел ее днем: когда она вошла кафе, я сидел за нашим угловым столиком и читал Достоевского. Местами я продирался сквозь страницы его «Бесов», словно через густой лес, как путешественник, потерявший дорогу и уже не надеющийся добраться до конечной цели маршрута. Достоевский волновал меня. Тревожил и угнетал. Мне было тяжело с ним.

Отложив книгу, я прошел через зал и взял со стойки толстый альбом, в который посетители «ЧесТнока» могли... нет, не оставлять жалобы и выражать восторги... В эту книгу посетители записывали сны. Завсегдатаи об этом знали. Вновь прибывшим сообщали об этой «книге снов», как о достопримечательности, и те спешили поддержать ее в руках.

Читая «Бесы», я вдруг вспомнил сон, который мучил меня прошлой ночью (сны в то время меня только и делали, что мучили).

Мне снилось, будто я хожу по старому пустующему дому, пыльному и большому, заглядываю в комнаты и в одной из них замечаю человека, который лежит, скрючившись на полу, и, кажется, не может подняться. Я хочу помочь ему, но что-то останавливает меня. Внутренний голос будто подсказывает, что лучше оставить все как есть. Иначе – можно нарушить последовательный ход событий. Я прикрываю дверь и обнаруживаю себя в комнате перед зеркалом, и в зеркале – мое отражение. Но отражение живет своей жизнью, у него своя мимика, свои жесты, свой печальный взгляд, и этот взгляд словно говорит мне, что надо выметаться отсюда, уносить ноги и рвать когти. Какое-то время мы всматриваемся друг в друга, словно пытаемся что-то понять. Причем, мое отражение все понимает, а я – нет.

В этот момент я просыпаюсь.

Все это я записал в «книгу снов», сидя за барной стойкой. Поставил дату и, на секунду задумавшись, свое имя.

На каждый сон отводилась одна страница – на соседней странице случайные читатели сонника могли оставлять комментарии. Изучать их было гораздо интереснее, чем сны.

Вернувшись за столик, я снова взялся за «Бесы», но в этот момент увидел ее глаза – они смотрели прямо на меня, в меня и даже куда-то за меня. Я посмотрел на нее в ответ. Она не стала отводить взгляд. Кажется, я первый сдался, вернувшись к книге. Точнее, сделав вид, что вернулся. Больше за этот день я не прочитал ни строчки. И мы, кстати, тоже так и не обменялись в тот день ни одной фразой. Несколько обоюдоострых взглядов (ножи, хорошо нато-

ченные ножи-скальпели со свежей кровью на острие) еще были. А фраз – ни одной.

Много позже, в ту ночь, когда я ворочался без сна и без нее, вслушиваясь в отсутствие звуков, я с отчетливостью вспомнил, как яркую застывшую картинку, тот момент – играет музыка, она смотрит на меня, на моем столе книжка и белая чашка с остатками кофе...

Я вообще хорошо помнил тот день, и это удивительно, потому что огромное количество дней я бесповоротно забыл. (Бесповоротно ли? Старые воспоминания настигают вдруг, и ты понимаешь: все, что ты так долго пытался вспомнить и не смог, или что старался забыть изо всех сил... Все оно хранится где-то на глубине, и однажды всплывает на поверхность, к сомнительному вечернему солнцу).

Я пытался вспомнить, что я делал, например, в прошлом ноябре, и ничего не мог вспомнить.

Под утро я задремал и увидел сон, который принес мне облегчение. Мне снилась любовь, и любовь была языческим богом, самым древним из богов, и любовь требовала жертвоприношений. Только вместо овечьих туш и крови девственниц, любовь требовала чего-то конкретного: много времени (время было меняющей цвета водой в старом графине), много подавленных желаний (что-то, похожее на ком, застрявший в горле), страдания и надежды (рулоны ткани, очень неприятной на ощупь)... Подношения, подношения, любовь принимала их все, равнодушно и ни словом, ни жестом не показывая ни снисхождение свое, ни благодарность, ни презрение.

Она стала заходить в кафе, и однажды мы заговорили. Я кое-что узнал про нее (как зовут, откуда родом),

а она даже не стала расспрашивать меня обо всех этих очевидностях.

Я понравился ей тем, что старался действовать рационально и просто, был спокоен, излучал уверенность в себе (сомнительную весьма), говорил ясными фразами, не старался казаться лучше, чем есть.

Она увлекла меня своей крохотностью (я не говорю сейчас про ее рост, я про другое), незащищенностью, тонкокожестью. С первых дней я прозвал ее «инопланетяшкой», сначала я так называл ее про себя, а потом и вслух. *Моя инопланетяшка*. Она мало ела, но курила, много читала, но не любила музыку, боялась сумерек, была разборчива в знакомствах и довольно холодна, хоть и вежлива с людьми, которые каким-то образом могли ее напрягать.

Была ли в этом какая-то загадка, и почему она показала мне такой уж инопланетной? Это любовь случилась со мной, а любовь, кроме многочисленных жертв, предполагает еще множество вопросов, вопросов, вопросов...

– Она очень хорошенькая, – сказал мне разумный мой приятель (на горизонте жизни его уже маячило сумасшествие, но кто же тогда мог знать об этом). Мы сыграли пять подряд партий в настольный футбол. Только в одной из них мне удалось взять верх.

– Я влюбился, – ответил я.

– Вот прямо так влюбился?

– Именно так.

– И что ты чувствуешь?

– Чувствую, что влюбился.

– Поздравляю! Это очень здорово!

– Спасибо. Мы всего две недели знакомы... Что у тебя нового?

Дружище что-то рассказывал мне, обстоятельно, с юмором и по делу, а я почти не слушал его – прислушивался к себе... Пил что-то из бокала, думал об Инопланетяшке.

Я испытывал счастье. Наверное, счастье – это что-то легкое, его нельзя добиться, достичь. Если за счастье нужно бороться, страдать, если его нужно искать – это уже не счастье, а что-то совсем другое. Успех, победа, результат – но никак не счастье.

У меня не было никакой борьбы. Я просто терпеливо ждал вечера, чтобы увидеть мою любовь. И даже если бы у нее появились неотложные дела и нашу встречу пришлось бы перенести, я все равно оставался бы спокойным. Я был стена, разрисованная талантливыми художниками с добрым взглядом на мир. Я был костер из сухих яблоневых дров. Я был каплями дождевой воды на лице.

Наша первая прогулка. Мы забрели в старый дворик в центре города. С собой были кофе и сэндвичи.

Было очень тихо и спокойно. Где-то в отдалении шумели машины, но казалось, будто мы неведомым образом переправились на другой берег озера, и, кроме нас, здесь никто не сможет оказаться.

– Что ты чувствуешь? – спросила она.

– Честно? Мне хорошо. Я думаю о том, что люди, чтобы узнать друг друга, тратят целые годы. А мне кажется, что мы уже знаем друг друга.

– Не знаем, конечно.

– Ты спросила, что я чувствую. Я так чувствую.

Мы говорили о людях, которые стараются казаться лучше, чем они есть. О том, почему по ночам не хочется врать. О причинах, которые вынуждают тебя «рисоваться» даже перед собственным дневником, который никто посторонний не прочтет.

– А помнишь, были такие анкеты в школах? – спрашивал я. – Какое-то время их было очень модно вести. И не потому, что хотелось что-то узнать о других. Скорее, чтобы рассказать о себе миру.

– Да, у меня была такая анкета. Класе в шестом. Только, мне кажется, это было развлечение для девочек.

– Не скажи. У меня в школе все поголовно завели, даже последние двоечники, которые и писать-то не умели.

– Причем это было повсюду, как эпидемия. Кто их придумал вообще? Помнишь, какие там вопросы были? «Кто из мальчиков тебе нравится?», «Ты уже целовалась?», «За кого из актеров ты хотела бы выйти замуж?»

– «Какая твоя любимая группа?»... «О чем бы ты хотел спросить хозяина анкеты?»... Я даже подрался как-то из-за анкеты, причем чужой. Был у нас в классе парниша, который, желая привлечь внимание одноклассницы, забрал у нее анкету и не отдавал. А та девочка мне тоже нравилась. И даже не то, чтобы нравилась... Я просто тогда очень хотел выглядеть таким решительным, хорошим парнем. Вмешался и потребовал, чтобы он вернул анкету. А он меня послал при всех! Пришлось его ударить. А он тоже не робкого десятка. В общем, подрались мы на радость всего класса.

– И чем все закончилось?

– Оба сохранили достоинство. При минимальных потерях: у меня порванная рубашка, у него фингал под глазом. А анкету тот вернул на следующий день. Якобы он сам так решил.

– Прекрасная история... – улыбалась она. – А тебе после этого случая приходилось драться из-за женщины?

– Кажется, нет. Но одного раза ведь вполне достаточно. Второй раз уже не так волнительно. Хотя каждый мужчина должен хоть раз подраться из-за прекрасной дамы.

– А что еще должен хоть раз сделать мужчина?

– Прочитать несколько романов Хемингуэя. Что-то своими руками построить. Выпить за вечер бутылку водки.

– Еще?

– Восстановить справедливость.

– Ага...

– Поцеловать самую прекрасную девушку на Земле.

– Да ну?

– Да-да, и сегодня у меня есть такая возможность.

Она рассмеялась, а я быстро обнял ее и поцеловал.

– Ладно, – сказала она минутой позже. – Продолжай список. Мне интересно.

– Ты мне помоги. У тебя, кажется, есть какие-то идеи на этот счет.

– Хорошо. Я думаю, каждый мужчина должен хоть раз оказаться в большой опасности.

– Вот как! А он должен сам искать эту опасность? Ему нужно для этого идти на войну?

– Не обязательно. У многих мужчин сами по себе профессии рискованные. И если он не рискует, хотя бы время от времени, он что-то теряет. Теряет свою мужественность.

– Отличная теория, – восхитился я. – А как быть тому, кто торгует цветами возле метро? Или придумывает декорации для театра оперетты?

– Хорошо, ты прав, это глупо. Я по-другому скажу. Мужчина должен спасти кого-нибудь от смерти. Вернее, помочь кому-то выжить. Мне кажется, у каждого в жизни есть такая возможность, – Инопланетяшка стала серьезной-серьезной. – Вообще, у каждого есть возможность стать кем угодно. А спасти от смерти – вовсе не значит вытащить из горящего дома. Можно спасти человека словом или вовсе подать нищему в нужный момент несколько монеток... И можно спасти человека от смерти, проводя с ним рядом всю жизнь.

Я посмотрел на нее внимательно.

– Часто ты думаешь о таких вещах?

– Часто и не часто... Иногда у меня сердце разрывается за весь мир. Мне бездомных детей до боли жалко. Узнаю, что где-то в Южной Америке разбился самолет, и тоже чуть не плачу... Серьезно. Очень близко к сердцу все принимаю. И знаешь, это не проходит по мере того, как я становлюсь взрослее. Мне кажется, все мы, кто здесь и сейчас живет, очень тесно связаны. Гораздо теснее, чем может показаться. И если где-то на другом конце света умер ребенок – это горе не только его родителей.

Я проводил ее, и сам отправился пешком в сторону своего дома. Голова моя была полна светлых мыслей. Мне нравилось, что небо надо мной было чистым, и звезды светили ярко. Их очень редко можно разглядеть в городе.

Мы впервые занялись любовью через месяц после нашего знакомства. Она кривлялась в объектив, изображая то серьезность, то ярость, то вдохновение, а я снимал ее, возбуждаясь с каждым новым кадром.

– Ты такая красивая, – сказал я, отведя в сторону фотоаппарат.

Она посмотрела на меня и сняла майку. Сняла по-мужски, одним резким движением. Лифчика под майкой не было.

– Продолжай меня снимать, – сказала она (очень серьезным голосом).

– Все с себя сними, – сказал я (сдавленно).

Она пожала плечами и расстегнула молнию на джинсах. Оставшись в одних трусиках, посмотрела на меня просительно, но я не пощадил, кивнул. Лишившись последней одежды, она сказала:

– Только пообещай мне, что эти фотографии никто не увидит.

– Не могу обещать.

– Тогда я оденусь.

– Нет, ты не оденешься. А теперь покажи, что ты стесняешься.

Она послушалась меня. И слушалась весь вечер, иногда подсказывая, помогая или фантазируя вместе со мной. А еще она что-то шептала мне в ухо, но слов я почти не мог разобрать.

– Кажется, мы немного притерлись друг к другу, – сказала она, когда я вдруг почувствовал страх, что она может сейчас встать и уйти, и я ее больше не увижу.

Я снова сижу в гостях у приятеля-безумца.

– Мать мне хотела запретить читать, – улыбнулся он. – Ей доктор сказал, что нельзя точно сказать, как на меня может повлиять чтение. Но я ее убедил, что «нельзя точно сказать» – это не запрет, и вообще, классика на людей действует благотворно. Сам ты как? Я слышал, что жена от тебя ушла?

– Понимаешь, если бы я жил у нее, то тогда бы я от жены ушел.

– Да, это совсем другое дело.

– Вообще-то, лучше бы я ушел. Потому что довольно трудно оставаться одному в квартире, где столько всего было. Все обо всем напоминает, но я как-то справляюсь, думал, будет хуже.

– Все-таки семь лет, да?

– Много. Притерлись друг к другу.

Я вспомнил наш первый раз и улыбнулся про себя.

Приятель смотрел на меня, словно ожидая продолжение рассказа. Может, ему полезно слушать о чужих переживаниях и тревогах? Может, его это отвлекает?

– Знаешь, о чем я подумал? Так странно, что когда в твоей жизни происходит что-то глобальное, например, ты расстаешься с очень близким человеком... А все по-прежнему. Так же надо ходить на работу, как и раньше. Также надо покупать еду. Также ложиться спать и просыпаться по утрам.

Я посмотрел на окно, из которого открывался вид на тихий дворик с деревьями – я буквально чувствовал, хо-

тя и не мог видеть со своего места, как по двору, около железной перекладины, на которой выбивают ковры, ходит ребенок, оставляя следы на свежем снегу, и ребенок оборачивается, и смотрит на них. Меня подмывало подняться и посмотреть на этого воображаемого ребенка, но я остался сидеть на стуле.

– Мы с женой как-то спорили о метафорах, – сказал я. – Между человеком, который имеет дело с картинками, и человеком, который живет в словах, могут быть такие споры. Так вот, я ей рассказывал, что меня всю жизнь сопровождает метафора рельсов, и мне кажется, что благодаря этой метафоре жизнь кажется мне упорядоченной. Я знаю, что пока проложены рельсы, дорога будет продолжаться. Ведь поезда ходят по расписанию...

Ребенок, тем временем, принялся внимательно сравнивать след своей правой ноги со следом от левой.

– А жена считала, – продолжил я, – что жизнь скорее подобна полю и не ограничена никакими рельсами, и можно идти в любую сторону, куда глаза глядят. И везде что-то есть, и там, и тут, и такова жизнь. И, знаешь, из-за своей метафоры она оставалась на месте. Хваталась то за одно, то за другое. Но снова возвращалась в центр своего необозримого поля. А я двигался вперед. У каждого есть своя главная метафора. Образ, который сопровождает человека всю жизнь.

– Да, у меня тоже есть такой образ, – сказал мой друг. – Это образ почты... Но это твоя личная почта. Туда приходят бандероли, посылки, письма и телеграммы только для тебя одного. Всю жизнь ты отвечаешь на послания, читаешь поздравительные открытки и срочные новости, которые приносит тебе твой личный почтальон.

Приятель замолчал и, кажется, вовсе забыл, что кто-то сейчас находится с ним в одной комнате.

– Как мать? – спросил я, чтобы вернуть его.

– Она молодец, работает много. Виду не подает, что ей за меня больно.

– Значит, она сейчас на работе?

– На работе.

– Не боится оставлять тебя одного?

– Нет, я же не буйный. Я сам понимаю, что лучше не ходить куда-то далеко и не пить алкоголь. А то опять все как навалится, что деться будет некуда. Надо, чтобы время прошло. Потом я успокоюсь, и как-то все само собой образуется.

– Так и будет.

Он производил впечатление человека рассудительного и толкового, такого, каким был всегда. Но я знал, что он мог во время очередного приступа выбросить в окно телевизор или пойти по соседям, прося денег на похороны жены (жена была жива, хоть и предпочитала не общаться с моим другом). А однажды пытался покончить с собой.

Прощаясь, я подошел наконец к окну и увидел, как *все было на самом деле*. Ребенок, очень высоко взлетая, катался на качелях. Он бы уже давно сделал «солнышко», но конструкция качелей исключала эту возможность. Не было никаких следов на снегу. И быть не могло. В сентябре не бывает снега.

Свою первую персональную фотовыставку мне удалось устроить еще в «ЧесТноке», незадолго до того, как он закрылся. Это была серия работ под общим названием «Отцы». Я таскался по городу и снимал мужчин «за пятьдесят» с суровыми, печальными, грубыми и злыми, в общем, интересными лицами. Устроить все получилось просто, я подошел к владельцу «ЧесТнока», бородатому мужчине с тоской в черных глазах, и показал ему свои снимки. Посмотрев фотографии, он сказал, что «это круто». Он попал под мощь «отцовского» очарования.

Неожиданно для себя из завсегдатая заведения я стал его знаменитостью. (В хорошем заведении должны быть свои знаменитости). Про мою выставку написали все городские журналы. В «ЧесТнок» специально заходили, чтобы посмотреть на снимки. Мне предложили «что-нибудь снять» для нескольких модных журналов.

В выражении «проснулся знаменитым» есть серьезное преувеличение, но за пару недель я, 21-летний фотограф, стал вдруг неплохо известен в своем кругу. Мною заинтересовались. «Отцы» стали моей визитной карточкой, которых у меня, кстати, тогда не было.

Жена говорила мне, чтобы я не зазнавался. Она, кажется, всерьез опасалась, что, пригубив мелкой славы, я начну приставать к поклонницам, кадрить моделек, пристращусь к наркотикам и быстро растеряю свои таланты. Но я трезво относился к себе. Я понимал, что еще только набираю ход, что это – только начало.

Она гордилась мной и, может быть, даже немного завидовала. По-доброму, только так.

Иногда ночами, одновременно просыпаясь без видимой на то причины, мы занимались сексом, а потом разго-

варивали в темноте, фантазировали и мечтали вслух. Наши тела были здоровы, души – чисты, мы медленно входили в большую жизнь. Дуглас Коупленд писал, что в семнадцать лет ты еще фактически в утробе у матери. Не думаю, что к двадцати ты успеваешь из нее выбраться – разве что увидеть свет впереди.

Репортерская работа оставалась для меня основной, но в отличие от большинства своих коллег я пытался не просто быстро выполнять свои задания, но искать в обыденности что-то интересное, подмечать детали, находить красоту. Меня равно возбуждали и городские пейзажи с трубами и голыми деревьями, и уставшие люди, набивающие своими телами троллейбусы и трамваи. Их лица, анфасы и профили, грязь под их ногтями, привычные мысли, бродившие, как сок внутри старого дерева, в их головах. Все это казалось мне настоящей поэзией – молчаливой, сонной, но будоражащей. Огромной декорацией целого мира в натуральную величину.

Я не мог охватить все, но очень старался и радовался, когда получалось запечатлеть хоть что-то.

Однажды я вышел в круглосуточный магазинчик, располагавшийся под нашим домом, за минералкой и познакомился с бомжем Валерой. Валера был завсегдатаем нашего района. Он стрелял мелочь и сигареты, подолгу задумчиво курил возле остановки или читал газеты. Его можно было встретить всегда, ночью и днем, мне кажется, он никогда не спал. У него было чертовски задумчивое лицо, в глубине которого таились живые и ясные глаза, но тень от шапки с козырьком, которую он постоянно но-

сил, не давала их рассмотреть. Валера знал все, что творится вокруг, не только в своем районе, но и в стране. Ему было около пятидесяти лет, он был рассудителен, неспешен и, кажется, добр. По крайней мере, подкармливал нескольких бродячих псов. Валера был одет в старый-престарый плащ, под которым проглядывала рубашка с заплатами, и стоптанные бесформенные ботинки. Впрочем, он где-то иногда мылся и даже стирал одежду – от него не воняло, и потому было вовсе не противно, когда он подбирался к тебе, стоящему в очереди за соком или сигаретами, и вежливо просил дать несколько монет.

– Валерий, я фотограф, я был бы рад, если бы вы показали мне район. Я хотел бы поснимать его как бы вашими глазами.

Валерий достал из кармана сигаретку, покрутил ее в пальцах, словно что-то прикидывая, и сказал:

– У меня, в принципе, есть на это время.

На следующий день мы встретились с Валерием в десять утра возле газетного ларька и отправились в путь.

– Вот эта женщина, – показывал Валерий на пожилую тетку, которая торговала какими-то банками с соленьями, – странная.

– Почему?

– Она однажды пригласила меня к себе в гости. Налила мне чай и спросила, голоден ли я. Я сказал, что могу и потерпеть. Тогда она принялась мне делать оладьи. У нее получились отличные оладьи, пухлые такие. Она налила мне варенья и меду. Пока я ел, она рассказывала о том, чего хотела в жизни, и почему у нее ничего не получилось. Она хорошо рассказывала и даже плакала, а я ел оладьи

и кивал. Потом она предложила посмотреть телевизор. Мы посмотрели новости и сериал, который она очень любила. Поскольку я ничего не понимал, что там происходит, она мне постоянно объясняла. Потом я собрался уходить, а она сказала, что я могу к ней приходить, когда мне захочется, и если что, она мне поможет.

Я сделал несколько снимков женщины с соленьями, та увидела, что я ее фотографирую, подняла кулак и потрясла им в воздухе.

– Я приходил к ней еще несколько раз. Мы пили чай и смотрели сериал. Я у нее мылся. Однажды она зашла в ванную, когда я принимал душ, и обхватила меня руками за плечи. И начала лезть с поцелуями. Я взял ее за плечо и сказал, что не хочу этого, потому что жене не изменяю. Она тогда сказала мне, что я мог бы у нее жить, и все бы наладилось. Она с такой надеждой посмотрела на меня. А я сказал, что не могу так. Собрался и ушел. С тех пор мы не общаемся.

Помолчав, он добавил:

– Дурак я. У меня и жены-то нет.

Валерий показал место, где он спит и хранит свои вещи. Это было подсобное помещение в девятиэтажном доме, где стояли мусорные баки.

– Меня консьержка пустила, я ей помогаю мусор выкатывать, когда машины приходят.

Мы прошли в парк, и Валерий показал место, где он любит летом «посидеть-подумать».

– Знаешь, о чем я думаю, когда здесь сижу? О том, что нельзя падать. Нужно смотреть под ноги всегда. Понимаешь, молодой ты человек... Когда падает ребенок, в этом

нет ничего страшного. Но однажды тебе будет лет эдак шестьдесят, и ты упадешь. Поскользнешься на льду или запнешься о ступеньку и упадешь. И тебе будет совершенно незачем вставать.

Он посуровел:

– Я не знаю, зачем тебе все это говорю. Ты, кажется, хороший парень. Но ты ничего не поймешь. Никто ничего не понимает с чужих слов. Пошли отсюда.

В благодарность за прогулку я купил Валерию пачку сигарет и курицу-гриль. Хотел дать еще денег, но он отказался.

Мы поженились в солнечный апрельский день, на следующие выходные после Пасхи.

О том, что мы муж и жена, нам сообщила торжественная женщина в алом платье, приплетшая к месту и родину, и государство, и флаг, и несколько раз в одном предложении сказавшая слово «отныне». Ее шикарную прическу колыхал ветер. Жена сдерживала улыбку, я старался выглядеть серьезным. Нам кричали: «Горько!».

Мы праздновали на природе, на берегу реки. Играли Торог Orchestra. В перерывах между песнями музыканты пускали по кругу пятилитровую бутылку с портвейном. Гости бродили вдоль столов. Пахло жареным мясом. Резвились дети. Какой-то мужчина уже успел напиться и упасть в реку. На него никто не обратил внимания. Матерясь, он выбрался на берег. Торог Orchestra грянули гимн Сербии.

Когда вся официальная часть закончилась, мы с женой убрели подальше и сели на перевернутую лодку.

На противоположном берегу купались голышом парень с девушкой. Жена достала косяк, затанулась, передала мне.

– Понимаешь, что случилось? – спросила она.

– Понимаю. Ничего не случилось. Все по-прежнему прекрасно.

– Но теперь тебе точно придется быть со мной до глубокой старости. Терпеть мои закидоны. Дарить мне цветы, когда я буду в плохом настроении. Впрочем, ты умрешь раньше меня, конечно. И, если что, я еще успею найти себе хорошего парня.

– Чего это вдруг я умру раньше тебя?

– Во-первых, ты на полгода меня старше, во-вторых, женщины живут дольше, в-третьих, ты больше меня пьешь и ешь жирную пищу.

– Лично я планирую жить дольше тебя. И статистика меня не волнует. Можем даже поспорить, кто из нас умрет раньше.

– Давай! На что спорим?

– Тот, кто выиграет, получает право станцевать на гробу другого и спеть *Start Wearing Purple*.

– Заметано! В таком случае, я еще закажу тебе отличный розовый гробик.

– Розовый гробик? Веская причина жить долго.

Мы добились косяка. Жена прижалась ко мне. Парочка на противоположной стороне реки выбралась из воды и ушла в кусты.

– Нас, наверное, ищут, – сказал я.

– Нас нет. Поэтому нас никто не найдет. Я так рада, что я теперь твоя жена.

Каждый раз, когда расцветала весна, город начинал источать свои разные, бесконечные, спрятанные с последних дней октября запахи – кофе и выпечки, бензина и цветов, горящего мусора и речной воды. Вдохновение было в самом воздухе, и достаточно было прошагать полквартала, не думая о делах и проблемах, чтобы почувствовать жгучее желание творить, искать, стараться. Хотелось побежать по улице с диким лицом, чтобы прохожие крутили пальцем у виска. Новые идеи приходили в голову, тревожили, приживались или забывались наутро.

Однажды жена сильно поранила руку соскочившим ножом. Кровь шла очень сильно. Я забинтовал рану, вызвал такси, и мы поехали в больницу. В травмпункте нам наскоро оказали первую помощь и попросили подождать. Вместе с нами своей помощи ждал человек, из плеча которого только что вынули шило, молодая женщина со свежим синяком на пол-лица, трехлетняя девочка, упавшая и ударившаяся личиком об угол дома (она была с мамой), и окровавленный парень, прошедший неудачный спарринг со случайным собутельником.

В больнице я придумал идею новой выставки. Решив отвлечь мою бледную, но мужественно терпящую боль Инопланетяшку, я рассказал ей о своей новой идее.

– Однажды я лежал в больнице с отравлением. Быстро шел на поправку, но меня не выпускали еще – ждали результаты анализов. И я читал книжки, а когда читать было уже утомительно, смотрел в окно. А там колыхались деревья, и был безмятежный покой. Но только этот вид навевал печаль. Грустно было смотреть на небо и на деревья. И еще казалось, что детство прошло. Больше никто и никогда не будет тебе подогревать молоко...

Окровавленный парень (от него на весь коридор несло водкой) прислушивался к моему рассказу.

– Я хочу поснимать вид из окон больничных палат. Таких палат, где лежат те, кому недолго осталось. Как тебе идея?

– Хорошая идея, – кивнула жена. – Только зачем распространять по миру печаль и грусть?

– Для того, чтобы напомнить. Напомнить, что...

– Не надо. Я поняла. Это может быть хорошей идеей. Если удачно снимешь...

Парень с разбитым лицом посмотрел на меня и улыбнулся, стараясь, несмотря на всю кровь и водку, выглядеть доброжелательным и приятным молодым человеком.

– Можно вам вопрос спросить? – поинтересовался он.
– Я вот вас услышал. Вы фотограф?

– Да.

– Я понял. А на какой вы фотоаппарат снимаете? Я это к чему говорю... У меня малая хочет фотографом стать. У меня все просит, чтоб я ей купил.

– Малая, в смысле, ваша девушка?

– Ну да, девушка. Ее Томой зовут, – добавил он, словно обидевшись.

Я посоветовал ему пару вариантов, которые могли бы подойти для начинающего фотографа. Приемлемых по качеству и скромных по цене.

– Да дело не в деньгах... – махнул рукой мой собеседник. – Просто нахрена ей он вообще нужен? Что она будет фотографировать? Поиграется неделю, а потом захочет ки-

но снимать. И будет у меня видеокамеру просить. Я вот уже знаю, как будет. Она у меня как-то диктофон просила. Ну, я ей купил. Она хотела так песни писать. Говорит, что, типа, идет часто по улице и в голове какой-то мотивчик крутится. И что если бы у нее был диктофон, то она бы его сразу напела, ля-ля-ля-ля, а потом бы дома уже доработала. Так и что ты думаешь? Хуя. Ни одной песни не написала.

– По крайней мере, вы воплощаете ее мечты в жизнь, – сказала жена. – Она вас будет всегда любить, пока вы будете помогать ей мечтать.

– А-а-а, – махнул рукой парень. – Пошла она...

В это время медсестра пригласила жену в кабинет.

– Твоя баба? – спросил у меня парень, когда за ней закрылась дверь.

– Жена.

– Вот, бля. Молодцы.

Он сделал движение, словно собираясь пожать мне руку, но в последний момент передумал. Видимо, решил не пачкать меня своей кровью.

Я назвал этот цикл «Окна». Работая над ним, я вдруг со всей ясностью понял (вспомнил?), что такое смерть. Липкая, пугающая, холодная, одинокая до безобразия. В восемь лет из окна троллейбуса я увидел лежащего на дороге человека, которого только что сбила машина. Вокруг головы, прямо как в кино, растекалась темная лужица. Нога его произвольно дергалась. Человек был одет во что-то обычное, выглядел обычно, был прохожим, человеком, которо-

го ты мог знать. Человека, который мог оказаться тобой. Я видел его не больше десяти секунд, пока тралик медленно проезжал место ДТП, но этих десяти секунд хватило, чтобы понять.

Умрешь. Будешь лежать вот так. Неподвижный.

Одиноко.

Когда я снимал «Окна», я снова чувствовал то же самое, что и тогда, в детстве, когда видел умирающего человека. Я не знаю, может быть, случилось какое-то чудо, и его спасли. Ведь я отчетливо видел, как он дергал ногой, а значит шевелился. Значит, еще был жив. Может, успела «скорая», может, врач оказался гением. Может... Но только я чувствую, что тогда я увидел что-то такое, после чего нельзя было жить по-прежнему (друзья, компьютеры, футбол). Нельзя. А я жил.

Вторая выставка случилась в галерее «Комната» – одна комната, белые стены, недорогое шампанское, гости без пафоса. «Окна», как и первая выставка, не остались без внимания. Писали журналы, обсуждали блогеры, какие-то люди звонили мне по телефону и предлагали, хвалили, советовали.

Мы занимались любовью с женой, она учила меня быть нежным, а я учил ее притворяться. Ночью иногда не спали, смотрели кино, пили ром, спорили, и лишь под утро все стихало.

Первая пощечина назревала, как гол, но ведь в футболе часто бывает счет 0:0.

Я не знаю, понял ли кто-нибудь, что я хотел сказать «Окнами». Смог ли увидеть человека, лежащего на асфальте.

Увидеть вокруг его головы лужу крови, похожую на опрокинутый нимб...

– Все творцы, все творят, все искусство создают, – глазки ее горели остро, когда она говорила мне это. – И я пытаюсь, и ты делаешь. Ты думаешь, мы таким образом улучшаем мир. И все те, кто что-то пишут, снимают и устраивают... Блин, у меня кожа на руках сохнет, и крем кончился, как назло...

– Да, творят сотни. Но лишь один из сотни, если не из тысячи, становится известным. И дело не только в таланте, талант – это лишь кусок мозаики, один-единственный фрагмент паззла. А чтобы все сложилось, нужно прилагать усилия, выдумывать, искать.

– Я тебе говорила, что хочу книгу написать. Но не могу написать за один раз больше нескольких абзацев. Это хорошие текстик. Только они не связаны друг с другом. Странно, в голове у меня уже готов сюжет, уже написаны все диалоги, придуманы связки и переходы. А когда я наконец разбираюсь со всей своей работой, и у меня появляется свободное время, то пишу что-то совсем другое.

– Когда-нибудь ты напишешь роман, я уверен, – сказал я. – И это будет хороший роман.

– Знаешь, какой-то писатель, уж не помню какой, говорил, что у каждого человека есть три навязчивых желания – написать книгу, открыть ресторан и ограбить банк.

– Клянусь, не хотел бы банк грабить. Вот ювелирный магазин – да! А банк – не хотел.

– А зачем ювелирный? Чтобы ты делал со всеми этими побрякушками?

– Тебе бы подарил. Ну и продавать их можно.

– Так не проще ли брать наличными?!

– Проще, конечно. Только, во-первых, я не ищу легких путей. Если бы искал – фотографировал бы голых девок. А во-вторых, есть какой-то финт, который я не могу тебе объяснить. Но я бы лучше, реально, цветочный магазин грабанул, чем скучный банк. Банк все хотят ограбить.

– Да, мой хороший, ты не как все. Я знаю.

Жена считала меня человеком настроения, хотя это, конечно, было не так. Мне кажется, я умело справлялся с темными проявлениями моей натуры (назовем их так). У кого их нет?

Половину свободных вечеров мы проводили дома, другую половину – в местах, где можно было выпить яблочный сидр или темное пиво, пообщаться со знакомыми, подсмотреть идейку или ситуацию, набросать план, увидеть старого товарища.

Разумеется, мы не всегда ходили куда-то вместе. Мы доверяли друг другу и понимали, что важно иногда побыть одному, наедине со своими мыслями. *Люди не космонавты.*

В один из таких вечеров в баре «9 песен» я встретился со знакомым политическим журналистом, который писал так много и публиковался в таком количестве разных изданий одновременно, что возникало сомнение, есть ли у него личная жизнь и спит ли он когда-нибудь вообще. Днями он рыскал по городу, вечерами встречался с информаторами, а по ночам писал тексты. При этом довольно много пил, отчего выглядел старше своих лет. Он знал огромное количество разных неприметных, но важных ребят, способных поделиться ценной информацией – за вознаграждение или потому что это могло соответствовать их

интересам. Он был хорошим репортером, но довольно слабым публицистом. Мог накопать множество новой и интересной инфы и изложить это в удобочитаемой последовательности, но обобщить, проанализировать, вывести все это за рамки репортажа или расследования – это было выше его способностей. (Очередное подтверждение того, что все не идеально).

– Я бы хотел поработать с тобой, – сказал он мне после того, как мы обменялись парой общих фраз. – Мне нужен молодой, резкий и талантливый фотограф, который может сорваться в любое время дня и ночи и приехать ко мне, чтобы сделать один-два кадра, и так же быстро исчезнуть.

– У меня сейчас хватает работы, – ответил я.

– Я знаю. Но за эти один-два кадра будут платить очень хорошо. Я сейчас делаю несколько довольно серьезных расследований. Если все получится, полетят головы у очень влиятельных ребят. Это интересно.

– Я подумаю, – сказал я.

– Подумай. Деньгами тебя не обидят, – и, отхлебнув из стакана виски, добавил: – Тебе же надо семью кормить.

– Моя семья пока не голодает, дружище.

– Что ж, это говорит о том, что ты мужчина.

– А у кого-то есть сомнения?

– Сомнения в том, мужчина ты или нет, прежде всего, бывают у тебя самого.

– Стараюсь не думать об этом. А как ты справляешься со своими сомнениями?

– В ежедневнике пишу дела на завтра и ложусь спать.

Я кивнул. Он допил виски и, сообщив, что у него встреча через двадцать минут, быстро покинул заведение.

За его прямоотой и резкостью скрывалась надежность и основательность, а манеру говорить в лоб странные вещи и без экивоков задавать неудобные вопросы я относил к профессиональной привычке. Пару лет назад, когда мы только познакомились с ним, он был немного другим: медленнее, осторожнее. Но по мере того, как развивалась его карьера, он становился жестче, решительнее и смелее.

На него несколько раз подавали в суд, ему угрожали расправой и тюрьмой. Один из наших общих знакомых сказал мне как-то, что нисколько не удивится, если «однажды этого орла найдут с заточкой в сердце». Но ничего страшного с ним не происходило – я подозревал, что, возможно, за ним стоят какие-то люди, способные в нужный момент его прикрыть и защитить. Впрочем, с такой же долей вероятности можно было бы предполагать, что он действует на свой страх и риск, исключительно из любви к ремеслу.

Знал я так же и то, что его карьерный рост начался после того, как он разошелся со своей невестой практически накануне свадьбы. Говорили, что она ему изменила, а он узнал, была какая-то темная история с мордобоем, больницей и чуть ли не уголовным делом, при этом точно не было известно, кто кого бил и где сейчас эта самая невеста. Возможно, это были обычные сплетни, которыми так богат мирок работников средств массовой информации.

Мы не были большими друзьями, и даже просто друзьями не были – так, пересекались на общих рабочих ту-

совках. Моя жена его тоже знала. Ему было около тридцати, он брился, только когда случайно замечал отражение своего лица в зеркале, и нередко садился бухим за руль.

Кажется, описывая отношения с женой, вязь и хитро-сплетенья наших ролей и образов, я не упомянул – скорее стесняясь, чем по забывчивости – то, что и я порой впадал в состояние, когда завтрашний день (синекдоха будущего) казался мне мрачным и лишенным всякой надежды. Я хандрил. Да, со мной это случалось реже, чем с Инопланетяшкой моей, но случалось тоже. Уверен, что каждый иногда испытывает подобное: когда кажется, будто все, чем ты занимаешься, мелко и неважно, что где-то мимо тебя проходит другая, настоящая, яркая жизнь, которой ты и хотел жить, но по ошибке сел не в тот поезд (рельсы, рельсы), и все пропустил.

Бывает, сидишь в гостях у друга на кухне и рассказываешь ему что-то такое, что кажется тебе ненормальным, что волнует тебя и рвется наружу фонтаном нечистот.

– Иногда мне кажется, что я не люблю ее. Знал бы ты, как она раздражает меня. Мне кажется, все, что связывает нас, одна большая ошибка. Хочется бросить и уехать...

И на каждую твою реплику друг, образец понимания и рассудительности, отвечает в духе:

– Это нормально. И у меня бывает такое... И я часто этого хочу...

«Эх, – думаешь ты, если можно думать междометиями, – опять я никого не удивил».

Разговор сползает на другую тему, настает черед воспоминаний, приятной ностальгии – мол, были времена, ты ведь помнишь? И потом едешь на такси домой, и с нежностью, уже без всякого раздражения, думаешь: как хорошо, что там, куда ты едешь, сейчас находится кто-то родной, понимающий тебя. Как хорошо слышать рядом ее теплое дыхание, слышать звук ее шагов, закрытыми глазами чувствовать, засыпая, ее всегда такой внимательный взгляд.

Темнота отступает. Хочется спать.

Я не любил долго спать. А жена была соней. Она любила посидеть допоздна в интернете или за книжкой. Она всегда вставала с трудом, в первые минуты после пробуждения с ней было лучше не разговаривать. Но и не разговаривать было нельзя – могла обидеться на невнимание. Нужно было оказать какой-то короткий, молчаливый жест любви и заботы: поцеловать в щеку, движение руки – провести по волосам двумя пальцами, улыбнуться.

После чашки кофе жизнь начинала обретать привычные очертания. Мы делились друг с другом событиями минувшей ночи: хорошо ли спалось, приходили ли сны про красивых людей и каменистый берег неизвестного моря? (Кто знает, откуда мы на самом деле возвращаемся, просыпаясь).

Иногда жену мучили кошмары, и тогда она будила меня посреди темноты и ночи, прижималась ко мне, сильно-сильно сжимая мою руку возле локтевого сгиба.

Недавно она нашла себе еще одну работу. Устроилась ридером на полставки в одно коммерчески активное издательство. Вы, конечно, слышали о нем: именно это издательство однажды сожгло на презентации половину тиража.

Работа ридером явно не возможна без любви к литературе – жена литературу, конечно, любила. Ее задачей было чтение присылаемых рукописей. Причем, не всех подряд, а тех, что уже отобрали предварительно, и издатели всерьез размышляли о том, опубликовать их или нет.

В неделю нужно было прочесть один или два больших текста и написать по поводу каждого из них небольшую рецензию. Если отзывы были положительные, рукопись прочитывал главный редактор. Если нет – ее откладывали до лучших времен, не сообщая, впрочем, автору вынесенного вердикта. Автору вообще никто ничего не сообщал.

Теперь жена окончательно растворилась в чужих текстах. На основной работе она их правила и редактировала, на второй – читала и кривилась.

– Может, тебе вообще оставить обе работы и заняться вплотную своим романом? – спросил я однажды.

– Как это – бросить работу?

– Или взять отпуск за свой счет, на несколько месяцев.

– Вряд ли я на это решусь, – отвечала жена. – Чтобы бросить работу... Вряд ли. И я совсем не уверена, что мне мешает писать книжку именно моя загруженность. Не факт, что если у меня появится свободное время, много свободного времени, я сразу же брошусь писать.

Все продолжало катиться по своим рельсам, по заданному маршруту, делу время – потехе час. Иногда я чувствовал себя необыкновенно свободным. Любимый человек был рядом, имелась работа, не забывали друзья. Книжки и фильмы, журналы и музыка. Разговоры под алкоголь, звонки, встречи, поездки...

Кто-то говорил, что для полноценной счастливой жизни, человеку нужны ровно три вещи – крепкая семья, надежные друзья, любимая работа. Глядя на то, как бессмысленно тратят время мои ровесники, прозябая между нелюбимой работой, нелюбимыми людьми и случайными компаниями, я чувствовал себя исключением, *избранным*, и боялся все потерять или потеряться самому. Видя разнообразие чужой жизни, периодически врываясь по работе в чужие миры (миры детских домов, тюрем, насилия, борделей), я отчетливо понимал, что безумие может ждать тебя за каждым углом, за каждым новым поворотом. Что счастье, которое ты испытываешь, – это аванс, который еще предстоит отработать.

Конечно, всегда есть какая-то вещь, которая будет мешать *быть полностью счастливым*... Единственная тучка на горизонте.

Болезнь или навязчивый страх. Неприятный человек или недоверие твоей подруги. Долги или повестки из военкомата.

Остается только жить, лавируя между неприятностями, предугадывая и справляясь, двигаясь на ощупь к намеченной цели. И стараясь увидеть что-то за горизонтом.

Мне было тогда лет 18, я старался казаться опытнее, чем есть. Привыкал ко вкусу крепкого алкоголя и к тем ощущениям, которые появляются, когда выпиваешь чуть больше, чем тебе следовало бы выпить в этот вечер.

Мы встретились с дядькой в невыразительном ресторанчике, где, по его словам, было свежее пиво и хорошая кухня. Дядька обладал умением в довольно емких фразах сформулировать то, что мне важно было услышать.

– Представь, что жизнь – это игра вдолгую, – говорил он. – Что твоя жизнь, карьера, судьба – как угодно это можно назвать – это проект, который ты продюсируешь. Сначала придется вкладывать много усилий и денег, и только потом, через годы, проект начнет отбиваться, приносить прибыль. Доверяй интуиции, прислушивайся к себе, попытайся понять, как должен выглядеть этот проект, что он будет давать публике, кто твоя аудитория. Я понимаю, что очень хочется быстро отбить вложенные деньги. Хочется получить все и сразу. Но так не бывает.

Он эффектно прикуривал, тренькая зажигалкой, выпускал дым и продолжал:

– Когда мне было лет двадцать, у меня был довольно обширный круг друзей, я общался со многими. И я прикидывал, про кого из моих друзей-ровесников можно сказать, что он уже чего-то добился. Нам было около двадцати, плюс-минус пару лет. Мы где-то учились, где-то подрабатывали. Кто-то был музыкантом и играл в группе, кто-то пытался возить шмотки из Китая, один знакомый начал разводить бойцовых собак. Были те, кто хотел после окончания института продолжать образование, пойти в науку. Я понимал, что, в общем-то, мы все на одном уровне. Каждый пытается делать что-то, имеет маленькие денежки или, наоборот, всегда живет в небольшом минусе, но при этом занимается любимым делом.

Нам принесли пиво, мы чокнулись и сделали несколько больших вкусных глотков.

– Я все время торопился, – продолжал дядька. – Мне казалось, что нужно прибавлять, я анализировал свою жизнь и злился, подсчитывая собственные проёбы. Там, мол, и там нужно было сделать по-другому. Я раздражался на себя, когда тратил время впустую. Но не мог иначе.

Иногда мне не удавалось себя заставить делать дела, я за чем-то шел и бухал с левыми знакомыми. Потом опять на себя злился... И все мы так, как червячки, прогрызали себе путь под землей. Медленно, неспешно. Потом выросли, обзаводились семьями или чем-то похожим на семью. Меняли работу, начинали свой бизнес. И все равно не получалось. Какие-то вещи, которые мне сейчас кажутся простыми и естественными, тогда были непостижимы и бесконечно далеки. Потом, постепенно все изменялось, как-то неуловимо. Тебя начинали увлекать совсем другие вещи, чем те, что раньше. Затем ты вдруг, однажды проснувшись после какой-нибудь мрачной попойки, находил то самое решение, которое долго искал. И все начинало работать. Но мне тогда уже было тридцать.

– Ты хочешь сказать, что всему свое время?

– Время – да. Но есть еще объективная реальность, которая в двадцать лет становится для тебя непреодолимой стеной, и в двадцать пять все еще не позволяет пробить эту стену. А потом стена исчезает сама по себе. И то, что кажется тебе непостижимым в двадцать пять, через несколько лет становится нормальным и естественным.

– А причем тут продюсер со своим проектом? – спрашивал я.

Дядька с шармом прикуривал очередную сигарету.

– Притом, что если бы я не видел, куда я должен в конечном итоге прийти, если бы не исполнял ритуальные танцы возле своей стены, набивая шишки и стирая ноги, то остался бы на том уровне, с которого когда-то начинал.

– Но есть ребята, которые уже в двадцать пять, а то и раньше, заработали свой первый миллион.

– Да, но к тридцати они его, скорее всего, потеряли. У нас нет системы, которая позволяет уверенно идти по лестнице вверх, шаг за шагом, ступенька за ступенькой.. А даже если не потеряли, страшно представить, в кого они превращаются к сорока. Не факт, что ранний успех обязательно приносит счастье.

Дядька в те годы активно развивал свой бизнес (текстиль, Китай, пошив), мотался между тремя странами, выпивал и философствовал. У него были знакомые на телевидении, и я видел его не раз в качестве эксперта в теленовостях или ток-шоу.

Он даже записал и выпустил альбом со своими песнями (гитара, аккордеон, вкрапления женского вокала), снял клип, который крутили по телевизору. Признаю, что голос у дядьки действительно был.

Через два года продал весь бизнес и переехал с женой на море. Купил себе дом, завел собаку. Оборудовал студию. Говорил, что теперь хочет заниматься только музыкой. Детей у них не было.

Я был у него в гостях. Дядька ожесточенно занялся спортом, убрал лишний вес, завязал с выпивкой. Он угощал меня какими-то заваренными травками и рассказывал про способы очищения организма.

Не знаю, что с ним произошло, но выглядел он младше своих лет, много улыбался. Курил, впрочем, так же эффективно, по-актерски – все эти едва уловимые движения пальцев, помять сигарету, постучать фильтром о стол, поднести ко рту, наклон головы.

Он ставил мне свои новые песни. Я честно сказал, что мне не нравится. Дядька пожал плечами и немного обиделся.

Через полгода он развелся с женой, уехал путешествовать по Азии. Вернувшись, открыл в городе магазин музыкальных инструментов. Снова стал мелькать на ТВ.

Понятия не имею, что думал обо всем этом его внутренний продюсер, и отбились ли вложенные «бабки».

Отсняв концерт заезжей супергруппы, созваниваюсь с женой. Узнаю, что она с подругой сейчас находится в «Последнем герое» – не самое раскрученное заведение, позиционирующее себя как городское кафе (хочется спросить, а все остальные, что ли, сельские?). Ловлю такси и еду к девушкам, вглядываясь в вечерний город с его особыми теплыми красками. На языке вертится только что услышанная на концерте песня. Кровь в жилах возвращается к привычной температуре после рок-н-рольного адреналина, впрыснутого знакомой с отрочества музыкой.

Подругу жены все называют Липой, прозвище происходит от фамилии, но фамилии и, тем более, имени не нужно. Липой ее зовут.

Зайдя в «Герой», нахожу взглядом жену с подругой, но за их столиком сидит какой-то тип, а второй нависает, упершись руками в стол. Кажется, оба пьяные.

– Добрый вечер. Может, чем-то помочь могу? – интересуюсь я у ребят.

Жена делает гримасу, из которой я понимаю, что ребята не способны трезво оценить ситуацию.

– Да вот, – улыбается тип за столиком, – общаемся с красивыми девушками, а ты нам мешаешь.

– Мешаю, значит, – говорю я. – Какая жалость...

Бережно передаю сумку с фотоаппаратом и объективами в руки жены и, схватив со стола пепельницу, бью сидящего по лицу. Второй от удивления делает шаг назад, но тут же, оценив ситуацию, идет на меня в атаку. Успеваю развернуться и встречаю его ударом в район солнечного сплетения. Он бьет наотмашь, попадает мне в плечо. Я кидаюсь на него, стараясь сбить с ног. Он, теряя равновесие, хватая рукой за соседний столик и классическим движением сдергивает скатерть с посудой на пол. Звон стекла, чей-то визг (не жены). Перед тем, как к нам подбегает охранник, я успеваю ткнуть оппоненту пару раз в область лица.

Все.

Один сидит, роняя красные капли на стол, пытаюсь салфетками остановить кровь. Второй о чем-то беседует с охранником, бросая на меня яростные взгляды. Прибегает менеджер, пара официантов. «Сопливый» говорит, что найдет меня завтра. Я уверяю, что прятаться не буду. Перебросившись парой слов с менеджером, объясняем ситуацию и решаем, что обойдемся без милиции.

Оставляем деньги за заказ и вываливаемся на улицу. Жена целует меня в губы.

– У тебя ссадина на щеке, – говорит она. – Сейчас пла-ток найду... Уроды.

– Давайте машину поймаем, – замечаю я. – Надо свалить отсюда. Фотоаппарат цел?

– Не пострадал вроде.

Мы ловим такси и едем на площадь возле Оперного, чтобы выпить чего-нибудь крепкого и снять стресс. Там есть несколько симпатичных заведений.

– Мы им минут пять не могли объяснить, что их общество нам неприятно, – рассказывает Липа, пока мы едем в такси сквозь свет фонарей и витрин. – Наглые, бухие. Мы уже хотели охрану звать, а тут как раз ты появился...

– Наверное, можно было и без драки эту ситуацию разрулить, – замечает жена.

– В тот момент принятое решение показалось мне оптимальным, – отвечаю.

– Их было двое, ты мог пострадать...

– В итоге я не пострадал.

– И нам тоже могло влететь... И если бы менеджер повел себя по-другому... И вообще, кто знает, что это за типы!

– Слушай, – начинаю злиться я, – все уже произошло! Чего ты хочешь от меня? Чтобы я вернулся туда и принес извинения?

– Я хочу, – повышает голос жена, – чтобы ты в будущем вел себя осмотрительнее.

– Твою ж мать! – не выдерживаю я. – Я вообще не понимаю, какого черта они к вам подошли. Может, ты им глаза строила? Могла бы и попроще одеться как-то. На тебе платье, которое... Тьфу!

– Ребята, не грызитесь, – пытается вклиниться в нашу ругань Липа. – По-моему, отличное приключение.

Но ее никто не слушает.

– Глаза никому никто не строил! – кричит жена. – Ты своим телкам из редакции будешь про платья высказывать, ладно?

– Каким, блять, своим телкам? Что ты несешь вообще?!

– А тем, которые тебе SMS-ки по вечерам пишут!

– Мне, если и пишут, то по работе! А ты, значит, в моем телефоне копаешься? С чего вдруг ты туда полезла?

– «По работе»! По работе тебя какая-то баба благодарит за вкусный кофе?

–Блять! Если я с кем-то выпил кофе, не значит, что я кого-то трахнул!

– Ты мог бы рассказать мне об этом!

– О чем? Это какая-то ерунда...

Перепалка заканчивается тем, что жена едет домой, а мы с Липой остаемся вдвоем на остановке возле Оперного.

– Х-херня полная! – ругаюсь я. – Ч-черт...

Липа молча смотрит на меня.

– Ты был молодец, – говорит она и, приблизившись ко мне, заглядывает в глаза. – Давай я угощу тебя выпивкой.

– Спасибо, но лучше давай я угощу. Куда она поехала вообще?

– Да домой она поехала. Оставь. Ей нужно прийти в себя. Она просто из-за тебя разволновалась и теперь вставила тебе за собственные переживания. Ты с ней сколько уже вместе? Что переживаешь?

Мы заходим в знакомое местечко и садимся за первый свободный стол.

Меня еще некоторое время трясет от злости (и где моя выдержка, где терпение?), но после первого коньяка становится лучше. Проще. Спокойнее.

Я хватаюсь за телефон, чтобы позвонить жене, но откладываю его в сторону.

– В жопу, – говорю. – Хочу расслабиться.

Замечаю, что проголодался. Прошу Липу заказать что-нибудь, а сам иду в туалет, чтобы умыться. Плескаю водой в лицо, провожу ладонью сверху вниз, протираю шею.

«Первый раз, что ли? – произношу про себя, глядя на отражение своих серых, без капли зеленого, глаз. – Вот так все и бывает. Раз, и все катится к чертовой матери. Стоп, не надо нагнетать. Уже, небось, дома. Достала свои сигареты из нычки, курит на балконе».

Вернувшись за стол, обнаруживаю на телефоне сообщение: «Я уже дома. Приму душ и лягу спать. Извинись перед Липой за нас обоих».

Липа показывает, что и ей пришло SMS: «Присмотри за ним, а то еще кому-нибудь лицо разобьет».

На душе легчает, но меня уже не остановить: я знаю, что в этот вечер напьюсь, и вряд ли кто-то сможет сказать мне «стоп». Липа сообщает, что заказала нам еще коньяка и два стейка. Хорошо, что хоть кто-то в этот вечер понимает меня без лишних слов.

– То, что нужно, – говорю я. – Спасибо тебе.

Она качает головой, мол, не за что.

– Как концерт прошел? – спрашивает.

– О, концерт был шикарный. Дали снимать, правда, только первые три песни. Но я потом перешел на трибуну

и там его досмотрел. Ребята валили так, словно в последний раз. Такая мощь! Они скачут по сцене, как чокнутые. Физподготовка на уровне. Так что вместо пьянок, наркотиков и шлюх у них наверняка здоровое питание, спорт, репетиции и режим дня. Правда, они давали себе паузы небольшие. Сыграют две-три песни, а потом минутный перерыв, чтобы в себя прийти.

– Я читала, что гитарист у них вегетарианец и сектант. А солист – отец чуть ли не пятерых детей. Я их в ранней юности много слушала.

– А почему на концерт не пошла?

– Мне кажется, все хорошее, что я могла от них получить, я уже получила. Да и билеты были как половина моей зарплаты. Но знаешь, дело не в деньгах все-таки. Просто нельзя же звонить своим бывшим парням...

– Ха-ха! Мне один коллега рассказывал, что боится брать интервью у своих кумиров. Потому что не хочет разочароваться. Опасается узнать, что человек, чьи книжки он с таким упоением читал или чьи песни на гитаре разучивал ночами, гнусный урод с сомнительными принципами.

– Ты не спрашивал у него, часто он на таких нарывается?

– Видать, был опыт.

– Я согласна с ним. Людей вообще легче любить на расстоянии... Как ты вообще?

– Да нормально. Коньяк хороший.

– Она любит тебя очень.

– Я знаю, да. Все нормально. Я с ней действительно не первый год вместе. Просто иногда эмоции захлестывают. Давай больше не будем про это говорить.

Липа пожимает плечами: как будет угодно.

Нам приносят еду. Шкворчащий, только со сковороды, кусок мяса, к нему – картошка фри и зелень. Все просто и без понтов. То, что нужно.

– Это все очень вкусно выглядит, – радуюсь я. – С утра ничего не ел.

Мы желаем друг другу приятного аппетита и беремся за вилки.

Я взглянул на часы – было всего лишь одиннадцать часов. Я еще был способен выпить несколько порций. Да что несколько, я был способен выпить много порций.

«Утолил голод, утолил жажду, утолил жажду крови... Рок-н-ролл! Продуктивный вечерок. Не каждый день столько всего происходит», – подумалось мне.

Липа была девушкой красивой. Стрижка-каре, каштановые волосы, губы мягкие и нежные, не обязательно целовать их, чтобы это заметить.

Давным-давно ее знаю, давным-давно ее знает жена. Причем, это я познакомил их.

Гоню от себя волнующие мысли.

– Вот смотрю я на тебя с женой и понимаю, что ни во что не верю, – вдруг с грустью заметила Липа. – Ну, то есть, я не верю в дружбу, любовь, это все. Дружба это что-то вроде взаимовыгодного обмена услугами. Чтобы с тобой дружили, нужно быть на высоте. А любовь – чтобы было с кем завтракать вместе.

– Я с тобой просто так дружу, – сказал я.

– А я с тобой – нет. Ты крутой фотограф и интересный парень. С тобой интересно дружить. И я бы с тобой переспала, если бы не...

– Я бы тоже с тобой переспал, если бы не, – говорю я и задумываюсь о том, каково это – спать не с женой.

Запах кожи, мягкость ягодиц, волоски на руках...

– А как так получилось, что ты с ней, а не со мной, например? Или с кем-то? – спрашивает она.

– Судьба, может.

– А-а-а... – тянет. – И в судьбу не верю.

– Да что ты заладила «верю – не верю»...

Она взяла из посудинки зубочистку, освободила ее от целлофановой обертки. Вставила между зубов. Чтобы прилично опьянеть, ей хватило ста граммов коньяка. Или это только так кажется? Может, она проверяет меня?

– Можно я тебе признаюсь кое в чем? – спросила она.

– Валяй.

– Меня тянет к тебе, просто ужас как тянет.

Я почувствовал, что возбуждаюсь. Это надо прекращать. Сейчас я еще могу себя контролировать. Несмотря на сумбурный день, несмотря на коньяк, несмотря на то, что злюсь на жену. Но есть черта, которую лучше не переходить. Надо перевести разговор на другую тему. Потом расплатиться и уйти. Посадить ее на такси. Надо...

– Посмотри мне в глаза, пожалуйста, – просит она.

Я молча, как дурак, смотрю.

Скажи она, что мы сейчас едем к ней... Что я отвечу?

– Пиздец как меня возбуждает твой взгляд, – говорит она грудным голосом.

– Меня возбуждает, как ты произносишь слово «пиздец», – говорю я.

Послать все к черту? Забыть про принципы? Поддаться этой волне, этому чертовому огоньку, огню, огнищу в ее проклятых глазах? Я уже занес ногу, чтобы переступить черту.

– Когда твоя жена рассказывала мне, какие штуки ты с ней проделываешь, я представляла себя на ее месте, – говорит Липа. – Ты...

Не договорив, она встает из-за стола и идет в сторону туалета, не оглядываясь на меня. Я мог бы встать и пойти за ней. Есть тысяча вариантов, но на самом деле всегда только лишь два варианта на выбор и не единым больше: да или нет. Измена или верность. Честность или предательство. Ложь или правда.

Я допиваю остатки коньяка, прошу официантку считать нас.

Интересно, о каких «штуках» рассказывала ей жена?

Твою мать.

Я вернулся домой, открыл дверь, стараясь не шуметь. В квартире было тихо. Не зажигая свет, прошел на кухню. Включил маленький светильник. На столе – пачка сигарет. Пошарив в пачке, вытащил одну, повертел в пальцах. Вспомнил дядькину манеру курить. Постучал фильтром о стол. Включил вытяжку, закурил... Набрал полные легкие дыма, выпустил струйкой.

Первую в жизни сигарету выкурил, уже окончив школу. Курение казалось мне идиотским занятием. Одноклассники курили для самовыражения, сигареты были дешевые, пачкали одежду въедливым запахом. Вряд ли это было очень вкусно.

Но в то лето, после школы, я все-таки попробовал. Мы напились со школьным дружкой теплой водки и пошли в круглосуточный магазин за второй бутылкой. Знакомые пацанята, ошивавшиеся возле торговой точки, попросили купить им сигарет. Мы купили, но взяли за услугу по сигарете из пачки. Вкус первой сигареты я так и не почувствовал. Но курил, не закашливаясь.

...Выйдя из кабака, мы поймали такси и поехали в сторону дома Липы. Мы жили в одном районе, только она, если смотреть по карте, правее, а я – дальше и левее. В общем, нам было по пути. Да и нужно было ее до дома проводить.

Выйдя из туалета, она взяла себя в руки. Улыбнулась, как ни в чем не бывало. В машине ехали молча, интеллигентного вида таксист слушал джаз по радио. Она дотронулась до моей руки.

– А хороший был вечер, – сказала тихо.

Поцеловала в щеку по-дружески. Хлопнула дверца автомобиля.

Я назвал водителю свой адрес.

...Жена вышла на кухню. Щурясь от света, села рядом. На ней была уютная пижамка – голубенькая, со слониками, детская такая. Мы купили ее во время поездки во Францию. Вместе выбирали.

– Зачем ты куришь? – спросила она.

– А ты зачем курила?

– Я курю, когда злюсь.

– Ну а мне захотелось просто.

Жена вытряхнула два окурка в мусорное ведро, сполоснула пепельницу.

– Пойдем спать? – предложила.

– Иди, я сначала в душ.

– Хочешь, тебе спину потру?

– Спасибо, я сам.

Она ушла в спальню. Я постоял в задумчивости, достал из холодильника начатую бутылку красного вина, хорошо к ней приложился.

Стоя под струями воды, мастурбировал.

Глава вторая

Мне бы хотелось, чтобы каждый из моих друзей всерьез задумывался, прежде чем нырнуть на самое дно без акваланга. Чтобы не ходил с завязанными глазами по дороге, ведущей к обрыву. Чтобы тщательно проверял герметичность скафандра, выходя в открытый космос.

Каждый из нас давно мог стать жертвой несчастного случая – незамеченный трамвай, пьяный водитель, наркоман в разгаре ломки решается на грабеж, бешеная собака, ментовский беспредел.

Мы ходим по тончайшей стеклянной перегородке, под которой пропасть, бездна, бесконечный полет без мыслей и желаний.

Незадолго до того, как я должен был официально (поздравления, подарки) перешагнуть в свой двадцать пятый год, меня, словно туча, накрыло состояние, которое я бы и не хотел называть депрессией, да, видимо, придется. Хорошо, пусть не депрессия. Апатия. Тоска. Хандра. (И все слова – женского рода.) Как ни назови, суть одна.

Я попробовал перебороть ее привычными способами – сон, работа, секс – но не тут-то было. Спал плохо, по много раз просыпаясь за ночь в беспричинной тревоге. Работу делал со сжатыми зубами, через силу – выходило скверно.

Жена перестала возбуждать. Ее тело, такое родное и до каждой трещинки изученное, сладкое, мучительно-любимое, стало чужим, неприятным даже на ощупь...

Я ходил, чувствуя в горле ком из свалившейся шерсти, не в силах ни выплюнуть, ни проглотить.

«Ничего страшного, – думал я. – Все наладится, станет таким, как раньше. Могу и я себе позволить поставить жизнь на паузу».

Я взял недельку отпуска и укатил на море.

До этого был нервный разговор с женой. Я объяснил, что хочу встретить день рождения в одиночестве. Хочу подумать, отдохнуть. Жена отказывалась понимать. Спрашивала, может, у меня появился кто-то? Я заверил, что никого у меня не появилось, мне просто надо, просто в горле ком, хочу тишины, всего пару дней, без свидетелей. Жена не поняла все равно. Ну и ладно.

Фотоаппарат оставил дома. Поезд-экспресс ехал почти без остановок. Вагонные соседи дремали, выпивали, играли в карты.

Снял номер в отеле, бросил рюкзак в угол, отправился бродить по городу. Правое плечо, на котором я обычно носил сумку с камерой, ныло, посылая сигналы: «Сумки нет на месте, сумки нет...»

В полночь посыпались первые поздравительные сообщения. Я отключил телефон.

Итак, свои двадцать четыре я встречал на море, один. Как меня занесло сюда? Почему именно этот городишко, а не другой? Почему на море?

Человек, выросший в городе, расположенном за сотнями километров от моря, привык считать море целебной стихией, спасающей от депрессняка, восстанавливающей силы, оживляющей и направляющей мысли в правильное русло.

Я шатался по набережной без цели и смысла. Роились в голове мысли, несвязные, случайные. Казалось, что я иду сквозь масло, с ног до головы обволакивающее меня.

Я вспомнил, что толком не ел ничего больше суток. Зашел в первый попавшийся ресторанчик, обставленный с местечковым шиком. Есть, впрочем, не хотелось. Я сел на летней террасе. Полистав меню, заказал чего-то горячего и пива. Официантка, молодая и стройная, как березка, скрывала неуверенность за наигранной приветливостью.

Я хрустнул костяшками пальцев и принялся ждать заказа, без интереса рассматривая все то, что меня окружало (хвойные стволы, фрагмент моря, праздные гуляки).

«А ведь мне никуда не надо сегодня, у меня нет никаких дел, – думал я. – Мне не нужно ехать на съемки, ставить напоминание в мобильном телефоне, звонить и договариваться. Не надо спрашивать у жены, как дела у нее на работе. А главное – не надо выслушивать поздравления, в этом ведь нет ничего приятного. День рождения – обуза. Сейчас буду проживать момент: медленно поем, а не как обычно, на бегу, спокойно выпью пиво, а что я буду делать потом? Что я вообще буду делать?».

Я включил телефон. Позвонил жене.

– Привет.

– С днем рождения!

– Спасибо.

– Как ты там? Я волнуюсь.

– Все хорошо, Инопланетяшка. Сажу в кафе у моря, жду заказа. Заказал окуня. Морского.

– Жаль, что я не с тобой.

– Мне правда хочется одному побыть.

– Да, я тебя поняла. Все равно жаль.

– А ты чем занимаешься?

– Дочитываю рукопись, называется «Три раза в день после еды». Довольно увесистый романчик получится, если его издать.

– И о чем там?

– О сексуальной одержимости.

– Должно быть, интересно.

– Там не только об этом.

– А кто написал?

– Не знаю. Нам дают читать сам текст, без всяких примечаний, без имени автора, чтобы мы... как бы это сказать... судили только о произведении.

– Понятно. И вот ты читаешь, и каким тебе автор представляется?

– Ну... Полагаю, ему лет около сорока. Он учителем в школе работает. Разведенный, неряшливый. Пивасик пьет по вечерам, смотрит порнографию. Много времени проводит на всяких форумах. Чаще всего под масками «виртуалов». Любит представляться 14-летней школьницей-лесбиянкой. Если бы не был трусливым, попытался бы завязать роман со старшеклассницей. Но не решается. У него давно не было женщины... Правдоподобно?

– Вполне.

– Но роман мне нравится. По крайней мере, не скучно.

– Рад тебя слышать... Я скоро приеду.

– Поговори со мной еще, пожалуйста.

– Давай поговорим.

– Мне без тебя грустно. Я совсем не умею жить без тебя. Ты мой самый главный человек. И мне плохо оттого, что тебя что-то гложет, а я не могу тебе помочь.

Официантка-березка принесла пиво и поставила передо мной с невероятной серьезностью в каждом движении.

– Не волнуйся, я справлюсь, – ответил я. – Ничего страшного. Такое настроение... Я даже говорить об этом не хочу. Мне просто нужно все это переварить.

– Вечером ко мне в гости Липа заедет. Я ее пригласила. Будем пить за твое здоровье. Странный день рождения, конечно...

– Привет передавай. Когда приеду – отметим вместе.

– Не грусти, малыш. Ты печальный. Не надо. Еще раз поздравляю тебя.

Мы попрощались, я сделал глоток пива.

Березка спрыгнула с кровати, ушлепала босыми ногами в ванную. Я еще раз успел бегло оценить ее хорошенький задок. Стукнула дверь, щелкнул замок (зачем?), потекла вода.

Отдышавшись, я взял со столика пачку сигарет, открыл окно, закурил. Лег на кровать, поставив пепельницу себе на живот. Простынь была мокрой от пота.

У меня не было ни малейшего ощущения, будто я сделал что-то не так. Хотя я определенно нарушил привычный ход событий, переступил черту. И теперь вода течет в ванной комнате, а белые трусики лежат на полу, там, куда я их зашвырнул.

Плевать!

Она вышла из ванной, включила телевизор, нашла музыкальный канал.

– О, моя любимая песня! – воскликнула и закрутилась по комнате, смешно пританцовывая.

Играла какая-то западная попса, ухали басы и гремели электронные барабаны.

Я подошел к холодильнику, достал по бутылочке пива, открыл и протянул ей. Она сразу же сделала несколько жадных глотков.

– Что мы будем делать? – спросила Березка, когда «любимая песня» закончилась.

Я пожал плечами. Мне было все равно, что делать – остаться в номере или пойти гулять по городу. Можно было сесть в ближайшем кафе и выпить чего-нибудь покрепче. Я поймал ее за руку и притянул к себе. Она игриво заурчала.

Я поцеловал ее в шею и отпустил.

– Я в ванную, – сказал я.

Когда я вернулся, она сидела на кровати, так и не одевшись, и раскладывала перед собой игральные карты.

– Что ты делаешь?

– Пасьянс раскладываю, – ответила она. – Ты умеешь?

– Понятия не имею, как это делается.

– Все просто. Раскладываешь колоду по три карты. Крайними должны выпасть тузы. И дальше складываешь по мастям – сначала шестерки, семерки, и так далее. Карты можно перекладывать – валет к валету, десятка к десятке. Но чтобы получалось не больше трех карт...

Она быстро переложила девятку крестей к бубновой девятке и освободила нужную ей семерку.

– Когда раскладываешь пасьянс, нужно что-то загадать. Задать вопрос, который тебя волнует. Если пасьянс сойдется, значит, карты сказали «да».

Я смотрел, как она теребит нижнюю губу, сосредоточенно раздумывая над картами.

– Всего дается три попытки на одну игру. С первого раза редко сходится... Бывает такое, что ни одного туза за три раза даже не выходит. Значит, карты сказали тебе однозначно: «Нет». О! Если валет сюда перебросить, десятку сюда, освободили восьмерку...

Вскоре возле ее коленок лежали четыре аккуратные стопочки – пасьянс сошелся.

– На что ты гадала?

– Секрет.

– Как знаешь.

Она подскочила ко мне и поцеловала в губы.

– Давай еще разик, а потом пойдем гулять...

Ей было 19 лет, и, как она считала, всем на нее было плевать. Родители жили на другом континенте, сама она

год назад бросила университет и переехала жить к морю – устроилась официанткой, сняла комнату. Она рассказывала об этом без грусти, как о чужой и уже порядком надоевшей истории. Хотя, может, ей и правда было не о чем грустить – в конце концов, она жила именно так, как хотела.

– Побуду здесь пару месяцев и перееду куда-нибудь еще, – сказала она и бросила окуроч в море.

Мы сидели на набережной, глядя на темное море – где-то далеко мерцали огоньки, возможно, от проплывающего теплохода.

Поздний вечер разогнал всех гуляющих по их съёмным квартирам, номерам в гостиницах и пансионатах. Казалось, что мы вообще одни в этом городе.

– А как ты видишь свое будущее? – спросил я. – Кем ты хочешь стать?

Березка усмехнулась.

– Не хочу я ничего загадывать. Я верю в то, что кто-то сверху наблюдает за мной, и ведет меня. Надеюсь, он мудрее, чем я. И у него есть на меня свои виды. А что касается места – думаю, в любом месте человек может быть счастлив.

– Вряд ли я мог бы жить в маленьком городе, – сказал я. – Я говорю про такой город, который не стоит на берегу моря. Обычный городишко с одним-двумя заводами и грязным пляжем. Мне хочется, чтобы ритм города совпал с моим ритмом, а я привык много перемещаться.

– Ага, и в какой-то момент приехал сюда, чтобы хотя бы пару дней не шевелиться.

– Это другое. Как фильм, поставленный на паузу. Выныриваешь из воды, набираешь воздух в легкие и снова ныряешь.

– А я родилась как раз в таком маленьком городе. Там была речка, в которой даже рыба не водилась, дымили заводские трубы, и девушки беременели к восемнадцати годам. Я потеряла девственность в четырнадцать.

К нам подошла бродячая собака, осторожно обнюхала ноги, взглянула вопросительно и, не дождавшись ни ответа, ни колбасы, побежала дальше.

– У меня сегодня день рождения, – признался я.

– Ничего себе! Поздравляю! Если есть с чем.

– Спасибо.

– Серьезно день рождения? Не шутишь?

– Не шучу.

– Как ты здесь оказался-то?

– Собрался и уехал. Хотел от всех сбежать.

– А твои... близкие на тебя не обиделись?

– Мне все равно. Надоедает жить по правилам, которые давно кто-то придумал. Можно долго жить по одной и той же привычной схеме, подчиняться или требовать подчинения. Убеждать себя в собственной исключительности. Радоваться какой-то ерунде. Или притворяться, что радуешься. В конечном итоге остаешься один в пустой комнате, окна которой выходят на ТЭЦ. И тем гаже твое одиночество, если вокруг снуют толпы людей, к которым у тебя не осталось ни любви, ни привязанности.

– Бедный мальчик!

– Не хочу тебя грузить. Тебе, кажется, самой, есть чем забивать голову. Я пойду к себе и лягу спать. Вчерашнюю ночь я почти не спал.

– Тогда спокойной ночи, – кивнула Березка, не глядя в мою сторону.

– Проводить тебя?

– Сама доберусь. Не надо.

– До встречи.

И я ушел, прячась в капюшон, от чужих глаз, которые на меня не смотрели, с чувством, будто внутри меня, где-то между ребер... Гнать, гнать прочь это наваждение, эту занозу, я не спросил ее номер, я не буду ей звонить. Почему в городах, где так отчетливо пахнет морем, в голову лезет всякая романтическая чушь?

Завтра я вернусь в свои привычные стены, к знакомым голосам и удобным подушкам, к кофе на вынос и мятному чаю, к спокойному сексу перед сном, к фильмам братьев Коэнов, к футбольным трансляциям и поисковым системам, сияющим автомобилям и грязным переходам, рыбным ресторанам и скидкам в магазинах одежды. Вернусь к кредитным карточкам, мебельным салонам, эскалаторам в метро, попрошкам на улицах и торговцам фруктами, к психованным таксистам и жадным работодателям, вернусь к тем декорациям, в которых протекает моя жизнь, вернусь и обо всем забуду. Когда не помнишь, не бывает стыдно.

Сейчас, сидя на крыше недостроенного небоскреба, с которого можно рассмотреть ангелов, несущих вахту (сутулость, усталость, крылышки из-под шинели), я думаю о том, что все, чем наполнилась моя прежняя жизнь, бывшая жизнь, было связано едиными сюжетными нитями, наполнившими ее смыслом.

Я болтаю ногами в бескрайней пустоте, и мне не страшно, потому что на такой высоте нет места страху или жалости, а есть лишь ощущение безграничности, глобальности, нереальности всего произошедшего и продолжающегося происходить со мной.

Я грызу сухарик, роняя крошки на свою модную футболку (скидки 50%), ёжась от порывов холодного ветра, и думаю о том, что если бы рядом со мной сейчас оказался дядька, он сказал бы:

– Думаешь, что теперь ты уже все понял? Думаешь: ага, замысел автора раскрылся! Ты вспомнил, что читал эту пьесу, когда еще не закончился спектакль! Ты ошибаешься. Смотри, какие жирные облака, подсвеченные прожекторами! Какое странное движение внизу, словно ветер гоняет по тротуару мусор! Разве хоть кто-нибудь может понять, куда несется этот мусор? Каким законам он подчинен?

Мне нечего ответить, я бью себя по щекам, привкус крови чувствую во рту, но это все, что я могу понять об этом моменте.

Из-за финансового кризиса стройка заморожена, людей на объекте нет, кроме двух бомжей, пробравшихся внутрь и мирно дремлющих на мешках с цементом на лестничном пролете между третьим и четвертым этажами.

Одному из них снится, будто он просит прикурить у дворового пса, но тот отвечает ему, что сигареты кончились, и мелочи нет, и шел бы ты отсюда, пока я не впился тебе в ляжку. Бомж пробует пнуть пса – не со злости, а в воспитательных целях, но пес отскакивает назад и начинает лаять, созывая всех окрестных дворняг, и с разных концов города сбегаются собаки, их уже десятки, сотни, столько,

что не сосчитать. Они обступают человека со всех сторон, отступать некуда. Лязгая зубами, капая бешеной слюной, они готовятся к прыжку, хотят впиться в горло, вырвать кусок мяса, устроить пир. Человек достает из кармана штопор, единственное оружие, которое оказалось под рукой. Человек ждет прыжка. Человек не отдаст свою жизнь дешево, будет драка.

Второму бомжу снится дом в деревне, в той деревне, откуда он родом. Он просыпается в дальней комнате, на мягких подушках, сладко потягиваясь, идет на кухню. Видит мать, стоящую у плиты, справа – горка свежих блинов, сдобренных маслицем, над тарелкой – пар.

– Доброе утро, мама, – говорит бомж, но мать не отвечает на приветствие. Она даже не поворачивается к сыну.

«Может, я нашкодил вчера, и мать в обиде», – думает он.

Выходит во двор, там пахнет вкусной землей, пахнет навозом, цветами, синим небом. Он идет в сарай, чтобы взять грабли, очень нужны грабли, но в сарае теперь все по-другому – веревки и автомобильные шины, банки с краской, бидоны с водой, связка воздушных шариков, пол присыпан желтым песочком. Человек ищет грабли, но никак не может найти. В сарае душно, как в теплице. Воздуха не хватает, из-за пара не видно, куда идти и где выход.

«Евреи! – догадывается он. – Евреи все покрали. Ах, если бы только я проснулся на час раньше».

Ему хочется мстить, хочется найти евреев, но силы покидают его. Слышен далекий лай собак. Человеку становится все равно. Он думает про мать, про ее молчащую спину, быстрые движения маленьких рук. Он пытается вспомнить, зачем были нужны грабли, но теперь уж какая разница. Скоро рассвет.

Я перекидываю ноги через парапет. Когда под ногами твердое – чувствуешь себя увереннее. Даже если это твердое возвышается на десятки метров над землей. Это как лететь в самолете, ощущая свою беспомощность в случае, если что-то пойдет не так. Надеяться на пилотов. На бога. На случай.

Я спускаюсь вниз. Так гораздо лучше. Я в городе. Я вернулся в свою среду обитания. Можно пойти в ночной кинотеатр. Можно в круглосуточный бар. Можно снять красивую проститутку и попробовать получить удовольствие. Потом каяться, сжимая кулаки от досады... Я дома.

После того, как я вернулся с моря, жена старалась поменьше времени проводить со мной. Когда я предлагал сходить куда-нибудь, она говорила, что лучше побудет дома или сообщала, что уже договорилась с подругами. Когда я обнимал ее и выразительно целовал, она отстранялась, говорила, что сегодня ей не хочется. Однажды сказала, что уезжает на выходные с Липой на ее дачу. Я сказал, что мог бы составить им компанию. На это жена ответила, что там будет еще несколько девчонок, и было решено не звать мужчин. Творилось бог знает что такое, я старался не придавать этому значения. И делать вид, что ничего не происходит.

На одной пресс-конференции я познакомился с мленькой журналисточкой, совсем юной. Она принялась вдохновенно рассказывать, какое впечатление на нее произвела выставка «Окна». И какой я вообще крутой и тонкий, наблюдательный и актуальный... Поток лести не прекращался несколько минут. И может ли она обнаглеть настолько, хотя ей неудобно, конечно, но все-таки, почему

бы и нет, за спрос не бьют, короче, мэйби, я мог бы найти время и поснимать ее? Я собираю портфолио, хочу быть моделью, журналистика это так.

– Как? – спросил я.

– Не по-настоящему, – простодушно ответила эта просто душка.

Я сказал, что когда-нибудь можно, и она, просияв, записала мне на бумажку свой номер.

– Только обязательно мне позвони, – задела пальчиками мои пальцы, будто бы смутилась.

Я сидел в офисе один, телефон жены был вне зоны доступа, я со злости позвонил этой Лолитке, сказал, что сегодня у меня есть время. Она сообщила, что бросит все свои дела и приедет, куда я скажу, а лучше, чтобы приехал я, не терять же зря время.

– Я живу с мамой, но ее сейчас нет в городе, – в ее лаконичности и простоте таилось обещание, не оставлявшее ни тени сомнения: я понимал все правильно.

Я взял такси («куда я еду?»), через двадцать минут был у нее, она попросила подождать меня в комнате – «я закончу у душе». Вышла через пару минуток, завернувшись в полотенце, в общем, не то чтобы соблазняла меня, а просто говорила – возьми и сделай со мной все, что хочешь.

И я взял и делал, что хотел, а еще то, что хотела она, понятия не имею, чем в это время занималась жена, Лолитка крутилась подо мной змейкой, приходилось ее немножко успокоить (пара пощечин, слегка придушить), она успокаивалась, глядела черными глазами куда-то выше моей головы, смиренно просила отпустить ее, я не слушал.

Потом мы пили виски из бара ее мамочки, я чувствовал себя мудаком, она разбавляла яблочным соком, я предпочитал чистяком. Она спрашивала, когда и как мы будем фотографироваться, я говорил: «Обязательно, девочка, мне только надо придумать концепцию фотосессии».

Она говорила, что не против «легкой эротики», я отшучивался, что предпочитаю крепкие напитки. Мне хотелось взять ее за лицо ладонями и разборчиво, чтобы лучше дошло, произнести: «Если ты когда-то развлекалась в этом месте, это не значит, что здесь обязательно построят парк аттракционов. Пойми же ты».

Когда я уходил от нее, на мобильнике было два неотвеченных от жены. Я перезванивал и говорил, что не слышал звонка, жена сообщала, что здесь на даче не везде есть связь. Она говорила, что приедет завтра. Я уверял, что все нормально, и просил ее хорошенько отдохнуть. Она говорила, что целует. Я целовал в ответ.

Затем она приезжала и заставляла меня в состоянии сильнейшего раздражения. Что именно меня бесило, я и сам не знал. Я пытался выяснить, почему она старается все время от меня убежать, жена начинала плакать, говорила, что мне все кажется, она всего лишь провела уик-энд с подружками, один уик-энд, что в этом такого?

Я спрашивал, может, она хотела бы пожить отдельно? Она отвечала, с чего вдруг у меня вообще берутся такие мысли, может быть, этого как раз я хочу? Я говорил, что и так практически живу отдельно.

– Мне кажется, у тебя есть кто-то еще кроме меня, – вдруг заявляла она.

– Ты съезжаешь с темы. У меня никого нет.

– Хорошо, хорошо. Если нет, я тебе верю, – говорила она, пыталась поцеловать меня.

Я злился, вырывался, уходил на кухню. Она догоняла, что-то шептала мне, эти слезы, слезки, слезищи стояли в глазах, хотелось все на свете забыть, что угодно раздобыть и положить к ее ногам, чтобы смотреть в эти глаза, и я раздвигал ее ноги и вглядывался в глаза, она обнимала меня ногами, не отпускала, мы прощали друг друга за все, даже за то, что когда-нибудь мы еще обязательно сделаем друг другу больно, например, кто-то из нас умрет, а кто-то останется жить, один, без другого. Вся злость куда-то уходила. Оставалась только нежность, чистая и теплая, как слеза, которую я слизнул кончиком языка с ее щеки. Я знал каждый ее вкус, соленый и сладкий, с горчинкой, с арбузным запахом, тертый шоколад и вишневый табак, я снова чувствовал вкус, вкус жизни, я падал на самое дно и летел долго, набирая скорость, пока не приземлялся, разбиваясь вдрызг, в молоко, в маленькие капли на ее мягком и сладком животе.

И мы снова обещали друг другу быть вместе вечно, и что-то пребольно кололо в груди, и червячки сомнения уже прогрызали тоннель, радуясь скорому освобождению, но мы гнали сомнения прочь и целовались в губы и ладони, в носы и пальцы, в груди и животы, в кадыки и ребра.

И мы планировали уехать в теплые страны, спрятаться от зимы, купить домик на берегу озера, разжигать камин и пить крепкий чай из глиняных кружек, смотреть на звезды и знать название каждой. Или сходить на концерты всех любимых групп, и под *те самые* песни, тысячу раз прослушанные, держаться за руки, чувствуя, как сердца колотятся наши.

Мы говорили о чем-то, и нам снова было по восемнадцать лет, и не было ничего, и все начиналось заново.

Вспоминали кафе «ЧесТнок», вечера под голос, ди-джея и гитару, первые концерты, на которые мы ходили вместе, теряясь на танцполе, но находя друг друга по запаху, на ощупь, в абсолютной темноте. И смотрели на фотографии, на те, где глаза горели ярче, и хохотали, и прошлое, раскрашенное в ярко-желто-оранжевые цвета, снова становилось настоящим, и не было ничего, кроме этого прошлого, этих снимков, ушастых улыбок, родных друзей-придурков, любимых маечек и свитерков, давно уже заброшенных-забытых в дальнем углу шкафа.

– Передайте, пожалуйста, огурцов, ага, вон тех...

Я передал блюдо с соленьями и посмотрел на жену. Та перехватила мой взгляд и сделала извиняющееся лицо: «Прости меня, что привела тебя сюда, еще полчасика для вежливости посидим и пойдем».

...Эти семейные застолья, начинающиеся в обед выходного дня, с выпивкой и обильной едой – я всегда старался их избегать. Мне казалось странным, зачем люди так много едят, так много разговаривают, а потом, когда разговоры утихают, включают телевизор и дают ему, телевизору, возможность рассказать что-нибудь или спеть.

Тетке жены исполнялось пятьдесят – не прийти было нельзя. Тетка была женщиной, которую все показательно уважали. Она работала завучем в школе. Хотя, возможно, ее должность звучала как-то иначе. Мы с женой подарили ей флакон духов и семь алых розочек. Тетка поцеловала жену и меня. Когда она приближала ко мне свои губы, я вспомнил школьную «линейку», первый звонок, запах в кабинете трудов... Вспомнил мой синий костюмчик первоклассника, портфель, деревянный пенал с узором... Я поце-

ловал тетку в мягкую щеку, вложив в простое движение губ максимум чувства. Я старался быть искренним и жизнерадостным.

Наевшись досыта, решил пройтись по квартире. Одна комната была закрыта. Я дернул ручку, и дверь открылась. За ней оказалась маленькая комнатка. Около окна, в кресле, сидел старик и ел мандарины. Он посмотрел на меня снизу вверх и улыбнулся.

– Можно? – спросил я.

– А что нет...

Мы познакомились. Это был отец теткинго мужа. Ему было восемьдесят девять лет. Он брал в рот дольку мандарина и долго ее рассасывал, словно леденец.

– Почему за стол не идете, ко всем? – спросил я.

– Не люблю застолья, – отвечал старик.

– Я тоже, – вздохнул я понимающе. – Выпить хотите?

Старик посмотрел на меня с живым интересом.

– Выпить – да.

Я сбегал на кухню, нашел там бутылку водки, взял две стопки и вернулся к старику. Мы выпили с ним за женщин. Закусили мандаринкой. Водка была охлаждена, как надо.

– Однажды я съел целую пачку маргарина, – сказал старик. – На спор. Очень выпить хотелось. А денег не было. А водка была. Но не у меня. И я говорю: я ем маргарин, а вы мне ставите бутылку.

– И что?

– Выиграл. Маргарин – не самое худшее, что я ел в жизни.

– Еще по маленькой?

– А то ж!

Выпив рюмочку, старик по-молодецки ухнул.

– Они думают, что я сижу тут, потому что я слабый, и не могу много двигаться. Но это неправда. Просто мне некуда идти. А пока все мысли передумаешь, уже и ночь. А ночью опять не спишь, и все думаешь, думаешь...

– Плохо спите?

– По-всякому. Вот сейчас выпил немножко, и буду хорошо спать. Тебе сколько лет?

– Двадцать четыре, – ответил я и для пущей убедительности показал на пальцах: два раза по десять пальцев, и одну ладошку с прижатым большим пальцем.

Старик задумался.

– Когда мне было, сколько тебе сейчас...Ну, или чуть больше, лет тридцать пять – сорок... У меня была женщина... Красивая! Я к ней втайне от жены ходил. Выходил тихонечко и приходил. Она меня обнимала и говорила, что я очень хороший. Но я не любил с ней разговаривать, у меня было мало времени. Я все время торопился. Так торопился! Бывает, выпиваем с мужиками, а я уже думаю о том, что надо идти, что-то жене говорить. Или с женой лежу, а сам думаю, что надо встать и по дому сделать. Или баню затапливаю, а сам думаю, что вот сейчас выйду из бани, а у меня трехлитровая банка пива стоит. Все время что-то торопился. Досадно!

Старик потер ладони.

– Вот, помню, на реке... Выехал затемно. Приехал на свое место – светает. Разложился спокойно, не торопясь. Поста-

вил «закидушки». Забросил удочку. Поплавок, как солдатик. Сигарета. Хорошо как! И я не спешу. Первая поклевка...

Он хитровато улыбнулся своим воспоминаниям.

– Давно не рыбачил. Зрение такое, что хер червяка нацеплю. Старость блядская. Но умирать неохота. Это глупо – хотеть умирать. Мало ли что еще случится интересное.

Мне захотелось сказать ему что-нибудь приятное.

– Я вас совсем не знаю, – говорю. – Но из того, что вы сейчас рассказали... Вы прожили жизнь настоящего мужика.

Старик засмеялся. Хотел мне еще что-то сказать, но в комнату заглянула жена и увела меня на шум, к людям, на свет, там, где мне почему-то надо быть. Уходя, я пожал его приятную сухую руку.

– Зачем деда поил? – спросила жена вечером, когда мы вернулись домой.

– А что?

– Ему, нельзя, наверное.

– Нельзя? А кто ему и что сейчас может запретить, скажи мне?

Жена не нашлась, что ответить. Она посмотрела на меня выразительно, будто я пустое место и полный кретин, как смотрела каждый раз, когда не знала, что сказать.

– Липа много расспрашивала о тебе, – вдруг сказала жена.

– Да?

– Она к тебе неровно дышит, это даже забавно.

– Да, это действительно забавно.

– Она тебе нравится? – спросила жена.

– Она... приятная.

– Она нас пригласила на следующие выходные на дачу.

Жена посмотрела на меня испытующе, словно ожидая увидеть на моем лице признаки радости. Но мне было все равно.

– Давай съездим, если будет время, – сказал я.

– Ага... Я в ванную, – рассеянно сказала. – И я хочу тебя.

Я включил телевизор. По новостному каналу шли кадры, которые уже вторые сутки настойчиво крутили, наверное, по всем мировым каналам. Харизматичный вождь одного из латиноамериканских государств, стоя на трибуне ООН, снимает штаны и показывает свой жирный белый зад недавно избранному президенту США. Американский лидер с ироничной ухмылкой на лице стучит пальцем по виску.

Щелк.

По музыкальному каналу крутится клип девичьей группы. Песня не имеет значения. На всех трех участницах коллектива символический минимум одежды, с натяжкой позволяющий отнести это видео к разряду музыкальных, а не эротических.

Сюжет клипа таков: три девушки-русалки плещаются в озере в ожидании принца. Принц не заставляет себя долго ждать. Он появляется на берегу, одетый в обтягивающие джинсовые шортики, с удочкой в руках. Наживив на крючок драгоценный камушек (видимо, бриллиант), забрасы-

вает в воду и начинает ждать поклевки. Поклевка следует незамедлительно. Поплавок (тоже сделанный из какой-то драгоценности) дергается и уходит на дно, принц ловким движением подсекает добычу. Следующий кадр – на берегу, томно закатив глазки, лежит русалка. Из ее щеки торчит крючок, а из разорванной силиконовой губки сочится кровь. Принц, обалдевший от такой добычи, вызывает скорую помощь. Два бравых медбрата укладывают девицу на носилки... По дороге в больницу она приходит в себя и с благодарностью смотрит на своих спасителей. Один из медбратьев успокаивает ее: мол, все будет хорошо, малышка!

Щелк.

Лысоватый мужчина средних лет ходит по комнате, отделанной в стиле провинциальной роскоши. На его лице – смесь отвращения и брезгливости. Хотя как будет понятно из первых же реплик, актер пытается показать последнюю степень отчаяния.

– Я не понимаю, не понимаю! – терзается он, обращаясь к пожилому дядечке в сером костюме. – Я же дал ей все! Я вытащил ее из такого дерьма! А она... она... Неблагодарная! Тварь!

Обиженный мужчина отходит к окну. Серый костюм (мудрость, опыт, нужные слова) неспешно поднявшись с кресла подходит к младшему другу и хлопает его по плечу.

– Не переживай, Иван. Перемелется – мука будет. Жизнь это не прямая дорога...

– Но вы же знаете, Вадим Николаич, как я ее любил, – сквозь сдавленные рыдания произносит несчастный герой. – Никогда и ни с кем... я уже не буду... так счастлив...

Щелк.

– На что согласны наши участники ради тысячи долларов? – вопрошает пузатый шоумен. – Мы узнаем это уже через несколько минут.

Зрителей знакомят с первым героем программы. Худенький парень с прыщами на бледном лице тягает железо в спортзале. Закадровый голос сообщает: «Стас, двадцать пять лет. Любит активный отдых, красивых девушек и спортивные автомобили. Пришел на наше шоу, чтобы испытать себя».

– Я хочу доказать себе, что... На что, точнее говоря, я готов, чтобы стать известным... – рассуждает парень.

Мы возвращаемся в студию, где хитрый ведущий уже приготовил для любителя красивых девушек и быстрых машин первое задание.

– Итак, Стас, вы готовы? В первом раунде вы можете заработать триста долларов, – ведущий сдергивает салфетку со столика, на котором лежит пачка сливочного масла и стоит стакан воды. – Как вы относитесь к маслу, Стас?

– Ува-ха-ха! – хохочет чему-то Стас.

– Да-да, вы правильно поняли. У вас есть ровно минута, чтобы съесть эту пачку вкуснейшего сливочного масла!

Щелк.

Я выключаю телевизор. Слышу, как в ванной комнате стихает вода, слышу, как приоткрывается дверь, включается фен.

Через пару минут в комнату входит жена и ныряет ко мне под одеяло. Я провожу рукой по ее спине, чувствуя холодные капельки воды...

– Ты любишь меня? – спрашивает она.

– Люблю.

Всего мгновение мне кажется, что я ласкаю не свою жену, а совсем другую девочку. Движение языка во рту – как поворот ключом зажигания в машине. Словно кто-то обгоняет тебя по соседней полосе, подмигивает из окошка (солнце, блики), но лица не разглядеть. Наверное, привидения чужих жизней и возможных твоих судеб будут идти за тобой до самой старости, являясь во снах и наяву. Мы целуемся.

Опять навалилась работа. И это было к месту. Не оставалось времени на раздумья, нужно было действовать. Я не успевал прочувствовать, как в моей душе отмирает что-то старое, отпадает, отшелушивается (ощущалась лишь далекая, почти не ощутимая тревожная вибрация).

Я разгребал завалы, пропадал на съемках. На реализацию собственных задумок времени не было. Давно заметил эту особенность: если есть время – нет идей. Есть идеи – не хватает времени. А когда появляются свободные дни, старые идеи уже представляются не такими захватывающими. (Спички отсыревают, если долго лежат в кармане куртки).

Надвигались очередные выборы в парламент. С телеэкранов сыпались обвинения, политики выливали друг на друга ведра грязи, обличали и оправдывались. Лидера одной из партий обвинили в отсутствии высшего образования. Помощников другого политического небожителя застали в сауне с проститутками.

Нешуточные страсти кипели. Народ получал свою положенную порцию развлечения. Reality-шоу, в котором

зрителям (власть народа) предлагали определить обладателя главного приза.

С билбордов и ситилайтов на горожан смотрели мужественные лица: прилизанная мудрость, намеки на тайное знание. Все до единого обещали спасти страну. Правда, нельзя было сказать, что страна действительно нуждалась в спасении. Если ее и нужно было спасать, то от этих пронизывающих глаз, смотревших на автолюбителей и пешеходов с каждого перекрестка, с каждого столба и с каждого троллейбуса. Смотревших и обещавших, грозивших и заклинающих.

Даже если на этом фоне и были люди чего-то достойные, стремящиеся к власти не только ради власти, вычленив их из общей массы было невозможно. Выплескивая грязь на других, невозможно не забрызгать себя самого.

Это было не состязанием идей и сценариев о будущем развитии страны, о выборе пути или общественной модели. Это были соревнования пустоты, ралли с участием гонщиков, которых давно было пора лишить прав управления транспортным средством. Прекрасно все это понимая, многие ясные, светлые головы все равно жадно интересовались происходящим. Политика вошла в кровь, в привычку. Одни предлагали голосовать «против всех», другие заявляли, что на выборы не пойдут, третьи намеревались из принципа поддерживать «Партию любителей футбола» (явного аутсайдера избирательной кампании).

Как и в каждую политическую кампанию, работы у меня было больше, чем обычно. То нужно было отснять очередной массовый митинг в чью-то поддержку, то – пресс-конференцию, от которой ожидали новых громких обвинений. Перформансы или концерты с призывом голосовать «за». Одна из партий организовывала цикл утренников

в детских садах и школах с клоунами, акробатами и жонглерами. Другая партия бесплатно одаривала пенсионеров «продуктовыми наборами»: пшенка, водка, подсолнечное масло, рыбные консервы, сахар, чай. (Хотел бы я посмотреть на застолье, устроенное из этого пайка). Стараясь не вдаваться в детали и не принимать ничего близко к сердцу, я носился с места на место, запечатлевая очередную порцию идиотизма, мимикрирующего под «работу с избирателями».

Однажды вечером, когда, вконец задолбанный, я сидел дома, смотрел футбол и пил пиво (причем, в те короткие паузы, когда мяч, к примеру, выходил за боковую, на экране появлялось лицо очередного партийного лидера) мне позвонил знакомый журналист, тот самый, который пару месяцев назад предлагал мне поработать вместе.

– Приветствую! Где ты?

– Дома сижу.

– Может, встретимся?

– Что, прямо сейчас?

– Да, сегодня.

– Знаешь, я устал. Работы сегодня было дохера. Давай завтра.

– Завтра у нас с тобой будет работа. Сегодня надо бы обсудить детали, и лучше сделать это не по телефону. Я могу подъехать в твой район. Где ты живешь?

Я назвал свой адрес.

– О, так я недалеко нахожусь. Минут через двадцать буду на месте. Есть у тебя поблизости какая-нибудь забегаловка, чем грязнее, тем лучше?

– Есть. Называется «Ностальжи». В подвале дома напротив поликлиники. Знаешь, где это?

– Найду. Давай внутри этого кабака через двадцать минут.

– Договорились, – ответил я, но собеседника «на том конце провода» уже не было.

Я поднял взгляд на экран, и в это время футболист в белой форме, красивым финтом обыграв защитника, вышел один на один с вратарем и со всей дури пробил намного выше ворот.

Жены дома не было – ушла с Липой на какую-то модную презентацию. Звала с собой, но я отказался. В последнее время мы все больше вечеров проводили отдельно. Меня это вполне устраивало.

Внутри заведения было мрачно и дымно, хотя курящих посетителей было немного. Вытяжка не работала. По телеку шел музыкальный канал. Когда я спустился внутрь, мой товарищ уже сидел за столиком, перед ним стоял бокал пива, причем наполовину пустой. Он махнул мне рукой.

Мы поздоровались, я сел напротив.

– Клевое местечко, люблю самобытность, – заметил он, рассеянно оглядывая место, словно это мой приход заставил его наконец осмотреть интерьер.

– Самобытность? Да обычный пивняк дешевый. Здесь студенты стипендии пропивают – рядом общага транспортного института.

– А-а... И цены такие приятные... Интерьер, конечно, слабоват, минусы имеются, но в целом... Нормально.

– Ты меня позвал, чтобы обсудить кабак? – спросил я.

– Нет, не за этим, – он перестал пялиться по сторонам и спокойно, но внимательно посмотрел на меня. – Завтра надо будет кое-что снять. И это кое-что перевернет полностью весь расклад на ближайших выборах. По крайней мере, я на это надеюсь. Ну и если мы, конечно, не сядем в лужу. Нас будет двое. Больше людей нельзя. Видео буду я сам записывать. На «хэндик». С тебя нужны фотографии. У тебя есть какая-нибудь небольшая камера?

– Ну, есть «мыльница».

– Отлично. «Мыльницу» обязательно возьми. Но и твою обычную камеру тоже. Не до конца понятно, какие там условия будут. Желательно быть налегке. Ничего лишнего с собой брать не надо.

– По порядку объясни, кого и где мы будем снимать.

Он отхлебнул пива. Выразительно посмотрел на меня. Словно еще прикидывая про себя, не ошибся ли, предлагая мне вместе «идти в разведку», тот ли я человек, не подведу ли его. Я, хмыкнув, отвел взгляд.

– Закажи себе чего-нибудь. Девушка! – окликнул он официантку. – Можно вас? Да... Мне повторите светлый «Тютчев», а парню...

– Мне «Манчестер», пожалуйста, маленький, – попросил я.

Дождавшись, пока официантка отойдет, он начал наконец объяснять, в чем дело.

– Расклад такой. До выборов месяц. По всем опросам выходит, что выиграть должна «Партия отечества». С большим, кстати, опережением. Ей сейчас 35-40% социо-

логи дают. Тогда без всяких базаров премьер-министром станет лидер «Партии отечества» Богдан Самохвалов. Добрать до нужного большинства в парламенте не хватающие им 10-15% они смогут, объединившись с несколькими мелкими партиями в коалицию. Открою все карты. Я сейчас работаю на Блок Ольги Гвозденко, сокращено – БОГ. Они по рейтингам на второй позиции, у них – в районе 20%. Моя задача не заключается в том, чтобы помогать набирать баллы БОГ. Задача – валить всех остальных. И в первую очередь – Самохвалова. Потому что он основной конкурент. И если он придет к власти, начнется жопа. Я не преувеличиваю. Гайки будут закручивать капитально. В том числе – и нашей братии. Разумеется, я работаю за вознаграждение, но к гонорару примешивается и личное желание свалить Самохвалова и рейтинги его партии. К тому же, профессиональный азарт это такая штука...

– Понятно, продолжай.

– За последние три месяца много чего накопили и много о чем написали, – на этих словах он сделал тоскливую мину, по которой можно было понять, что результаты работы его не устраивали. – Написали про служебную дачу Самохвалова, которую он за копейки приватизировал, а фактически – украл, когда еще был министром внутренних дел. Рассказали про то, на каких машинах ездят его сыновья. Рассказали, какой бизнес у жены. Короче говоря, всю правду выкопали. Рейтинги не шелохнулись. Почему – понятно. В общем потоке говна, который сейчас со всех трибун выливается, все эти виллы и «Феррари» кажутся мелочью. То, за что в любой другой стране завели бы уголовное дело, у нас не влияет даже на рейтинг. Поэтому была нужна история похлеще. Сочинить ее нельзя – выебут через суды. Нужны реальные факты. Что-то острое. Самохвалова

пробили по всяким каналам. Ничего, кроме обычного воровства, за ним не водится. Этим народ не удивишь. Решили пробить по его окружению. Потому что, сам понимаешь, хороший удар по близким людям – это удар по лидеру. И тут... Красота! Кто такой Александр Бесчестный, знаешь?

– Конечно. Второй человек в «Партии отечества», – сказал я, отхлебнув «Манчестер» (свежий и вкусный, надо же!). – Мораль и совесть страны. Борец за права детей. Только он Бессчастный, по-моему.

– Ну, мой вариант фамилии ему больше подходит. К тому же, Бесчестный – это его настоящая, от рождения фамилия. Это он, когда паспорт менял, изменил пару букв, чтобы благозвучнее выглядело. Так вот, источники слили мне о маленькой слабости нашего Бессчастливого-Бесчестного. Оказывается, этот борец за мораль, правдур и примерный семьянин очень любит мальчиков. Молоденьких мальчиков, которых он поебывает на своей даче. Жалко, что им есть по восемнадцать лет. Все ребята из одного эс-корт-агентства. Тут наш герой не рискует: педофилию ему не инкриминировать, а жаль. Во всем остальном он тоже старательно шифруется. Об этом его маленьком увлечении знало не больше двух-трех человек. Но то, что знают даже двое, рано или поздно становится всем известно. Как тебе, интересный сюжет?

– Захватывающий, – согласился я. – А доказательства есть?

– Вот доказательства мы и должны предоставить обществу.

Картина была мне в общих чертах ясна. Моя роль в этой истории – тоже. Что бы на это сказала жена? Наверняка, посоветовала бы не вмешиваться. Я представил, как

она, стоя возле зеркала, перед сном, выдавливает крем из тюбика на тыльную сторону ладони. Ночная сорочка облегает ее тонкий стан.

– Как мы на дачу проберемся? – спросил я.

– На дачу пробираться не надо. Наш человечек слил информацию, что завтра у господина Бесчестного рабочая встреча в четырехзвездочном отеле «Жемчужина». Встреча назначена на девять часов вечера. В свою очередь, в эскорт-агентстве мне подтвердили, какой характер будет носить эта встреча. Наш уважаемый политик – человек скромный. Ублажать его будут всего трое юношей. Всем троим нет еще и двадцати. Ну, да это детали. Кое с кем в отеле у меня уже есть договоренности. План такой. В кафе напротив мы ждем, когда господин Бесчестный прибывает в отель. Мальчики его уже будут ждать в номере. Их любовные игры проходят обычно по одному сценарию. Он господин, а они – его рабы, исполняющие все его прихоти. Сперва они будут его купать, там ванна такая здоровенная, блядь! А потом...

– Слушай, нахера мне все эти подробности знать?

– Ну, ты должен представлять, чего тебе завтра снимать придется. А то растеряешься еще.

– Не растеряюсь.

– Так вот, нам нужно попасть в номер, когда их игрища переместятся из ванной комнаты в спальню. Расположение номера я знаю. В районе десяти вечера нас проведут через гараж отеля. Через холл нельзя – там будет его личный охранник сидеть. Меня он в лицо знает. Если мы ему попадемся, отъебошит своими кулачищами прямо при всех. И хрен же отобьемся... Дверь номера нам откроют. Врываемся в номер, действуем по обстоятельствам.

По просьбе пьяной компании (три девушки, два парня), шумно поглощавших водку с шампанским, бармен сделал погромче звук работающего телевизора. По музыкальному каналу транслировали клип модной в 90-е группы. Девицы с хохотом вскарабкались на столик. Парни одобрительно заушали.

– Слушай, а как все эти люди в отеле тебе соглашаются помогать? – спросил я, наклонившись поближе к журналисту, чтобы он мог меня расслышать.

– «Мы за ценой не постоим», и все дела. Да, о цене. Думаю, тебя этот вопрос тоже волнует. Четыре тысячи долларов, а если кадры будут особо удачными – еще тысяча премии. Торговаться не надо. Больше все равно не дадут. Две штуки могу прямо сейчас дать.

Он полез в рюкзак и достал оттуда слегка помятый конверт. Внутри лежала не слишком толстая пачка банкнот. Я пересчитывать не стал, кивнул и засунул во внутренний карман куртки.

– Если что-то сорвется, деньги вернешь, – сказал журналист. – Завтра в шесть я тебе сделаю контрольный звонок, чтобы сказать, что все окей. В восемь за тобой заеду. От тебя до отеля «Жемчужина» даже с пробками ехать не больше сорока минут. Будь дома, пожалуйста. Если пошлют на какое-то задание вечером, смело шли нахер. Вроде все ясно?

– Да, более-менее.

– Ну и хорошо. Тогда до завтра!

Он пожал мне руку, бросил на стол купюру и в обычной своей манере быстро вышел из кабака. Я в задумчивости допил свой «Манчестер» (кофейное послевкусие, хо-

лодная дрожь) и, поймав взгляд официантки, жестом попросил принести счет. Где-то в животе поселилась тревога. Но конверт с деньгами уютно грел внутренней карман моей куртки. И тревога отступала. Работа, просто работа. Главное, сделать все быстро и качественно. На первый взгляд – ничего сложного.

...Когда я вернулся домой, жены еще не было. Хотел позвонить ей на мобильный, но передумал. Было, между прочим, уже почти одиннадцать вечера. Я почувствовал щекотку раздражения. А, может быть, это была ревность?

Раньше, если она задерживалась, то обязательно звонила или писала SMS. И я делал то же самое.

Я достал из холодильника остатки салата, отрезал себе колбасы, хлеба. Перекусил, и вместе с голодом ушло раздражение (ревность? обида?). Поставил посуду в раковину, вымыл руки, достал из куртки конверт с деньгами, пересчитал. Двадцать бумажек по сто долларов. Я разложил купюры на столе. Это было больше, чем мой доход за месяц. И я пока совершенно ничего не сделал, чтобы эти деньги получить. Так что пока это как бы и не мои деньги. Но как – не мои? Мои. Вот, лежат передо мной.

Я понял вдруг, что никогда не чувствовал себя человеком, у которого есть лишние деньги. Нет, я не бедствовал. Наверное, я мог бы зарабатывать больше – снимать свадьбы или порнографию (пожалуй, это одно и то же по степени увлекательности), устроиться в западное информагентство или, пару лет поработав над образом, окончательно стать человеком искусства – с выставками по миру, охлажденным шампанским в бокалах и отрепетированным шаманством во взгляде. Но я не стремился достичь всего этого как можно скорее. Постепенная эволюция тоже важна. А возможно, это все жалкие оправдания, и на самом деле

я просто не мог прыгнуть выше головы. Не дорос, не состоялся. У меня был собственный взгляд на вещи, чутье и внутренний фитиль, но, может быть, этого мало? Да и какое отношение это имеет к деньгам?

Человек работает каждый день, совершает привычный набор движений, от кого-то зависит, на кого-то влияет. Давится по утрам в метро или едва ползет по забитому тачками проспекту. Обедает в близлежащих к офису забегаловках. Бизнес-ланч, в стоимость которого не входит кофе. Салат «Цезарь», суп овощной, рыбные котлеты. Отправляет емэйлы, убегает на встречи. На выходных ходит в кино, водит детей в аквапарк, встречается с друзьями. Или сидит дома и пьет пиво, уткнувшись в телек. Всю его жизнь – видимую – легко представить, обрисовать в нескольких предложениях. Вся она сводится к одному, по-настоящему важному дню. Дню, когда на его «зарплатную» карточку поступают деньги. На которые он закупит еды в маркете, заплатит за телефон, интернет, за квартиру, оплатит ребенку репетитора, починит машину, купит жене осеннее пальто...

Но есть ли у него другая жизнь? Та, что на глубине. О чем мечтает он, что хочет совершить, кого боится потерять, о ком думает, засыпая? Или есть только пробки, бизнес-ланчи, е-мэйлы и дни рождения сотрудников?

И как это можно передать на фотографии? Очереди у банкоматов? Наличные в руках? Список покупок в день зарплаты? Затравленный взгляд человека, который утром не хочет просыпаться, а ночью не может заснуть?

Раздался звонок в дверь. Я дернулся, словно пойманный на своих размышлениях, как на чем-то порочном. Быстро собрал доллары, сунул их обратно в конверт.

Четыре шага, один поворот замка, два щелчка.

Жена стояла на пороге, гордо держа перед собой бутылку коньяка.

– Украла с презентации, – сообщила она шепотом, приложив палец к губам. – Тсс!

На цыпочках переступила порог, словно боясь кого-то разбудить, обняла меня и поцеловала. От ее волос несло сигаретами, а изо рта пахло алкоголем и клубничными леденцами.

– Трахни меня, пожалуйста, трахни прямо сейчас, – бормотала она, стаскивая с себя одежду и продолжая при этом целовать меня.

– А чего ты так долго?

– Там было весело. И, между прочим, все еще продолжается. Это только я ушла. К тебе хотела поскорее. Не спрашивай ничего, ты какой-то... твердый такой... Стань мягким, обволакивающим. Твердым нужно быть не в такие минуты и не в груди. Что с тобой? Дурак...

Журналист заехал за мной без пяти минут восемь. Жестом через стекло он показал, чтобы я сел сзади.

– Не люблю, когда рядом кто-то сидит, – пояснил он, обернувшись и протянув мне руку. – Дискомфорт ощущаю.

– То есть тебе комфортнее, когда кто-то сидит сзади? Странно.

– Ты не обижайся.

– Не вопрос, меня все устраивает.

Пробок не было, и до отеля мы добрались минут за двадцать. По пути молчали. Я смотрел в окно и пред-

ставлял себя героем из свежей киноленты. «Обыкновенный парень случайно становится владельцем компромата на одного из самых влиятельных политиков страны», – так начиналась бы аннотация к фильму. А вот концовку мне придумывать не хотелось. За «обыкновенным парнем» начнется охота? Его будут пытаться найти и убить? Обычно в кино в этих простых ребятах вдруг обнаруживается какое-нибудь недюжинное умение – они вдруг начинают умело драться, ловко строить планы, наперед просчитывать все ходы соперников или, на худой конец, им начинает чудесным образом везти. И от этого ты переживаешь за них еще больше. Вдруг неожиданная пруха закончится аккурат перед решающим сражением?

Мы припарковались на соседней улице и вернулись к отелю пешком. На другой стороне, практически напротив входа в «Жемчужину» располагалось кафе, и несколько столиков даже было возле окон. Но, разумеется, они были заняты.

– Надо было заказать стол, я сглупил, – тихонько сказал мне коллега.

Мы сели за барной стойкой, откуда входа в отель видно не было. Я заказал себе темного «Манчестера», мой коллега попросил порцию виски. Спрашивать, почему он пьет за рулем, я не стал – на фоне того, чем мы сейчас собирались заняться, это было бы не очень важно.

Я не склонен был преувеличивать степень противозаконности наших действий. Хотя при желании можно было бы найти подходящую статью, например, что-нибудь про «вмешательство в частную жизнь». Наверняка в каком-нибудь из кодексов есть такая формулировка. Но что-то мне подсказывало, что главный риск состоял не в этом. Я начинал играть на чужом поле с опасными соперниками.

Если для моего приятеля-журналиста это поле было хорошо знакомо, и он отыграл на нем не один сезон, то я чувствовал себя не в своей тарелке. Тут уж не до кокетства. Мы пришли сюда за компроматом на ближайшего соратника человека, который уже через месяц с небольшим планирует стать единовластным руководителем страны. И, возможно, наше вмешательство может ему сильно помешать.

Честно говоря, я надеялся на неудачу – например, было бы неплохо, если бы Бессчастный не пришел. Или источники моего коллеги ошиблись. Или номер в отеле действительно был зарезервирован для деловых переговоров, и никаких сексуальных утех сегодня не будет.

Хотя это была бы занятная ситуация: мы с видеокамерой и фотоаппаратом врываемся в комнату, где Бессчастный, например, попивая коньяк, общается с губернатором какой-нибудь из областей о том, как можно использовать административный ресурс в его регионе. Или о чем должны «тереть» эти мудаки перед выборами?

Короче говоря, риск был. И волнение тоже. Но, зная своего напарника, я решил, что при случае он сможет вырулить из щекотливой ситуации. Да и казалось, он хорошо знает, что делает. Сейчас он абсолютно спокойно тянул виски, дожидаясь нужного времени.

– Как мы узнаем, во сколько наш друг приедет? – спросил я.

– Мой знакомый должен позвонить. Так что можешь пока спокойно наслаждаться своим пивом. Только не переборщи.

– За меня не переживай, – ответил я фразой из какого-то фильма. Вернее, даже из многих фильмов сразу.

– Если голоден, можешь даже поесть, время у нас еще есть.

– Я дома поел.

– И что было у тебя на ужин?

– Курица с рисом.

– Нормально. Вот хорошо быть семейным человеком! Я сегодня только с утра жрал. Но особо не хочется. Давай после нашего мероприятия где-нибудь выпьем и закусим.

– А у нас будет на это время?

– Будет. Сначала заедем в мою редакцию, сольем фотки и видео. Текст у меня уже написан. Внесу правки кое-какие. Дело двадцати минут. Утвердим с... Ну, неважно. И поедем бухать. Годится?

– Вполне.

– Я бы водки сегодня ебнул. Знаю одно место, где умеют подавать правильную закуску к водке. Сало тонкими ломтиками, ароматный черный хлеб, бочковые огурцы, грибочки домашние. И сама водка будет холодной, в запотевшем графине. Я очень люблю все натуральное. Ладно, сперва надо решить нашу задачу.

Примерно через полчаса моему товарищу позвонили.

– Да. Спасибо. Через пять минут? Спасибо.

Он отключил телефон и улыбнулся мне. Блеск в его глазах говорил о том, что все, кажется, идет по плану. Перед мысленным взором промелькнуло бородатое видение Егора Летова.

– Ох, повеселимся! – зловеще произнес он.

И уже обращаясь к бармену:

– Счет можно?

Через две минуты мы уже обходили отель – нам нужно было попасть в гараж. Заезд был открыт. Мы спустились вниз, оказавшись под самой «Жемчужиной». Возле небольшой стеклянной будочки стоял пожилой мужчина в форме охранника, а рядом с ним молодой парень, одетый в костюм. Мой напарник пожал ему руку.

– Здрасьте, – кивнул я обоим.

Парень в костюме быстро пошел через подземную стоянку, мы поспешили за ним.

– Все нормально, – сказал он, когда мы с ним поравнялись. – Он приехал на такси. Без охраны. В номере он уже минут двадцать. Думаю, там все в разгаре.

Мы подошли к какой-то неприметной двери, за которой оказалась лестница. Мы поднялись на два пролета и неожиданно оказались в холле гостиницы, вернее, холл остался позади нас, а мы стояли прямо напротив лифтов.

– Это служебная дверь, обычно она закрыта, – шепотом пояснил паренек.

– Наши действия? – уточнил у него журналист.

– Заходим в лифт, вы едете на самый высокий этаж, просто покататься. Я в это время выхожу на седьмом. Открываю вам дверь в номер. Вы, тем временем, спускаетесь на седьмой. Комната 707. Это почти в конце коридора.

Мы сели в лифт, наш проводник нажал кнопку «7». Когда двери за ним закрылись, я поинтересовался у журналиста:

– Сколько же ему заплатили?

– Даже не спрашивай. Хватило бы на годовую зарплату учителям небольшого райцентра.

Мы, четко следуя инструкциям, доехали до двенадцатого этажа, подождали немного, и снова нажали кнопку «7».

Коллега достал из кармана небольшую видеокамеру. Двери открылись, мы вышли из лифта, по пути я доставал из сумки фотоаппарат, прикреплял объектив, проверял настройки.

Номер «707» действительно оказался почти в самом конце коридора. Журналист поднял камеру на уровень груди, дернул ручку, и дверь поддалась. Перед нами оказалась небольшая прихожая. Быстро сориентировавшись, он пересек прихожую и распахнул двери комнаты. Все дальнейшие события заняли, наверное, не многим больше двух минут. Зрелище, представшее перед нами, было вполне ожидаемым. Бессчастный, хорошо знакомый каждому жителю страны по своим пронзительным выступлениям на многочисленных ток-шоу о падении уровня морали и необходимости защитить наших детей, абсолютно голый лежал на широкой кровати, а вокруг него вились обнаженные молодые парни. В первые секунды он вместе со своими юными ублажателями просто замер в немом удивлении, словно позируя непрошеным гостям. Не хватало только широких улыбок и некоторого изящества принятых поз.

– Это что такое? – произнес он наконец громогласно, и я узнал его телевизионную манеру резко ставить острые вопросы. – Вы кто такие?

При этом он пытался найти какую-то простыню, чтобы прикрыть свое дряблое тело.

Журналист назвал свое имя.

– Добрый вечер, господин Бессчастный. Мы хотим небольшое интервью записать. Буквально пара вопросов.

Расскажите, пожалуйста, о вашей деятельности в Общественной комиссии по морали. Как продвигается работа над законопроектом о защите нравственности?

Парни, наконец опомнившись, вскочили с кровати и начали пытаться скрыться с наших глаз. Бессчастный, источая злобу, кинулся куда-то в угол комнаты, где, видимо, лежала его одежда.

– Господин Бессчастный, расскажите, участвовал ли когда-нибудь в ваших оргиях с мальчиками лидер вашей партии Богдан Самохвалов? Кого он предпочитает? Девочек или мальчиков?

Бессчастный, схватив одежду и пытаясь прикрыть ею лицо, так же молча начал убегать в сторону ванной комнаты.

– За счет каких средств вы оплатили услуги трех мальчиков-проституток? Во сколько ваша любовь к подросткам обошлась бюджету?

Бессчастный забежал в ванную и закрыл за собой дверь. Все это время я, не переставая, продолжал снимать. Разбросанные вещи, подкачанные смазливые парни с удивительно невинными лицами, два дилдо у изголовья кровати (один совершенно невообразимых размеров, им можно было зерно толочь), бегающий по номеру политик со сморщенным членом.

– Молодые люди, вопрос к вам, – продолжал журналист. – Какие виды сексуальных извращений практикует господин Бессчастный? Выступает ли он в качестве пассивного партнера?

Смущенные вниманием прессы к своим скромным персонам, парни, отвернувшись спиной к нашим объективам, угрюмо натягивали на себя одежду.

Журналист подошел к двери ванной и несколько раз от души ударил ботинком в район замка. Дверь поддалась с четвертого удара и резко распахнулась. Внутри Бессчастный, успевший натянуть трусы, кому-то звонил по мобильному телефону.

– Александр Ильич, вы сейчас звоните Самохвалову? Отчитываетесь о проделанной работе с избирателями?

– Вам пиздец, понятно? – сказал Бессчастный, убрав телефон от уха, и такой злобы во взгляде я не видел никогда в жизни.

– Вы сейчас обращаетесь к избирателям «Партии отечества» или лично к сторонникам Самохвалова? – продолжал атаковать мой напарник. – Кому именно пиздец, уточните, пожалуйста.

– Моя личная жизнь не имеет никакого отношения к моей политической деятельности, – сквозь зубы выговаривал политик. – А то, что делаете вы, называется вмешательством в личную жизнь человека.

– Вы не рядовой гражданин, а политик, который претендует на роль морального авторитета. Вы имеете право придумывать и утверждать законы, которые потом будут регулировать жизнь обычных людей. Поэтому я имею полное право рассказывать людям, что на самом деле вы из себя представляете.

– Не имеете вы права...

– Можете сделать заявление своим избирателям. Объяснить свое поведение.

Едва сдерживая себя, Бессчастный отвернулся к стене и продолжил одеваться.

– Сколько стоит услуги мальчиков? Вы платите им из своей зарплаты?

На политике уже появились брюки.

– Жена в курсе вашего гомосексуального хобби? Она поддерживает вас в вашей политической деятельности?

Он просунул руки в рукава рубашки.

– Александр Ильич, стоять спиной к своим избирателям – это некрасиво. Последний вопрос: когда вы сегодня придете ночевать домой, поцелуете вашу спящую дочку Ангелину?

И здесь Бессчастный не выдержал. С воплем он бросился на моего коллегу.

– Ты... сука! – орал политик, пытаясь ударить журналиста. – Я тебя убью нахуй, пидорас!

Мой напарник, уворачиваясь, продолжал:

– Продолжайте, господин Бессчастный! Как вы собираетесь меня убить?

– Охрана! Охрана! – орал вконец потерявший человеческий облик политик (будем реалистами – бывший политик). Он весь вспотел от злости и страха, а жиденькие волосы его смешно прилипли к узкому лобу.

– Вы же сюда приехали без охраны, на такси, – не упускал случая подискутировать мой коллега.

И тут случился финал, достойный пера драматурга «новой волны». Бессчастный вдруг резко успокоился, сел на край ванны, взялся рукой за сердце. По лицу его скользнула режущая, неприятная улыбка.

– Да ну вас всех к черту, – сказал он негромко. – Делайте, что хотите. Все это отвратительно.

– Да уж, отвратительно, – согласился журналист. – Спасибо за интервью, Александр Ильич. Хорошего вам вечера!

Мой коллега показал мне, что пора уходить, и мы быстро вышли из гостиничного номера.

– Фотографии получились? – спросил он.

– Да.

– Быстрее надо отсюда свалить.

Мы спустились в лифте на первый этаж. С замиранием сердца я ожидал, что в холле нас уже будут встречать, но, к счастью, там никого не было. Мы вышли из здания гостиницы и быстрым шагом отправились к тому месту, где была припаркована машина. Руки у меня дрожали. «Все слишком удачно складывается, – думалось мне. – Надо ждать подвоха».

– Я давно заметил, что чем больше какой-нибудь деятель кричит о педофилах и морали, о том, что наши дети в опасности, тем больше вероятность, что он сам извращенец. И именно от него следует защищать «наших детей». Это уже проверенный факт, – сказал журналист, поворачивая на проспект Мандельштама. – Так что этот урод, будем считать, сам нарвался. Осталось удачно все это подать. А главное – как можно быстрее. Чтобы никто не успел засать и передумать. Чтобы на это даже времени не было.

– Ты был крут, – похвалил я коллегу. – За тобой наблюдать одно удовольствие. Я едва сдерживал смех от твоих вопросов.

– Я тоже люблю свою работу. Особенно в такие моменты.

Мы приехали в редакцию интернет-холдинга, где работал мой товарищ. Несмотря на поздний час, в офисе было полно людей, очевидно, все были в курсе, что мы приедем с чем-то весьма интересным.

Мне принесли чашку чая, усадили в кресло. Я потягивал горячее (бергамот, лимон, химическая насыщенность) и наблюдал, как все вокруг быстро пришло в движение. Журналист лично контролировал, как видео, фотки и запись с диктофона – оказывается, он тоже был включен – сперва перекидывают на редакционный сервер, а затем записывают на флэшки. Он достал из сумки ноутбук, заставил его «проснуться» и, глубоко уйдя в себя, минут пятнадцать судорожно стучал по клавишам.

– Видео целиком? – спрашивал кто-то из-за компьютера.

– Да, полностью, – отвечал ему журналист. – Там пару минут всего.

– Кто фотки выберет? Эй!

В эти минуты мне определенно нравилась моя работа. Я чувствовал то, что в старых романах называли «биением жизни», невидимой, но от того не менее ощутимой пульсацией.

– Авторство фоток подписываем?

– Нет, – ответил журналист, не посмотрев даже в мою сторону.

Меня это задело немного, хотя, рассудив, я подумал, что это наилучший из вариантов. А авторство фотографий вполне можно приписать нескольким тысячам долларов. Кстати, хорошо было бы их получить...

Примерно через двадцать пять минут на сайте произошло обновление. «Ближайший соратник Самохвалова застукан в отеле с мальчиками-проститутками (фото, видео)». В следующие несколько часов, несмотря на наступающую ночь, новость, как вирус, расползется по Сети, наут-

ро попадет в теленовости, послезавтра появится во всех газетах. Можно считать, что такого политика как Бессчастный больше не существует. В эту минуту я понял, что заставляет моего приятеля работать именно так, как это делает он: рыть, вынюхивать, пугать и провоцировать. Спортивный азарт. Охотничий инстинкт. Драйв от вождения автомобиля по встречной полосе на большой скорости... Или ты делаешь что-то значительное, или коротаешь жизнь в ожидании старости за обсуждением сплетен и недорогой выпивкой. Сколь велико количество людей, которые уже годам к тридцати намертво застревают в липкой паутине ежедневных ритуалов и нелепых мелочей.

– Ну что, мы молодцы? Водки? – спросил журналист.
– На сегодня, кажется, все. А завтра будет видно.

– Пошли, – сказал я, поднимаясь, – только флэшку мою верните.

Место называлось «Money» и располагалось на первом этаже безликого офисного центра. На стенах в одинаковых деревянных рамках висели деньги из разных стран. На табло горели курсы валют. Стояли банки и бутылки разных форм и размеров, доверху набитые монетками. Даже на вид они казались очень тяжелыми. Как труд бедняков из стран третьего мира. Цены, правда, не очень пугали – видимо, заведение предназначалось больше для тех, кто о деньгах только мечтает, хотя рюмку-другую под эти мечты вполне может себе позволить.

– Неуютно как-то, – заметил я.

– Тебе ресторанным критиком надо быть, – хмыкнул журналист. – Уютно-неуютно. Какая разница. Тут умеют подавать закуску к водке и саму водку. Все остальное не важно.

Мы заказали графин водки «Колокол», большое блюдо солений (бочковые огурцы, соленые помидоры, квашеная капуста, маринованный лук) и по порции мяса. В глазах моего приятеля, в его осанке чувствовалась усталость. Черты лица заострились, а глаза наоборот стали словно сделанными из желе.

– Каков твой прогноз? – спросил я. – Что дальше они будут делать?

– Ну, Бессчастный, думаю, уедет из страны. Самохвалов скажет что-нибудь про то, что партия очищается, а значит, «верной дорогой идем, товарищи». Мне интересно, какотреагирует избиратель. Если его и этим не проймешь... Да половина из тех, кто голосует за Самохвалова, даже фамилию его правильно не произнесут. Большая часть его электората – люмпены и дебилы. Нам нужен был такой скандал, чтобы о нем говорили не только из каждого приемника, но и возле каждого подъезда. Про депутата-пидора говорить будут. Только тогда до этих, с позволения сказать, людей что-то может дойти.

– А может так статься, что скандал замнут? Что многие СМИ промолчат, не прокомментируют?

– Не думаю. Промолчат только те два канала и пару газет, которые работают на Самохвалова. Все остальные с удовольствием расскажут и напишут. Я заебусь завтра интервью давать. Это же только начало...

Мы выпили по первой рюмке, холодной, очень уместной. Я закусил квашеной капустой, а журналист просто опрокинул в себя водку и остался сидеть с будто бы озадаченным лицом.

– Нормально, – сказал он тихо. – Через пять минут будет хорошо.

Когда первый графин закончился, мы заказали еще двести. Обычно скупой на слова и наблюдения коллега высказывал мне свою теорию всеобщего неустройства. Лицо его снова стало мягким, чуть тронутым первыми признаками опьянения, с каждой минутой, впрочем, усиливающегося.

– Нам всем кажется, что от нас ничего не зависит, – говорил он. – Что есть некая государственная машина... Или не государство, а возьмем корпорацию. Короче, что есть некий мощный механизм и давно заданный маршрут. И к механизму не подступиться, и маршрут не изменить. И тогда появляется идеальная и очень для кое-кого удобная формула: «Я все равно не смогу ни на что повлиять». Люди перестают ходить на выборы, перестают читать газеты. Они перестают интересоваться теми вещами, которые кажутся им неизменными. Это очень удобно для политиков. Это, по большому счету, их главная задача – добиться от граждан апатии и бездеятельности. Вот вам, народ, очерченный круг, за который лучше не заходить: сериалы, порнуха, попса, дешевое бухло и легкие наркотики, жрачка в супермаркетах и вонь в подъездах. Ну и вдобавок здорово сделать так, чтобы все усилия человека сводились к набииванию им холодильника. Позволять людям быть богатыми не выгодно. Но и давать голодать нельзя – озвереют, суки. Нужна серединка – чтобы на вареную колбасу хватало, а на свежее мясо только по праздникам. Таким народом, блядь, очень удобно управлять... Но если чуть ближе подойти к этим властелинам, к этим таинственным людям, которые каким-то хером оказались во главе пирамиды, то окажется, что нет никакой машины. Все, что там происходит, напоминает круизный лайнер во время кораблекрушения. Кто-то организованно спускает на воду шлюпки, а кто-то уже в панике выпрыгнул за борт. Капитан снимает

револьвер с предохранителя, а в трюме кого-то насилуют. А на верхней палубе охуевшие музыканты в последний раз дают джазу. Вот такая примерно ситуация... И она постоянна. К счастью, корабль скоро затонет, и свидетелей оргии практически не останется, а рассказам выживших просто не поверят. А там, глядишь, и новый корабль из порта выходит. Так вот. Тут самое интересное. Оказывается, ты реально можешь на все повлиять. Кое-какие двери забывают запереть на ключ. Здороваешься с правой рукой, выкручивая левую. Этого можно купить, а этого и продать не грех. Понимаешь ход моих мыслей?

– Понимаю. А какая твоя в этом хаосе роль?

– Моя? – словно удивился вопросу журналист. – Очень простая. Всего лишь рассказывать о том, как все есть на самом деле. О том, что никакой отлаженной машины нет. Ну, кроме разве что репрессивной. Если надо кого-то «закрыть», закроют в два счета. А если надо, чтобы человек вообще исчез, сделают и это. Несмотря на все разговоры о демократии и независимых судах. Но все остальное – правая рука ворует из левого кармана, левая из правого, а потом все разводят руками и говорят, что бюджет не позволяет. Моя задача – показать вот это. Дать общую картинку, как все работает. Вернее, не работает. И почему.

– То, что мы делали сегодня, в эту концепцию не вписывается.

– Есть и такая работа. И она нужна для того, чтобы завтра я мог продолжать заниматься своим делом. Потому что Самохвалов – мент и самодур. Абсолютно жестокое и циничное существо. Без всякого намека на принципы и мораль. Посмотри, как быстро он поднялся и стал самым рейтинговым политиком. За два-три года. Дальше – больше. А мне не надо, чтобы больше. И тебе не надо.

– Окей. Твоя работа это позволяет делать. Я имею в виду, тусоваться вверху и трясти систему. Моя работа – тоже, но в меньшей степени. Фотографии это свидетельства и больше ничего. А есть огромная масса людей, вход которым заказан. Ну, то есть вообще заказан.

– А с системой нужно на каждом шагу воевать. Мы вообще живем в государстве, которое все время тебя хочет наебать, использовать, а ты выкручиваешься, стремишься уйти без потерь. Справки, паспорта, счета, квитанции, визы... Менты, суды, таможня, взяточники. Все это блядство. У тебя мелкий чиновник требует взятку, чтобы прописать тебя в этом районе – пиши заяву в прокуратуру. Суп в ресторане принесли испорченный – зови менеджера и требуй книгу жалоб. Просто не соглашайся быть говном. Влияй своими деньгами – не ходи в магазин, где тебя обсчитывают. Не ходи в кафе, где тебе хамят. Не голосуй за политика, который себя уже дискредитировал.

– Устанешь воевать.

– А другого выхода нет, – пожал плечами журналист. – Либо ты борешься за свои права, либо у тебя нет никаких прав вообще. И знаешь, когда я понял... Что нет идеальных систем. Что везде свои бои без правил, ошибки и пробоины. Когда я понял эту простую штуку, мне стало легче. Ладно, харэ. Давай еще выпьем.

Мы выпили еще по полрюмки, и я резко понял, что появляется соблазн, и даже не соблазн, а, скажем так, серьезная вероятность напиться в хлам. Всегда есть условная граница одной рюмки, до которой ты еще можешь влиять на происходящее, но после которой начинается полет на одном крыле, обманчивая легкость и бессмысленная откровенность. И если в такой момент не нажать на воображаемые тормоза, утром будет похмелье и стыд. Или просто похмелье.

– Может, нет смысла воевать? – спросил я. – Может, лучше переехать куда-то туда, где все устроено по-другому?

– Миф о том, что всегда можно куда-то переехать лучше проверить в 18 лет, либо постоянно держать где-то на периферии потенциальных возможностей. Потому что куда бы ты ни переехал, ты всюду будешь таскать за собой вот эти руки, ноги, печень, зубы и вот эти мозги. А с этими мозгами у тебя всегда будут одни и те же проблемы: алкоголизм, одиночество, любовь, безработица, да что угодно.

– Может, в тебе какая-то обида говорит?

– А ты заметил, что у тебя каждый вопрос начинается со слова «может»? Хватит предполагать. Обвиняй, нападай, что угодно, только не вежливые эти... – он подвигал пальцами перед лицом, словно подбирая определение, но ничего не подобрал и махнул рукой.

Затем открыл портмоне, достал оттуда пачку денег и протянул мне.

– Гонорар. Хорошая работа.

Назавтра во всех новостях крутили кадры с бегающим по гостиничному номеру политиком Бессчастливым и жмущимися по углам смущенными голыми мальчиками. Правда, увидеть, что они смущены, было не так просто – на картинке их лица сделали размытыми. И правильно, зачем расстраивать родителей юношей? Наверняка же приличные люди.

– Вот это круто, конечно! Он молодец! – прокомментировала жена, имея в виду нашего знакомого журналиста, сделавшего этот компромат.

– Да, он молодец, – машинально повторил я, раздумывая, сказать ей о том, что я тоже участвовал в этом «мероприятии», или лучше промолчать. Решил все-таки сказать.

Сперва жена удивилась, потом возмутилась, что я не сообщил ей вчера о своих планах, затем потребовала рассказать в подробностях. Я пересказал ей события вчерашнего вечера.

– Понимаешь, он предложил мне приехать и поснимать. Нужно было быстро решать. И я толком не знал, что именно нужно будет снимать. Точнее, кого.

– Ясно. А сколько тебе заплатили?

– Две... две штуки.

– Долларов?

– Долларов.

Я вдруг почувствовал оскомину подступающего раздражения, и было не очень понятно, что именно вызывает во мне это чувство. (Глубокие короткие царапины. Звук ногтя, проведенного по школьной доске. Тягучий душный сон под толстым одеялом). Начал собираться на работу. Крепкий зеленый чай оставлял во рту горькое послевкусие.

– Ты уже уходишь? – спросила жена. Она стояла в трусиках и белой майке без рукавов, прислонившись к стене, и наблюдала за мной. В руке у нее была большая чашка кофе с молоком.

– Да, мне надо идти, – ответил я. – А тебе?

– Мы же вчера номер сдавали. Можно сегодня не появляться.

– Ах, да. Забыл, какой сегодня день недели. Чем будешь заниматься?

– Еще не придумала.

На улице я поймал такси и за пятнадцать минут доехал до площади Достоевского. Редакция располагалась на одной из соседних улиц. Мне не обязательно было прямо сейчас идти на работу (задания мне могли дать и по телефону), потому я зашел в «КофеОК», взял американо – кофе здесь наливали в картонные стаканчики – и бутылку прохладной минералки без газа. Сел на высокий стул возле окна, чтобы смотреть на город. Что-то вроде барной стойки, только вместо рядов цветных этикеток – приглушенный скрип тормозных колодок и спешащие люди.

Не хотелось идти ни на какие съемки. Не хотелось куда-то мчаться. Возможно, это было просто легкое похмелье. И причина раздражения тоже была в этом. Выпить кофе не спеша, позвонить на работу, узнать, что со съемками. Войти в этот день, впустить в себя рутину. Или просто помолчать, сидя на скамейке в парке Горького. Почему в этом городе люди всегда одеты в свитера или ветровки? Почему они всегда готовы к похолоданию?

Глава третья

«Партия отечества» Богдана Самохвалова победила на выборах с солидным перевесом. Сексуальный скандал не смог оттянуть у них столько голосов, чтобы позволить оппонентам их нагнать. Не по своей воле потеряв соратника Бессчастного, отвечавшего в партии не за силу и решительность, а за мораль и вечные ценности, Самохвалов легко перехватил его риторику, изменив ее под себя. Теперь он говорил про зло, которое будет наказано, про справедливость восторжествующую, про заповеди библейские. Он уверял, что всегда стоял на стороне отечества, стороне добра, а если карал, то по делу, по справедливости. Твердил, что нужно прощать своим близким грехи их, но врагам нет прощения...

После официального оглашения результата выборов, новоизбранный парламент на первой сессии, несмотря на попытку Блока Ольги Гвозденко сорвать заседание, утвердил премьер-министром кандидатуру Самохвалова, и он с сальным блеском в глазах (словно только что съел тарелку острейшего варева) под равномерно раздающиеся аплодисменты еще раз повторил суповой набор своих предвыборных обещаний: разобраться с врагами отечества, приблизить страну к мировым лидерам, на новый уровень вывести промышленность, раз и навсегда победить коррупцию и организованную преступность. Раз и навсегда... Было очевидно, что этот человек пришел не для того, чтобы решать какие-то маленькие, расписанные по пунктам задачи, он пришел властвовать, повелевать, подчинять. Он пришел раз и навсегда. А то, как блестят его глаза, выдавало его с нутром, просвечивало, будто на рентгене.

Выкормыш силовых структур, жестокий и прагматичный зверь (не зверек), разумеется, хищник, убеждающий

не словами, а жестами, горящими глазами, дрожащими крыльями носа, брызгами слюны изо рта. Откуда такое умение своими речами брать зрителей-слушателей за жабры, приковывать внимание и не отпускать, выжимая из них все, выворачивая душу? В каких университетах этому учат, на каких площадях куются, выкристаллизовываются эти таланты? Ведь если оставить только речи, только слова, переписать это на бумагу и прочесть – не останется ничего. В лучшем случае – набор банальщины, а скорее всего – просто каша из несвязных реплик, угроз и обещаний. Но в сопровождение целого оркестра из взглядов, жестов, поз, изменений голоса – они действует похлеще гипноза, завораживают, заставляют слушать, не отрываясь, да еще и верить. И чем ближе были выборы, тем больше он раскрывался, преображался, чувствуя теплую близость желанной цели.

Долгое время он не был публичным персонажем, занимался бизнесом, знать положено было лишь о наиболее пристойных фрагментах которого. Затем, подхваченный вверх неизвестной силой, возглавил министерство внутренних дел, где проявил себя, запомнился, хлопнул кулаком по столу. Сразу несколько показательных дел, завершившихся в кратчайшие сроки: публичные порки до полусмерти на площадях средневековых городов. Метла с металлическими прутьями, от которой не успели спрятаться несколько руководителей средней значимости ведомств и парочка наименее влиятельных губернаторов. Продавил и ужесточил законы для эмигрантов, вызвав радостные возгласы националистов и тех, кто себя таковыми считал.

И сразу – фигура, политик, вес в обществе, одобрителный шепоток.

Через год Самохвалов создал и возглавил «Партию отечества». Пообещал прийти всерьез и надолго, выта-

щить отечество (он так любил это слово) за шкурки из болота безответственности и непослушания.

Истосковавшаяся по сильной руке страна, так и не привыкшая принимать решения, пусть и коллективные, после десятка лет сомнений, поисков и компромиссов, отдала власть ему с радостью, с выдохом: «Ну наконец-то!», с надеждой и освобождением от головной боли.

В рядах интеллектуалов царили растерянность и непонимание. Многие, как нелепую, глупую мантру, повторяли, что не представляют свое будущее в стране Самохвалова. Кто ответил бы, почему? Чего боялись они, порядочные и законопослушные? Ответ здесь лежал в плоскости генетической. Где-то на уровне памяти, причем не той, которая рисует перед воображаемым взором картинки прошлого, приукрашенные или наоборот потерявшие блеск. А той, которую можно прочувствовать кожей, жилами и всей требухой.

Для того, чтобы забыть прошлое, иногда достаточно десятка лет, в самом тяжелом случае – двух-трех десятков. Чем больше рождалось новых младенцев, тем меньше оставалось памяти. Но кожа, кровь, плазма – помнили. Уже не раз в истории случалось, что волны народной любви выносили на берег морской чудовище, и чудовище это, рожденное самим народом, начинало жрать народ, выедавая из него самые мозги, самую волю.

Наверное, при виде Самохвалова просыпалась вот эта *дерматологическая* память, ведь у каждого третьего здесь деда-прадеды погибли в каких-то неизвестных братских могилах, в каких-то далеких холодных краях, ни за что ни про что сгинули.

Через сто лет после самой страшной войны, после самых бесчеловечных и бессмысленных репрессий не оста-

ется ничего, кроме документальных свидетельств, тлеющих по музеям, по архивам, по пустым местам, где никогда никого не бывает. Вещества не остается, только эфир. И кто-то хитрый и большой начинает все сызнавать.

Мой приятель-журналист уверял, что надо в нужный момент и в нужном месте оказаться, что нет многоуровневой системы защиты, что достаточно вставить в электрический щиток отвертку, чтобы все закоротило, пыхнуло и погасло.

Но Самохвалов со своей новой командой, людьми очень похожими друг на друга, не внешностью, а какой-то готовностью к действиям, сухостью взгляда, словно примороженными слегка в холодильной камере (в криосауне, если угодно), вместе со всеми этими аккуратными ребятами он начинал строить что-то новое, прочное. Что-то такое, к чему было трудно подступиться.

Уже через месяц половина депутатов Блока Ольги Гвозденко перешли на сторону Самохвалова. Ходили слухи, что на каждого из них имелась бережно собранная еще во времена руководства МВД папка с компроматом, содержимого которой хватило бы на несколько тюремных сроков. Сама Гвозденко через какое-то время вдруг замолчала, перестала клеймить позором, возмущаться и требовать. Перестала появляться в парламенте, распространять пресс-релизы и официальные заявления. А уже через неделю шустрыми червями поползли слухи о том, что она уехала жить в какую-то теплую страну, даже не в Европе, кажется, а где-то совсем далеко.

Ровно через два месяца после выборов в подъезде собственного дома, в двух шагах от двери своей квартиры...

Черт возьми...

Моего приятеля-журналиста нашли с проломленной головой, в луже крови. Почему-то соседи обнаружили труп только под утро, хотя убийство было совершенно еще вечером. Никаких вещей при нем найдено не было, а его машину, на которой он в последнее время ездил, во дворе дома не обнаружили. Основной версией посчитали ограбление, преступников задержали по горячим следам, на следующий день, в соседней области. Они во всем сознались. Сказали, что жертву выбрали случайно. Увидели хорошую машину, зашли за ее владельцем в подъезд, ударили «тяжелым предметом» (каким? каким же предметом?) сзади по голове, забрали ключи, портмоне с деньгами... Одному дали пятнадцать лет (тому, кто бил по голове), второму – десять.

Сработали хорошо, чисто. Обычное ограбление, не повезло, бывает. Скорбим и соболезуем. Верхом цинизма (слово не подберешь, сантиметровые злые муравьи по коже) было официальное письмо от премьер-министра Самохвалова работникам СМИ, в котором высказывались «глубочайшие соболезнования всему медиа-сообществу в связи с трагической гибелью известного журналиста». В письме перечислялись профессиональные и человеческие качества «акулы пера» (так и было написано), выражалось «искреннее восхищение» его смелостью и бесстрашием, а также весьма однозначно, словно щелчок незаряженного пистолета в районе лба, высказывались пожелания коллегам погибшего «беречь себя в эту переходную эпоху борьбы с преступностью и становлением сильного, процветающего государства».

Беречь себя.

Раз и навсегда.

Мы сидим с сумасшедшим моим приятелем на скамейке в городском парке, тянем пиво. У меня в бутылке 4,5% алкоголя, у него – безалкогольное. Он старательно соблюдает советы доктора, а пить доктор не разрешает.

– Может быть, гражданская война будет? – спрашивает он, отхлебывая. – Что слышно по этому поводу?

– Не думаю. С чего ты взял?

– Говорят, что мальчиков стало больше на свет появляться.

– Выбрось это из головы.

Он кивает, соглашаясь. Приятель стал чаще выходить из дома. В магазин или просто на прогулку. Полезные свойства свежего воздуха никто не отменял. Тем более, врач советует гулять. Приятель мой очень худой, бледный, кожа будто светится изнутри. На него можно пристально посмотреть, но он не ответит на твой взгляд. Не заметит его, уткнувшись лицом в свои размышления словно в раскрытые мягкие ладони.

– У нас на районе новый гипермаркет открылся, – рассказывает он. – «Супергород» называется. Огромный такой. Мне нравится там бродить. И меня даже не парит, что у меня нет денег купить, что я хочу. Мне нравится смотреть на все это красивое, что ровными рядами лежит. Люблю на рыб живых смотреть в аквариумах. Плавают суетливо, толкаясь, мало им места. Продавец их прямо за жабры хватает. А я смотрю на его руку – крепкая, мускулистая, не вырваться – если поймает. Покупаю на кассе изюм в шоколаде, иду, довольный. Охранники смотрят пристально, словно сканерами изучают. Ждут, что на выходе я запи-

каю. Нет, чего мне пикать, я не крал ничего. А за изюм заплатил честно...

Он может долго рассказывать о подобных вещах. О том, что ему понравилось или не понравилось. Пометки простым карандашом на полях его дней. Его речь изменилась. Манера говорить и сами слова. Из активного жителя, перспективного члена социума, он стал из-за необъяснимой болезни своей изгоем, наблюдателем. На таких, как он, не рассчитаны рекламные акции в магазинах, скидки в кафе, дешевые билеты лоу-костов. Он не идет ни на какую поправку, хотя ему так кажется. Все больше убеждаюсь, что обратного пути у него нет, он все больше застревает в своем сумасшествии, тихом и вроде бы безопасном для окружающих. Но кто знает, что вызревает в его голове, какие зерна туда рано или поздно упадут, какой водой они будут политы.

– Расскажи мне про этого своего друга. Про журналиста, которого убил Самохвалов, – просит он.

– Что рассказать?

– Когда ты с ним последний раз виделся?

– Где-то за пару недель до его смерти. Мы встретились случайно в баре, я пришел туда с женой, а он сидел за стойкой, пил виски. Мы позвали его за наш столик. Выпили по паре шотов. Поболтали о том о сем. Он говорил, что его прогноз сбывается. Что Самохвалов оказался тем, кем оказался. Что будут закручивать гайки, и дальнейшее будущее страны ему видится в мрачных тонах. Если это можно считать предчувствием смерти... Да нет, нельзя. Потом о чем-то еще говорили. Вообще, он выглядел, как обычно. Небритый, наигранно злой. Уходя, он сказал, что мы с женой отличная пара. Хорошо, мол, смотримся вместе.

Вот это и было странно – комплименты из его уст. Хотя, ничего странного. Он пьяный был.

– А он тебе нравился? Как человек?

– Да... Ну... В нем была доброта, на самом деле. И отчаянность, лихость. А его эта показушная готовность всех на хер послать, которая у него на лице была написана... Это такой способ защиты. Чтобы избавиться от лишних собеседников. Кто к такой мрачной детине подойдет-то?

– Это все равно очень странно. Вот это исчезновение человека из мира. Кто-то дунул, свистнул – и его нету. Это можно только стихами объяснить. Причем на таком языке, который не все понимают.

Он неаккуратно сделал глоток своего безалкогольного, облился. Достал платок из кармана брюк, сосредоточенно вытерся. Мое сердце в эти секунды сжималось от жалости, до соленых слез. Усилием воли, закусив губу, я заставил себя сдержаться. Почему так вышло, что этот несчастный парень, персонаж из прошлой моей жизни, вдруг оказался едва ли не единственным человеком, с кем я теперь общаюсь? Ведь он ненастоящий, *не от мира сего*...

– И еще, – сказал он торжественным голосом, – я любил свою жену. Можешь меня поздравить.

Он протянул руку, я пожал.

– Я понял, что надо жить дальше, – сказал он. – Я простил и отпустил. Выдохнул поглубже, и понял, что больше нет любви. Есть покой. А раньше я каждый час о ней думал. Почему она меня предала. Ведь мы же обещали. Но она ушла. Развод. Из-за болезни моей. Я же не виноват. Ну ради бога! Теперь не думаю о ней. Найду себе хорошую девушку. Которая будет меня понимать.

Наверное, многие и не заметили наступивших перемен. Что, собственно, поменялось? Правила игры? Но ведь играли не все. Для большинства жизнь продолжилась в тех же границах. Пошаговое стремление к устроенности, к картинкам счастья и уюта из рекламных проспектов. Общество злоупотребления, объект для насмешек сытых, пузатых писателей.

Разве что – вот совсем не понятно, отчего – на улицах стало больше бомжей, калек, сырых и убогих. Словно отсиживались в своих норах-чердаках-коллекторах, а тут повывлазили всем скопом на свет, назойливо просить милостыню, прилюдно жрать найденные объедки, с удовольствием испражняться, прислонившись задом к фонарному столбу на привокзальной площади.

Еще – опять же, почему? – люди стали меньше ходить в кафе и рестораны, ограничили себя в перемещении по привычным пространствам, предпочитали бухать по домам, пересказывая друг другу все услышанные сплетни, слухи и кривотолки.

Всеобщее веселье (особенно по вечерам пятниц и суббот) сменилось всеобщей же настороженностью. Все *ждали развития событий*. И легко смирились, что Самохвалов, так восторженно полюбившийся малообразованной части общества, пришел надолго. В умах поселилась вполне объяснимая тревога. Всегдашний пчелиный гул, звуковым смогом висевший над городом, стал утихать, пока не превратился в ту самую тишину, которую можно услышать перед началом спектакля, когда занавес поднят, артисты уже появились на сцене, первые реплики произнесены, но сюжета пьесы никто не знает.

Подобное выжидание царило и в редакциях газет. Показательное убийство известного журналиста («какое там

ограбление, таких случайностей не бывает») заставило всех оголтелых и борзых *поумерить пыл*, вспомнить о вечном, подумать о детях своих, а у кого детей не было – о родителях, подругах, будущих детях. Всем было, кого терять. И вот на этом принципе – «у каждого есть, кого и что терять» – новая власть быстро и уверенно возводила себе новую крепость, строила новую систему. Не надо пугать, напугаются сами. Цензура не нужна, если у каждого внутри запустить механизм самоцензуры. А этот механизм, как выяснилось, включается и настраивается быстро.

Разумеется, Самохвалову нужно было воевать сразу на многих фронтах – укреплять позиции, атаковать, не забывая про тактику и стратегию боевых действий, – но перво-наперво он решил заняться фронтом идеологическим, захватить средства оповещения. Главным было перевести на свою сторону телеканалы и массовые газеты. Это было сделано в течение первого полугодия его правления, без лишнего шума. Один канал был куплен партнерами Самохвалова, другой национализирован под благовидным предлогом (работникам канала несколько месяцев не выплачивали зарплату, после национализации все долги выплатили, зарплату увеличили вдвое), с владельцами остальных – не таких крупных – просто поговорили, все очень доходчиво объяснив.

Критиковать политику новой власти продолжали несколько изданий, не обладавших высокими тиражами (а порой – и высоким интеллектом), и кое-какие интернет-ресурсы. Их до поры не трогали, видимо, решив, что нужно оставить прореху, через которую можно будет выпускать пар недовольства.

В моей газете о Самохвалове писали, воздерживаясь от явной критики и язвительных комментариев. К избра-

жениям его теперь тоже подходили серьезно: премьер-министра больше нельзя было снимать снизу вверх. Нельзя было ставить на полосу фотографию, где Самохвалов получился неудачно, где он выглядел сутулым, несвежим, чесал щеку, закрыв глаза, или, упаси боже, ковырялся в носу (был в нашем архиве и такой кадр, догадайтесь, кто его поймал).

Похожую тактику избрали и в еженедельнике, где работала жена: хвалить не хвалили, но и ругать не ругали.

– Как быстро, – удивлялась жена, – все научились писать именно в той манере, которая устраивает власть. Полгода не прошло... И никто же не учил, не проводил специальных тренингов. Что можно, и что нельзя. Сами быстро скумекали.

– Приспособление к окружающей среде. Все хотят выживать.

– Да ведь не это самое страшное. Самое страшное – это готовность... не то чтобы сдаваться без боя, а даже на этот бой не выходить, даже в последнем ряду, никакой солидарности. Убили человека, и хоть кто-то заявил о том, что все тут очень подозрительно? Кто-то заявил об этом не только на уровне тончайшей иронии в своем на хер никому не нужном блоге?

Через неделю после этого разговора она написала заявление об уходе из издания, в котором проработала четыре года – сначала корректором, потом литературным редактором, потом руководителем отдела литредактуры. Это решение она приняла сама, со мной его не обсуждала. Она становилась очень самостоятельной, моя девочка, моя уже почти совсем-совсем взрослая. Когда она пришла домой, когда мы встретились на кухне за ужином, под телевизором, усевшись на привычные деревянные наши стулья

с блекло-красными подушечками под цвет обоев, когда она сказала мне «новость дня»: уволилась и точка – что мне оставалось делать? Слушать. Я со всей ясностью понял, что она стала другой, изменилась, переросла себя, перешагнула. И понял это я словно с опозданием. Будто увлекшись чем-то неважным, я просмотрел главное. Пропустил то, что мне нужно было во что бы то ни стало рассмотреть и понять.

– Все, не могу больше, – сказала она. – Хватит тратить жизнь на бессмысленные вещи. Так можно до старости в этой редакции просидеть и ничего не понять, ничего не увидеть.

– А дальше что?

– В смысле? На что жить?

– Нет. Чем будешь заниматься?

– Все-таки сделаю из своих записей что-то единое, сведу их все, отшлифую... Считаю это моим капризом, но мне это нужно. Я хочу сделать свою книгу. Ну и буду халтурить, как и раньше. Переводы, корректура. Не волнуйся о деньгах.

– Я никогда не волновался о деньгах. Тем более, твоих. Ты как будто упрекаешь меня.

– Нет, не упрекаю, – вздохнула, губы ее истончились. – Я ведь тебя давно ни в чем не упрекаю, ты заметил это, надеюсь. И вообще, мы перестали уже толком общаться. Действия, доведенные до автоматизма. Даже секс... Ну то есть не даже секс, а просто секс. Ты уже не хочешь меня.

– Хочу, – соврал я. Точнее, не соврал, а как бы это сказать поточнее – моментально среагировал на заданный вопрос.

– Не думаю...

– Давай не будем ругаться сейчас.

– Я и не планировала ругаться. Роботам это вообще не свойственно.

– Да каким, блин, роботам? Что с тобой? Ты приходишь домой, раздеваешься, переодеваешься вот в эту майку и в эти шорты, все как обычно, а потом – бац! – «Я сегодня уволилась». И со мной ты даже не посоветовалась. Не спросила, что я об этом думаю. Что считаю правильным.

– А я знаю просто, что бы ты мне сказал. Сказал бы, что не нужно торопиться с такими решениями, не надо «пороть горячку» – так бы ты сказал, да? Толкнул бы свою обычную телегу про то, что бывают периоды, когда сомневаешься, но вообще, ведь у меня есть время на творчество мое, ничто мне не мешает, и работа не отнимает у меня сто процентов времени... Бла-бла-бла. Ты прекрасно бы все разложил по полочкам, как ты хорошо умеешь, а я бы опять начала сомневаться. А так – раз и все. Не хочу я больше там работать.

«Ну, хорошо, хорошо, – думал я. – Не реагируй. Не заводись. Ей просто надо вылить на кого-то свою усталость, свою решительность, злость свою минутную. Пускай выговорится».

– Ты права, наверно, – сказал я осторожно. – Ну то есть в том права, что уволилась. И знаешь: я бы поддержал тебя, если бы ты мне сказала. И я раньше говорил тебе об этом.

– Не думаю, – сказала. – Ты сейчас так говоришь, чтобы меня успокоить. Не надоел-то образ «всего понимающе-

го»? Сам-то давно придумывал что-то? Может, идею выставки новой? Почему ты всякой чепухой занимаешься? Ответь мне.

– Давно ничего не придумывал. Не придумывалось. Выжидаю.

– Допустим, хорошо. Выжидаешь. Еще знаешь что – вот сейчас как на духу скажу. Я не хочу... Понимаешь, не уверена, что хочу... Ну, чтобы мои дети были на тебя похожи. Боже, что я говорю... Ну, сказала, да. Вот.

Мы помолчали в какой-то холодной, отрезвляющей тишине. Обиды нет. Есть озадаченность. Словно звуковой сигнал раздался в телевикторине – время на раздумье вышло, каков будет ваш ответ?

– Может быть, я сам не хочу, чтобы мои дети были на меня похожи. На такого вот меня, – я оттянул в стороны поросшие недельной щетиной щеки. – Я тебя и правда не хочу. Ты стала чужой. Что там у тебя в голове? Или кто? И знаешь, я представляю, что вот, допустим, кто-то там есть у тебя. Ты же в последнее время часто дома не бываешь по вечерам. Ну не часто, окей, но случается. И что – больно мне от этого? Ревную? Да ни хера подобного! Не чувствую ревности. Вообще. Так что...

Жена сидела, прикрыв ладонью рот, мягко постукивая себя по губам. Не с таким выражением, будто «ай-яй-яй, сказала лишнего, вот бы слова обратно проглотить», скорее уж – «не сказать бы еще чего такого, а то вон уже те слова, самые обидные, с кончика языка свисают».

– Малыш, – сказал я через минуту, руку протянул к ней, но руку не взяла, а свою убрала.

«Опять спектакли эти. Вот не хочется, до ломоты. О детях заговорила. Да с чего вдруг? Противозачаточные свои

пьет, что не созрела, говорит, а когда созреет? Странная. Может, природа обделила ее чем? Каким-то пониманием женским. Отвернулась к стене, лицо обиженное? Да чем я тебя обидел? Все придуманное, надуманное».

– Я не хочу с тобой быть, – сказала спокойным ровным голосом. – Как будто твое присутствие рядом тормозит меня, останавливает. Я чувствую, что способна на большее. Я хочу перемен.

– Как хочешь, живи, – ответил сразу. – Будь свободна. Не хочешь быть со мной – не будь.

– Вот так просто, да? Даже облегчение почувствовал, да? Скажи?

– Нет, не почувствовал. А тебе надо, чтобы я умолял остаться? Хочешь, чтоб как в кино, блядь? Мелодрама, слезы, потом раскаяние? В пизду. Хочешь – не будь со мной.

– Как же ты так живешь? По каким принципам? Есть, и ладно, не будет – ну и бог с ней?

– Да ни по каким принципам. Ты сама сказала все. Чего еще? Все четыре стороны в твоём полном распоряжении.

Я старался не смотреть на нее, когда она начала собираться. Старался не задавать вопросов – куда она поедет, да к кому, да что там будет делать. Старался не просить остаться, а утром, например, все обговорить окончательно, обсудить, решить. Старался не говорить, что не надо пороть горячку. Я старался, и у меня получилось. Хлопнула дверь, и в квартире стало тихо.

Это было не все. Разумеется. Кто же уходит с первой попытки? Хотя бы мысленно (я пытался представить себя на ее месте): вот засыпала она на левом боку, рука под подушкой, свежая постель, и думала – достал он, хочется нового, не нового мужчину, а вообще – нового. Болтун. Самонадеянный лентяй. Да нет, не лентяй. Он же много работает, что-то делает. Но где все то – то, что было тогда, когда мы стали парой? Дерзость, сила и бесконечное вдохновение. А теперь? Все его привычки, словно столбики ровных строк в тетрадке. Все эти его любимые выражения, небритость, ищущий взгляд по утрам, словно он каждый новый день пытается вспомнить, что он здесь делает. Походка, пожимания плечами, манера надевать носки уже после того, как надел куртку. То, что он не заворачивает хлеб в бумажный пакет, отчего хлеб быстро черствеет. И почему после того, как он принимает душ, вся ванная комната залита водой? Сложно, что ли, аккуратно мыться? Ну, или хотя бы протереть за собой? Так трудно это, да?

Мы, что ли, всегда не с теми, с кем нам надо быть (думала она, засыпая, разочарованная чем-то для меня совсем не заметным)? Или с теми, просто иногда забываем об этом? Да и какая разница вообще с кем – все примерно одинаковые. Только один выше ростом, но худющий, а другой крепче физически, но низковат. Этот может забыть о твоём дне рождения, а этот и о своём не вспомнит. Но так – одинаковые, цепляются за собственные представления о нормальной жизни, и все. Изменяют, бухают, просят прощения, выносят мусор в пакетах, любят драмы и не терпят сказанной в лицо правды.

Непременно нового, чего-то нового, думала она, засыпая. Мысли путались, приходил сон – сначала тревожный, затем глубокий и крепкий. Ровное дыхание наполня-

ло темную комнату... (Я на минуту становился ею, понимая, что наверняка все не так, я все *упрощаю*).

Послезавтра она подняла трубку, и мы помирились. Применили не раз выручавший, хоть и не самый надежный метод «умолчания». Будто бы ничего не было. Проглотили выпавшие дни, как обиду. Отношения держатся на умолчании. Чем обсуждать проблемы и устраивать выяснения, не лучше ли сделать вид, что никакой проблемы вовсе нет? Проиграет тот, кто первый вспомнит о случившемся вслух.

Кажется, мы оба понимали в тот момент, что призрачное равновесие пошатнулось, что механизм с обратным отсчетом уже запущен. Что мы больше не те. Но еще какое-то время удавалось обманывать себя – наигранной нежностью, преувеличенным вниманием. Но колосс на глиняных ногах уже начал заваливаться на бок. Начались разговоры, бессмысленные и обидные, беспощадные приговоры, каждое слово – как удар по больному месту. И чем больше разговоров – тем меньше чувствовалась боль. Словно срабатывала самозащита. Хотелось все просто быстрее закончить. Поставить точку. А потом – погрузиться в новую жизнь (какой она будет?), начать медленно забывать.

В эти дни она старалась казаться равнодушной, преувеличенно спокойной, она, словно читая по невидимой бу-мажке, предъявляла мне список своих претензий, обид, расстройств и разочарований. Она что-то не договаривала и не решалась сказать главного, от этого злилась еще больше, еще больше сил тратила на то, чтобы сдержаться. Наверное, она рассчитывала на то, что я начну орать, выясняя, что же она скрывает. И я поддавался. Нет, не расспрашивал, просто платил ей той же монетой.

Мы стали конкурентами, завистниками, недоброжелателями. Теперь уже ничего не удерживало от яда, и мы

с охотой разбрызгивали его вокруг, стараясь ужалить побольнее (а тем больнее, чем безразличней сказано). Но скоро поток злых слов иссяк. Возвращаться было глупо. Вокруг выросли стены. Кирпичные, непроходимые. Прощать было незачем. В конце концов, она ушла, забрав даже часы со стены, оставив мне тишину на память.

Я почувствовал облегчение, досаду, злость, радость, обиду, удушье, свободу и тюрьму. Примерно в такой последовательности. И снова свободу. И разочарование. И желание выкурить сигарету. И выпить немного сладкого вина в темной комнате, липкой от брызг невидимой слюны. Но я решил ничего не предпринимать. Я сменил постельное белье (чтобы, не дай бог, не почувствовать ее запах) и лег в кровать, надеясь поскорее уснуть.

Еще несколько лет назад, когда мои отношения с женой только начинали развиваться, а любая командировка казалась интересным приключением, я был уверен, что успех есть защита от обыденности и скуки. Желание быть успешным двигало мной, как стремление перейти в хороший клуб помогает футболисту выкладываться в матчах с проходными командами. Мне казалось, что у успешных людей нет поводов для грусти, нет времени на тоску и печаль, ведь им нужно шагать вперед к новым свершениям, победам и объятиям. И что успех есть универсальный рецепт – от боли, страха, одиночества.

Но потом что-то необъяснимое стало происходить с самим понятием успеха. Является ли успехом забитый гол, если твоя команда в итоге проиграла? Можно ли считать успехом выпущенную книгу, если на нее не появилось ни одной положительной рецензии? Можно ли назвать успе-

хом блестящий кадр, если его отказались печатать в газете, сочтя «излишне художественным»?

Я проводил время в поисках ответов на вопросы, которые задавал сам себе, или даже не задавал, потому что они сами висели в воздухе. Главным из этих вопросов был, несомненно, вопрос: что делать дальше?

После работы шел в какое-нибудь шумное место: пил алкоголь или травяной чай, с кем-то общался, шутил неудачно, а поздно вечером возвращался в квартиру, окна нараспашку открывал, включал спортивный канал, смотрел на экран, пытаюсь вникнуть в то, кто выигрывает и зачем ему это нужно. Потом выпивал еще порцию алкоголя, чистил зубы, ложился спать.

Потом я решил, что вопросы когда-то отпадут сами, точно так же сами собой, как когда-то они появились. Я старался жить моментом, каждым вдохом и выдохом, каждым разговором.

О том, как дела у жены, я не знал. Слышал, что она сейчас живет у Липы, в ее просторной квартире. Чем она занималась, я тоже не знал. Мы созванивались время от времени, но, в основном, по каким-то делам. Нужно было что-то спросить или что-то забрать, или отдать. Каждый раз, слыша ее голос в телефоне, мое сердцебиение ускорялось, но это было не от любви, точно не от любви. Какая тут любовь.

Когда ты остаешься один, посреди осени, посреди пустого стадиона, на котором уже много лет никто и ни во что не играл, где трибуны поросли сорняками, где обгорелое

деревянное табло показывает навсегда застывшие О-О, и этот счет напоминает, что сколько бы ты ни нарезал кругов по беговой дорожке, сколько бы обостряющих передач ни отдал в чужую штрафную, от скольких бы подкатов ни ушел удачным финтом, все равно наступит момент, когда придется начинать с нуля, или даже с двух нулей, короче – с центра поля, но понимаешь это, только когда остаешься один, посреди прогрессирующей, как алкоголизм, осени, в начале новой жизни, хотя ты и не собирался ее начинать.

Выбираешься со стадиона, в руке – недопитое вино, вороны смотрят с равнодушием, которое легко принять за презрение, но ты же не будешь обижаться на ворон, ты и так много обижаешься, только на ворон еще не хватало. Долго идешь по проспекту, идешь не спеша, прихлебывая вино, вино не вкусное, но какая разница, широкий проспект, маслянистое небо, редкие, как музейные экспонаты, пассажиры, точнее, пешеходы, я имею в виду, пассажиры, которые ездят в своих троллейбусах и маршрутках, всегда переполненных, а потом быстро перебегают от остановки к остановке, ведь нет таких маршрутов, которые заберут тебя из одного места и доставят в другое, нужное. Тебе, скорее всего, придется еще идти, быть пешеходом, но куда вообще люди ездят этой осенью, разгорающейся, как костер, который никого не согреет.

И каждая клеточка твоего тела хочет какой-то устроенности, приятного покоя, но ты точно знаешь, что покоя не будет, будут проспекты, алкоголь, случайные попутчики, будут расти цены, будет дефицит вина в магазинах и нежности в душе, и если раньше для счастья было достаточно поездки на море, то теперь недостаточно и любви. А еще точно знаешь, что сигареты, алкоголь и друзья существуют примерно для одних и тех же целей – чтобы не бы-

ло так одиноко, чтобы было чем дышать, чтобы кто-то мог сказать... а впрочем, что бы он ни сказал, ты и сам все знаешь, давно и наверняка, но все равно путаешь имена, называя своих теперешних спутниц именами спутниц бывших, причем, даже не своих бывших, от этого вдвойне обидно.

Так вот, ты продолжаешь свой путь, мимо деревьев, на которых еще есть кое-где чудом уцелевшие листья, одинокие, как птицы, почему-то оставшиеся зимовать в городской черте. Идешь навстречу заходящему солнцу – нет смысла, ты к нему приближаешься, оно, тусклое, прячется от тебя за пятиэтажками, которыми заканчивается проспект, как и твоя дорога, и ты увидишь, как расходятся в сторону две улицы, и на какую из них ты свернешь, такой вечер и будет ожидать тебя: еще немного накатишь, еще чуть-чуть побродишь по этой пересеченной местности, может быть, встретишь знакомого, может, кому-нибудь позволишь. Но скорее всего – и я готов спорить, что так и будет – пойдешь в то место, которое сейчас не без усилия называешь домом. Пойдешь, чтобы принять горячий душ и забиться беспокойным и не очень долгим алкогольным сном. А за окном будут пятиэтажки, будут голые деревья, будут голые старухи танцевать с черными псами, водить хороводы, прыгать через костер, орать свои старушечьи песни под расстроенный аккордеон, и только ты проснешься, все это исчезнет, и будет ночь. Одна лишь крошечная ночь.

Глава четвертая

Ее неотправленные письма. История еще одной любви

И вот, она стоит спиной ко мне, в черном платье, перед зеркалом в полный рост, худенькая, уязвимая и сверх меры желанная, и я уже не задаю себе вопросы, как так вышло, что этот человек, эта молодая девушка стала для меня наваждением, ежеминутным непроходящим зудом в сердце и голове, причиной моего стыда, боли, страсти, вдохновения. Так должна случаться любовь. Но что мы можем знать об этом чувстве? Испещренные ежедневными делами-морщинами, изрезанные вдоль-поперек сплетнями об общих знакомых, которые делали тако-о-ое (и наверняка в пьяном виде), мы забываем себя самого, накрываемся толстым пыльным одеялом с головой, теребим мочку уха, что-то слушаем в хитрых наушниках, радио, новости, кома.

Ты приходишь и уходишь, а я сижу в твоей квартире, забыв про все на свете. Ем какие-то сладкие, а иногда кислые яблоки, которыми всегда полна плетеная корзина на подоконнике. Что-то пишу, никогда не перечитывая написанное. Пока есть бензин, надо жать на газ. Когда хочется, ложусь и засыпаю. А потом ты (она, она)... А потом она приходит, и мы без слов занимаемся любовью, в ванной и спальне, на полу и на кровати, ищем губы в темноте (слишком уж сильно пульсирует кровь в венках возле глаз), находим, стараемся быть еще откровеннее, насколько это возможно. Снимаем друг с друга одежду, и если бы это было возможно, то я сняла бы еще и кожу, а впрочем, я чувствую, что давно уже без кожи. Слишком остро все, болезненно-остро, выразительно, как впервые увидеть цвета, и опустошающе.

Утром она собирается, ей надо идти. Она почти каждое утро уходит, заставляя меня грустить и ждать, но ждать больше, чем грустить.

– Я уже начинаю скучать по тебе, – говорит она без выражения в голосе, рассматривая мое отражение в зеркале. – Хочу, чтобы скорее пришел вечер. Чем ты сегодня будешь заниматься?

– Тебя ждать. А что еще? Мне нечего больше делать.

Мы целуемся на прощание, мягкими губами и твердым языком, и она уходит. Чтобы закрыть за ней дверь, нужно пройти через общий коридор, куда выходят еще две квартиры. Мне приходится на цыпочках проследовать за ней. Возможно, кто-то из соседей в это время смотрит на меня через глазок. Я совсем без одежды.

У меня третий день выключен телефон (она может позвонить мне на домашний), в окна вливается солнечный свет, день ясен и прост, и можно было бы пойти бродить по улицам, но мне не хочется никого *случайно встретить*. Моя жизнь превратилась в поле для игры, где нет правил и стратегии, а есть только удача, везение, счастливый случай.

Новая жизнь. Ноль. Старт. Первые шаги.

Кто-то говорил, что человек за жизнь умирает не единожды, до того, как оставить этот мир окончательно. Он перестает быть собой сначала один раз, потом другой, возможно, третий. Он становится кем-то другим. Иногда это случается резко, словно кто-то вырвал и смял лист бумаги, а иногда – накапливается, будто в старую ржавую бочку медленно капает с крыши сточная вода, а затем в один миг, после ливня, переливается через край. И все.

Чувство новой жизни бодрит. Словно заново учишься простым вещам: ровное дыхание, пульс, на «зеленый» иди – на «красный» стой. Выученные ранее уроки не подходят, жизнь оказывается скроенной по другим лекалам. Опыт предыдущий жизни теперь подходит лишь для литературных текстов.

Уходя от него, я не жалела, не разворачивалась, желая вернуться, шаг мой был ровным, дыхание – почти. Волновало меня лишь море разливанное, раскинувшееся передо мной. Я уходила в бездну, в новую страну, без виз и документов, в новые эмоции, чистые, как слезы (интересно, где можно сдать анализ слез?).

И теперь, прожив два месяца по-новому, я могу сказать, что это было легко. Как, проснувшись, выйти на балкон и вдохнуть полной грудью. Флэшбэки еще появляются. Запах знакомый или сон, в котором все, как раньше. Но как раньше уже быть не может. Новой мне два месяца от роду (срок, проведенный в утробе, не в счет). Я уже привыкла к местному климату, к прикосновениям ее губ к моей коже, к температуре ее ладони (всегда чуть прохладнее, чем моя рука). Я теперь другая, и когда в мой следующий день рождения меня будут поздравлять приятели из прошлой жизни, я не смогу, конечно, им сказать – «ребята, меня нет, вы ошиблись номером» – но поздравлять они будут другого человека. Несомненная ошибка.

Теперь все мое время принадлежит мне. Я вольна делать то, что хочу. Уходить и возвращаться, например. Писать книгу, курить сигареты, купаться в мае, учить французский, беременеть от нелюбимых, разбивать тарелки, заказывать самое дорогое блюдо в ресторане, посвящать свои повести кому вздумается, цветными мелками на асфальте ри-

совать, смотреть на медленно садящееся солнце, пить ледяное вино, болеть ангиной, ходить в старых кедах, отключать телефон, не выходить в интернет неделями, отдавать себя полностью и казаться чужой.

Я вырвала с корнем ремень безопасности. И если мой автомобиль не впишется в следующий поворот, я вылечу через лобовое стекло яркой молнией, краткой вспышкой. Полежу на земле немного, встану, отряхнусь, вытру кровь с лица и пойду дальше.

С чего бы начать? В какой точке случилось первое понимание, ответ понимания, ставшее явью видение?

Он сидит передо мной. Муж мой, юный мальчик. Перед ним бокал с темным пивом, передо мной – кофе с молоком.

Подвальное кафе, на экранах – старые клипы. Желание вдруг исчезнуть охватывает меня. Словно большая холодная мертвая рыба обняла тебя липкими плавниками. Мне только исполнилось двадцать с чем-то. Мне больше не хочется праздновать дни рождения.

Он (мой) погружен в себя, серьезный вид, очередная маска. Только что у него прошла выставка, он стал на два сантиметра выше ростом. Подбородок его смотрит вверх, задир. Колочая щетина, что мешает целоваться. Я встаю и выхожу в туалет, чтобы умыться. Холодная вода к коже, сыпь какая-то на подбородке – нездоровье?

Когда я возвращаюсь, он такой же. Ни на миллиметр не изменил выражения лица. Он якобы все понимает. Мне становится скучно, и я предлагаю поехать домой. Он говорит, что хотел бы еще остаться. Мы договариваемся о том, что он останется, а я поеду. Во мне закипает раздражение, сильно-кровавое. Хочется выплеснуться наружу криком, но

я все-таки сдерживаюсь, молодец какая, и выхожу. Не обращиваясь, конечно, потому что знаю, в какой позе он сидит.

Далее – норма. Мы обустройстваемся в жизни, покупаем вещи, привязываем себя друг к другу словами и поступками, нормально, нормально.

Мне приходится повторять себе, что у нас все хорошо, что нужно помогать друг другу, что мы вырастем, что мы вместе, и эта дорога будет долгой. Я питаюсь всем тем, что когда-то влетало в мои уши, что мне приходилось принимать без размышления, как норму, как факт, как *единственно верное*.

Его трудно вывести из себя.

У него нет друзей.

Он знает, чего хочет.

Мне нравится его запах.

Но почему мы вдруг – семья? Он, я – и семья? Слово это – *семья* – похоже на большую подушку. На кухню, пропитанную запахами еды. На полный белый живот. Оно не похоже на мечту, не похоже на закат у моря. Когда он смотрит в мои глаза, он не думает обо мне. О чем угодно, но не обо мне. Словно подключается к моему сердцу через привычный разъем, но «сервер не найден».

Он был третьим мужчиной моим. Взял без боя, потому что я сдалась ему сразу. С ним было легко, как с самим собой. Его присутствие можно было не замечать, но он был, он чувствовался. А если он был не рядом, было дискомфортно, словно не хватает половины пальцев на руках или способности различать цвета. Но я могла слышать биение его сердца, даже находясь в ста километрах от него.

Это было начало – то, что можно определить словами «первое время». Но ведь нельзя было учесть, что каждый из нас будет меняться, постепенно становясь другим человеком. Эти перемены происходили постепенно, едва заметно. В тот момент, когда мы познакомились, в первое время мы без сомнений были двумя половинками одного целого, но, меняясь, мы уходили друг от друга в разные стороны. И если в его мыслях появлялись сомнения, то это значило, что в моих появлялась решительность. Его успокоенность – на мою мятежность. Он подавал надежды, я была никем. И через пять лет оказалось, что рядом со мной находится чужой человек, которого связывает с тем родным и бесконечно дорогим только запах. Запах оставался.

Мы трахались все реже, и делали это будто по рецепту. Половина чайной ложки соли, щепотка черного перца. Чем больше он любит готовить, тем меньше мне хочется есть. В постели нашей нужно было разводить костры, чтобы согреться. Мы отворачивались друг от друга, чтобы заснуть, и нас разделяли леса и высокие горы, рыба в озере, лодка, я уплывала, погружаясь в сон, вдруг слышала его шаги, он шел на кухню – чтобы почитать при ярком свете. Ему не спалось. И я облегченно засыпала в тихом омуте своем.

Но это была уже история, сброшенная одежда, старые файлы. Теперь – повторяю я с гордостью, страстью и волнением – все по-другому. И грудь моя дышит радостно и легко. И хотя, когда в трубке я слышу его голос, мое сердце начинает биться чаще, я не питаю иллюзий: это не любовь, какая уж тут любовь.

И даже если мне не спится по ночам, я не уйду, а лежу и смотрю вверх, но вижу там не потолок и отблеск автомобильных фар – я вижу черное небо и слышу запах прес-

ной воды, и я плыву по реке на лодке, подложив под голову куртку, и мне тепло.

Я просыпаюсь, но снова опускаюсь в вязкую дремоту. Проходит еще час. Снова краткое пробуждение, снова нырок вглубь. Еще полчаса проходит. Я отнимаю голову от подушки и на автопилоте иду в ванную. Струи прохладной воды должны привести меня в чувство. Не сразу, но у них получается.

На мобильном два неотвеченных вызова. Завтракаю кофе, хлебом и сыром. Вчера опять много пил и мало ел. Я вообще как-то *мало ем* в последнее время. Голова гудит, но терпимо. Хочется поделиться с кем-то своими ощущениями, но не с кем. Да и незачем. Три месяца назад моя жизнь изменилась, и я уже привык к этому (три месяца – это много). Ничего страшного не произошло. Я остался собой. Кровь внутри вен также неспешно течет. Желудок переваривает пищу. Глаза способны различать десятки тысяч цветов и оттенков. Растут ногти на руках и ногах.

Сегодня у меня одна или две съемки. Ничего сложного.

До первой съемки около двух часов. Я выбираюсь в город. Звучит так, как будто для того, чтобы выбраться в город, нужно преодолеть полосу препятствий. Нет. Все просто. Одежда, обувь, поворот ключа в замке, поднятая рука, остановившееся такси.

– В центр, – говорю я.

– А куда именно? – уточняет водитель, трогаясь с места.

– Давайте на... Да все равно, в общем. Давайте на проспект Покорителей Космоса. В начало, к площади.

- Хорошо. По счетчику едем?
- Давайте по счетчику.
- Я не спрашиваю, а предупреждаю.
- Как хотите.

Мельтешение за окном старенькой иномарки. Заднее сидение полностью в моем распоряжении. Арендовано. Мы едем. Как же надоел город. Мною на несколько минут овладевает односторонняя городская хандра. Хочется уехать куда-нибудь из этого проклятого места на несколько недель. Куда-нибудь, где нет машин и людей, витрин, киосков, замусоренных площадей и наглых голубей. Куда-нибудь. Я трачу на эти сумрачные фантазии несколько минут. Похмельные мысли дребезжат в пустой голове. Я прикрываю глаза и представляю, как на следующем светофоре в машину с правого бока – там, где я как раз сижу – влетает здоровенный джип. Я чувствую, как мой мозг сотрясается внутри черепной коробки от сильного толчка. Интересно, свет выключится сразу, или это произойдет медленно, как в кинотеатре перед началом сеанса? *Не представляй себе это*, словно говорит внутри меня чей-то голос.

– Приехали.

Я расплачиваюсь и выхожу из машины. Надо выпить. Всего одна порция алкоголя. Например, маленький бокал пива. Или рюмка чего покрепче.

Я захожу в «Базилик» – посетителей практически нет. Хочется курить, но я не курю в последние дни, даже когда пью, даже чужие сигареты. Здесь пахнет освежителями воздуха и свежим кофе. У меня нет предчувствий и вдохновения. Мне хочется позвонить близкому человеку, чтобы спросить, как у него дела, но, перебрав в голове всех, чей но-

мер сейчас можно было бы набрать, я понимаю, что это дурацкая затея.

Я знал, что меня найдут. Придут за мной. Сообщат печальную весть. Что дом мой сгорел. Что *она* исчезла, не оставив ни следа, ни намека, где ее искать. Что в моей крови нашли смертельную болезнь. Что самолет, в котором я летел, разбился. Что мне отныне запрещено видеть сны. Что кровь, следы которой нашли на моей одежде во время обыска, действительно принадлежит погибшей. Что во время прослушивания моего телефона вскрылись факты, кото-
рые...

Они сделают нарочитые, искусственные лица. Выразят дежурные соболезнования, которые они каждый раз вынуждены произносить *по долгу службы*. В общем, они сделают свое дело, а затем вернуться к прежнему – обсуждению вчерашнего ток-шоу, спорам о политике или разговорам о том, на каких заправках лучше заливать бензин. Суровые, крепкие, тертые жизнью мужчины. С их уставшими, но верными женщинами.

А я – останусь. Осознавать эту новость. На крыше недостроенного небоскреба. Глядя не вверх и не вниз, а прямо перед собой. Или в очередном баре за рюмкой, изучая магические знаки на поверхности деревянного стола. Или в общественном транспорте, с любопытством листая оставленную кем-то записную книжку с цитатой (откуда?): «Счастье существует лишь тогда, когда его можно с кем-то разделить».

Недавно умер известный писатель. На крыльце собственного деревенского дома остановилось вдруг сердце.

Об этой смерти я прочитал в его блоге. Первые секунды я сидел, уставившись в экран и пытаюсь понять – как это он умудрился сообщить о своей смерти? *Оттуда*, что ли? Значит, там есть интернет? Уже что-то. Уже какая-то информация.

Но все было проще: спутница жизни умершего писателя знала пароль от его странички. А каково тем, чей пароль не знают? Кто ввел хитрую комбинацию, состоящую из имени киноактера и даты рождения (marlonbrando-15011986)? Последнего сообщения так и не будет. И кто-то так и не узнает, почему пользователь N. перестал вдруг писать свои посты о снах, собаке Чапе и недавно просмотренных фильмах. Отсутствие информации. А может, так даже лучше?

Всеобщее высказывание стало фоном, на котором иногда звучит тишина. Боль стала общим местом. Редкое сердце способно начать быстрее сокращаться, узнав о чьем-нибудь горе. Что меня тронуло в последнее время? Смерть писателя? Сумасшествие друга? Убийство коллеги-журналиста? Просто еще один повод потрепаться за рюмкой коньяка. Наполнить легкие воздухом и медленно его выпустить (это называется вздох).

И вот, в кафе «Базилик» (кондиционированный воздух, кофейный аромат, запах моющего средства), сделав глоток бехеровки с тоником, я поднимаю голову к экрану телевизора и узнаю, что у меня больше нет работы.

В новостях сообщают, что власти закрывают холдинг, в котором я работаю. Показывают мой офис, короткостриженные ребята в пиджаках несут компьютеры, наш всегда улыбчивый пожилой охранник стоит хмурый и растерян-

ный. «...В связи с возбуждением уголовного дела о распространении порнографии, клевете и разжигании межнациональной розни...», «...деятельность изданий, входящих в медиагруппу, приостановлена по решению суда...», «...сотрудниками службы госбезопасности конфискованы центральные блоки компьютеров и серверы на предмет выявления информации, содержащей...», «...правозащитники заявляют о неоправданно жестких мерах...»

Я обращаюсь к бармену и прошу у него сигарету. Достая мобильный, вспомнив о двух пропущенных звонках. Так и есть, звонили с работы. Вот, оказывается, почему.

Набираю номер нашего редактора:

– Але, але, привет! Господи, что у нас там творится?

– Да пиздец творится. В десять утра приехали службисты, менты, каким-то постановлением суда начали тыкать, какое-то уголовное дело возбуждено. С ними журналисты с камерами. И главное улыбаются все. Вынесли компы, ноутбуки.

– И что теперь?

– Да хер знает, приезжай, если хочешь. Будем разбираться.

– Слушай, а как это успело в новости попасть? Всего же только два часа прошло.

– Какие новости?

– Ну, я это только что в новостях видел. По третьему каналу. Оттуда и узнал.

– Значит, попало уже, долго, что ли. Блядь.

– Держитесь там. Я буду.

– Давай.

Отключаюсь. Бармен смотрит на меня с интересом.

– Что-то случилось? – спрашивает.

– Пока не очень понятно. Какой-то наезд на холдинг, в котором я работаю. Вот, по новостям прошло...

– Сочувствую. Сейчас такие времена смутные. Всего можно ожидать.

– Ага. Сколько с меня за питье?

– Карточки нет? Все равно я вам сейчас скидку сделаю.

На работе царил растерянность. Никто не знал, что происходит. Было ясно одно – наезд. Жесткий и, скорее всего, окончательный. Журналисты мрачно курили прямо за своими рабочими местами. Из-под столов безвольно торчали шнуры от монитора, колонок, мыши и клавиатуры.

Хуже всего, что забрали сервер, где хранился весь архив, в том числе – архив фото. Что-то было записано на диски, но далеко не все. Системный администратор, говорили, встал возле «сервака», раскинул в сторону руки и сказал: «Хер вам». Его ударили в лицо и откинули в сторону.

Ясность наступила ближе к вечеру. По версии, которую вскоре все начали считать основной и практически официальной, владельцы нашего холдинга, несмотря на жесткий ультиматум, отказались по дешевке продавать часть своих бизнес-активов людям, близким к Самохвалову. В наказание и для подстраховки была проведена показательная акция. С одной стороны, таким жестким способом посоветовали быть сговорчивее, с другой – закрыли рот издателям, которые могли по команде поднять крик.

Спустя неделю было сообщено, что наш холдинг сменил владельца, и через какое-то время выход изданий будет снова продолжен. Все главные редакторы, заместители и редакторы отделов были уволены. Остальным сотрудникам было предложено остаться на прежних условиях. Через два дня раздумий я написал заявление об увольнении.

Ее неотправленные письма. Мне мало себя самой

ьладфлав йлвалйо

аыловйцлащв

Если несколько раз опустить руки на клавиши (не фортепиано, но ноутбука), могут получиться вот такие сочетания. Я часто так делаю в те минуты, когда вдохновение забывает про меня. А затем смотрю на получившийся результат. Ищу в этих символах знаки и подсказки. Пытаюсь вычлениить из случайного сочетания букв какой-то смысл. Нечто сродни гадания на кофейной гуще. Только там нужно узревать некие рисунки. А здесь – слова. «Лад», «лав», «вал», «лов». То ли детская считалка, то ли заклинание. Но, кажется, пусто. Или все же что-то есть? Ну-ка, ну-ка. Разве что и лав-а и вал – это что-то стихийное, тревожное, смертельное. Огненная лава. Девятый вал. Это не лад. И не лов, то есть – love. Получилось противостояние. Со стороны стихии и огня – лава, вал. Со стороны мира и покоя – лад и любовь. Силы равны. Или лад – это все-таки разлад? Тогда – трое на одного. А если и «лов» – не любовь вовсе, а производное от «ловить», «ловушка»? Выходит, 4-0 в пользу коварства и стихии.

Труднее всего разглядеть что-то в своей душе. Говорят, чужая душа – потемки. А своя? Поди разбери, любишь

ли ты на самом деле, или просто *привык думать, что любишь?*

Самые громкие споры происходят внутри собственной души, в абсолютной тишине. Там же происходят эффектные дуэли, острые пикировки, вызревают и осуществляются акты отмщения, текут реки невидимой крови, и признания в любви звучат громкие, как аплодисменты после блистательной премьеры. Но снаружи – снаружи лишь едва заметные движения глаз под бледной кожей века.

Однажды, когда мне было лет тринадцать или четырнадцать, я медленно шла из школы домой, и в душе моей происходил вот такой же молчаливый спор, даже не спор это был – я напряженно обдумывала одну мысль. Мысль эта была сущей занозой. И как-то все так сложилось в эти дни, и у меня появились поводы не любить себя и быть на себя в обиде, и кто-то, кто был мне дорог, показал мне свое равнодушие, и все сошлось одно к другому. Я шла и чувствовала боль где-то под ребрами, с правой стороны, и я даже подумала – может быть, там помещается душа? Душа болела, но мысль не уходила. А думала я о том, зачем мне жить. И стоит ли продолжать все это? И не лучше ли взять и закончить? Не назло кому-то, а потому что все сошлось в эти дни, да и небо было хмурое.

И я загадала себе: если сейчас Бог даст мне знак, если, пока я буду медленно брести домой, случится что-то необычное, то это будет значить, что я нужна Ему. И я буду жить. Буду жить долго и буду счастливой. А если ничего не произойдет, если не случится ничего, если я просто дойду до дома, то все возьму и решу в этот же день, не откладывая. Пожалуй, я подумала обо всем этом несколько в других словах, но суть была та – я заключила пари. И становится немножко не по себе оттого, с кем именно я поспорила на свою жизнь.

И вот только я мысленно проговорила про себя условия спора, только пожала невидимую руку и сама же разбила это рукопожатие – в это же самое мгновение из-за угла вышла толпа людей, одетых в золотые комбинезоны.

«А Ты существуешь», – вот что подумала я, глядя на *знак сверху*. Чудо оставалось чудом еще минуту. Когда я зашла за угол, то обнаружила, что здесь снимают кино. Я стояла и плялилась на золотых людях, пока кто-то из съемочной группы не попросил меня «отойти и встать вон туда, если вам уж так хочется посмотреть». Я кивнула и послушно отошла. Мне стало легко и хорошо. Я буду жить долго и буду счастливой...

Правда открывается постепенно, не сразу и не вся. До всего доходишь своим умом, черпая мудрость из вещества жизни. Разветвленные сети знакомых и друзей, скелеты в шкафу, чужие измены, о которых ты из чувства такта предпочитаешь молчать. Свои поступки, которых лучше бы не совершать.

Однажды, когда муж уехал по работе в другой город, я выбралась выпить по коктейлю с приятельницей, с которой мы когда-то хорошо дружили и часто виделись, но вскоре без всякой на то причины отдалились друг от друга, общались изредка и без особого вдохновения (даже на обычный разговор нужно вдохновение).

Был ранний вечер, народ постепенно заканчивал дневные дела, стекался в кафе, падал облегченно и радостно в мягкие кресла. Заказывал еду и напитки. Трезвонили мобильные телефоны, парочки обнимали друг друга за плечи, и грустные лица были, и радостные, и ожидающие чего-то, и дождавшиеся. Мне было одиноко, несмотря на то, что я была не одна. Я выпила две порции мартини с оливкой и лимоном, слегка опьянела, зато и грусть улетучилась.

Приятельница рассказывала, как ездила отдыхать в экзотическую страну, название которой она произносила с ошибкой, как прыгала там с парашютом и осваивала вейк-бординг. Сообщала, что вместе с парнем они воспользовались услугами местной проститутки, «очень молоденькой», и о том, как она «совсем не ревновала, а наоборот – возбуждалась и хотела, чтобы все это продолжалось и продолжалось».

Я слушала все это вполуха, впрочем, делая заинтересованный вид. И в этот же вечер изменила мужу. Изменила с его знакомым. Тем журналистом, которого спустя пару лет найдут в собственном подъезде с проломленной головой. Случайная встреча, еще мартини, два шота, покачивание на волнах, странное замирание внутри, страх и стыд, и возбуждение, вдохновенный разговор, его неожиданно нежные руки и пронзительный, горячий, волчий взгляд. Мы оказываемся в его квартире, практически пустой, лишь набор самого необходимого, но дорогого. Бар, впрочем, есть. Виски? Да, пожалуй. Лед? Непременно. Стук льдинок о край стакана. Глубокий медленный холодный поцелуй. Одежда уже на полу. Он разворачивает меня лицом к стене, прижимается ко мне сзади, остро-твердо, как теплый камень, дальше уже что-то бесчеловечное, от роботов и механизмов, отстраненное и простое. Словно необходимость завершить начатое. Что у меня в голове? Все то же покачивание на волнах, только меняющее ритм в зависимости от его движений. И все длится, длится. Уже не у стены вовсе. Чувствую запах его тела. И постель не свежая, кажется. Он держит меня за горло, пленительная уязвимость, рабская покорность. И что мне сделать, чтобы все это поскорее закончилось? Дальше извиняющаяся улыбка, такси по вызову, одежду натянула. Дома – контрастный душ, чтобы избавиться от всех мыслей, от нестерпимо горячей до обжигающе холодной грани. Смыть с себя все. Липовый чай с медом, чтобы просто ус-

покоиться и заснуть. Постель меняю на свежую: белая простыня, белый пододеяльник, белые наволочки. Цвет невинности, отсутствия порока. Все будет по-прежнему, говорю я себе, засыпая. Да и он не написал мне за вечер ни одной SMS. «Так тебе и надо», – подумала я. Подумала и снова раскаялась.

Он ничего не узнал и ни о чем не догадался. И даже не почувствовал что-то толстой своей кожей. А я – я всегда чувствовала. Даже когда не было ни единого здорового намека на то, что, возможно, он сейчас с кем-то другим, возможно, изменяет мне, может быть, даже просто мечтая о ком-то. Я это чувствовала внутренней поверхностью кожи, словно изнанкой своей. Ни с того ни с сего бралось это *волнение*, ложное ли, правильное ли. До привкуса горечи во рту. А потом точно так же проходило. Что это было? Есть вещи, которые лучше не узнавать. Слишком они влияют на ход событий. Даже на расположение предметов в квартире. Умение забывать – возможно, лучшее из человеческих качеств.

А Липа, Липа... Но она была уже после. После того, как сердце мое перестало чувствовать эти странные рывки-позывы. После того, как он стал чужим. Ходит по квартире, по нашему жилью, в трусах или в полотенце. Подходит ко мне сзади вдруг, приобнимает, целует в шею каким-то обязательным, что ли, поцелуем и уходит куда-то собираться. Чужие, чужие люди в маленькой квартире в большом городе. Случались и вспышки страсти, необязательные, будто случайные. Словно исход войны уже предreshен, но кое-где еще проходят локальные сражения.

И вот когда стало ясно, что страница уже перевернулась, как с неба свалилась, расплескав себя всю, Липа. То есть она была раньше, конечно. Но – просто хорошая знакомая, подруга. Бывшая жена поехавшего крышей приятеля.

ля мужа (есть муж, у мужа – приятель, у этого приятеля поехала крыша, так вот Липа – его бывшая жена). Встречались мы выпить вместе кофе или составляли друг другу компанию во время походов по магазинам. И было нам вместе уютно и легко, как, наверное, всем и всегда легко и уютно с Липой.

– Ты знаешь, – сказала мне как-то она, – от тебя такое тепло исходит и нежность такая, что в этом излучении твоём можно просто греться и душу лечить. Никогда не встречала таких людей...

– Да брось ты.

– Серьезно. Ты необычный человек, и... Можно я сделаю откровенное предположение? Мне кажется, сексуальности твоей и ласки больше, чем ты можешь потратить. Может, от этого и есть это электричество?

– Если...

– Постой, не перебивай. Я знаю, каково это жить с человеком, который уже тебя не вдохновляет. Который, наоборот, мешает тебе дальше идти. Таких людей надо уметь оставлять в прошлом. И лучше делать это быстро – от этого всем легче. Конечно, если у вас уже дети есть или бизнес общий... Но все равно. Каждый человек должен быть самодостаточной боевой единицей. Нет половинок, есть цельность.

Липа взяла меня за руку.

– Я вижу, что тебе тяжело. Ты привыкла все держать в себе. Но ты можешь меня не бояться. Я на твоей стороне. Понимаешь, то, через что прошла я... Для кого-то это было бы поводом угробить свою жизнь. Но фишка в том, что с ума сходят все – только очень медленно и незаметно, так, что

твои близкие успевают привыкнуть к этим изменениям и начинают считать их нормой. Каждый – единица. Понимаешь? А ты, ты – волшебная просто, и в тебе есть столько сил и энергии, столько сексуальности, очарования, что тебе все, все по плечу.

Она растрогала меня своей заботой, своим искренним участием, мне захотелось поделиться с ней, и откровения сами полились, я рассказала и про наши ссоры с ним, на пустом месте или по какому-то более-менее обоснованному поводу, и о том, что кажется мне в нем несносным, и дальше, дальше, словно пытаюсь выговорить все наболевшее-намолчавшее. И понимая, что, может, не надо этого делать, что «сор из избы», что все сказанное тобой однажды используют против тебя, но я не могла уже остановиться.

– Я знаю, что я больше, чем та, кто я есть сейчас, – говорила я ей. – Мне мало себя настоящей. И я верю, что могу измениться, смогу стать кем-то еще. Если мне захочется уехать на другой конец света, я хочу, чтобы рядом со мной был человек, который скажет: «Давай сделаем это. Я тоже мечтаю об этом». Но я не хочу, чтобы человек, который рядом со мной, отговаривал меня, выставляя мои мечты на посмеище. Мне больно от этого.

Липа слушала, кивала головой, *проявляла участие*. Она не пыталась успокоить, отвлечь, дать совет или перевести разговор на другую тему, как делал бы муж. Она дала мне выговориться, и после этого разговора, как после исповеди, я перестала чувствовать себя несчастной (а ведь чувствовала же).

Постепенно мы сблизились, и однажды, когда я была у нее в гостях, Липа наклонилась ко мне, чтобы поцеловать, и я ответила ей. Что это было? У меня есть ответ на этот во-

прос. Это была *близость*. В тот вечер я обрела родного человека.

Оказалось, что нет разницы между мужчиной и женщиной, если есть *близость*. Родной человек не имеет пола, возраста. Он имеет только запах, дыхание, энергию. Мы занимались любовью и не могли насытиться, хотя был и стыд, и чувство страха, но все проходило, все плохое оставалось за спиной, она ласкала меня, и я дарила ей свои ласки, и незаметно, незаметно затягивались душевные раны.

... Не все нужно отдавать бумаге. Нельзя рассказывать свою жизнь, притворяясь, что это литература. Все самое главное должно быть вписано аккуратно между строк, в волнующей пустоте. Посему лучшее, что я могу сделать с этим *письмом*, – сжечь его. Выделить текст и нажать «delete». И я сделаю так. Перечитаю написанное еще раз, исправлю ошибки, добавлю пропущенные запятые, а после уничтожу все следы.

Фотографам проще, чем писателям или режиссерам. Им не нужно выдумывать реальность и даже не нужно ее воссоздавать. Реальность все выдумывает за них. У каждого писателя руки по локоть в крови. Каждый режиссер – серийный убийца. Это только кажется, что их руки обагрены не кровью, а краской. Посмотрите в их безумные глаза. Вы не увидите там покоя. Вы увидите жажду крови, теплой настоящей. Увидите огромных красных муравьев, стаю одичавших собак, голодных хищных зверей.

Они мстят реальности, мстят за каждую обиду, каждый ироничный взгляд, брошенный в их сторону – именно поэтому они тщательно воссоздают макеты городов и раз-

носят их в щепки или сжигают дотла. Продумывают до деталей образы людей – и не оставляют от них даже мокрого места. Если хотите придумать, как развязать очередную войну, обратитесь к ним за советом. У этих ребят не один камень за пазухой. Они умеют придумывать боль.

Но не надо думать, что мы, фотографы, такие уж невинные ребята. Каждый раз, видя, как в небе летит самолет, я почти мечтаю о том, как он рухнет на город, а я – я сделаю лучшие свои кадры. Но самолеты – к счастью – падают и разбиваются только в моих снах. И в каждом из этих повторяющихся сновидений у меня под рукой не оказывается камеры. Режиссер моих снов издевается надо мной, зная, чего именно я боюсь больше всего на свете.

Кем бы мы были, думаю я, если бы наша жизнь шла без боли и потрясений? Что бы мы представляли из себя, если бы нас не бросали наши женщины, не предавали друзья? Откуда бы мы брали силы для того, чтобы двигаться вперед? Что вдохновляло бы нас? На какой почве прогрессировал бы наш талант? Какие сны снились бы нам, безгрешным и счастливым? У Достоевского в рассказе «Сон смешного человека» описано общество людей, живущее в безграничной любви и доброте, в благе и неге. Они не знают пороков, не знают ревности, измены, их старики умирают, окруженные любящими детьми своими. Но герой, попавший вдруг в это общество из общества нашего, искаженного, дурного и злого, умудряется в одиночку все испортить. Постепенно в этом раю на земле появляется и обида, и боль, и несправедливость, и насильственная смерть, и война. Правые желают уничтожить неправых, верные жаждут гибели неверных. И понять, кто тут прав, а кто нет, невозможно, и исправить все это уже никак нельзя.

Это был лишь сон, вся история про рай приснилась герою рассказа, когда он уснул прямо в кресле в грязной

своей съемной комнате, где есть только «клеенчатый диван, стол, на котором книги, два стула и покойное кресло, старое-престарое, но зато вольтеровское». Проснувшись, он понимает, что «узрел истину» и решает проповедовать, рассказывать людям о рае том, не боясь насмешек над собой. Все, что нужно, чтобы рай этот настал на земле – «люби других как себя». «Если только все захотят, то сейчас все устроится», – говорит смешной человек, герой рассказа.

Кажется, в возможность того, что «все устроится», краем души своей верит и сам писатель. Наивность не глупость, и вера – не повод для смеха. Ему простительно. Автор этого рассказа умер, не узнав, на какую ненависть еще способно человечество. Он не знал, какие устройства люди изобретут для уничтожения себе подобных, не знал, как будут сжигать тысячами друг друга в печах, как будут смотреть на это равнодушно и безразлично.

Сегодня верить в рай может только сумасшедший. Даже в тот рай, который будет после. Нельзя идти босиком по асфальту и не запачкать ступней. Вовремя отворачиваться – не значит не видеть.

Но я, например, верю. Ведь малого достаточно – «любить других как себя». Возможно, я сумасшедший?

Мама сумасшедшего моего приятеля сидит на табуретке, плачет и сжимает в руках платок. За окном вечер. Она сделала мне чай, и я жду, пока он остынет.

– Это хорошо, что ты пришел, – говорит она. – Ты ведь был единственный, с кем он общался. Поддерживал его...

– Когда он исчез? – спрашиваю я. Хочется занять чем-то руки, но я не решаюсь взять в руки чашку с отбитой ручкой.

– Уже три дня. Такого не было раньше. Я вернулась с работы, его дома нет. Я сразу заволновалась. Материнское сердце чувствует. Поняла: случилось что-то. Не просто так его нет. Я обзвонила все места, где он мог быть. Доктору его звонила, всем родственникам. Вот тебе позволила...

– Три дня – это еще не так много. Это не повод отчаиваться, – я медленно подбираю слова, стараясь обнадежить женщину и вместе с тем не сказать лишнего. – Вы сами знаете, он был немного... со странностями. Может быть, ему какая-то в голову идея пришла. И он увлекся.

– Ах, если бы это было так... Только беспокойно мне. Очень беспокойно. Он ведь ушел, вообще все оставил. Мобильный телефон оставил, ключи, кошелек с деньгами. Душа болит.

Она переводит взгляд со своих рук и начинает смотреть в темное окно. Веко на правом глазу непроизвольно подергивается, рот чуть приоткрыт, и нижняя губа дрожит. Ей немногим больше пятидесяти, но выглядит она сейчас, как старуха. Мне самому становится не по себе (тревога, посасывание под ложечкой, желание уйти прочь). Я все-таки решаюсь сделать глоток чая, но чашка обжигает пальцы, и я ставлю ее обратно на стол.

– В милицию вы звонили?

– А? Милиция? Звонила. Они мне сказали, что начнут его искать только через две недели после исчезновения. Сказали, что у них таких исчезнувших – каждый второй случай. Сами, мол, находят потом.

– А вы ничего странного... ну, чего-то необычного не было? В его словах, в поведении? Что он делал вообще в последнее время?

– Да не знаю я, что он делал. Я днями на работе. Мы виделись только утром, когда я на работу шла, и вечером, перед сном. Он рано просыпался. Делал мне завтрак. Кофе варил. А вечером – мы телевизор вместе смотрели, или он в своей комнате сидел, книжки читал.

– Можно я посмотрю его комнату?

– Конечно, посмотри.

Я прохожу в комнату. С тех пор, как я был здесь последний раз, несколько месяцев назад, ничего особенно не изменилось. Хотя чего-то не хватает. На кофейном столике возле кровати лежат книжки. Верхняя книга лежит обложкой вниз. Я переворачиваю. Двенадцатый том собрания сочинений Достоевского. Закладка – просроченный проездной на метро – лежит на рассказе «Сон смешного человека». Меня передергивает. Этот рассказ я прочитал несколько дней назад. Интересно, мог ли он решиться на какой-то поступок, вдохновившись прочтенным рассказом? Хотя, стоп, закладка лежит именно на первой странице этого рассказа. То есть, скорее всего, он его даже не прочитал...

– Ой, я совсем забыла, мне нужно к соседке сходить, укол ей сделать, – вдруг сообщает его мать. – Вы побудете здесь пока? Извините, ради бога, это минут на десять, не больше.

– Хорошо, побуду, – киваю я, хотя мне совершенно не хочется оставаться одному в этой квартире.

– Я закрою вас, чтоб не беспокоить потом, не звонить, – говорит женщина, уже закрывая дверь за собой. Я слышу, как в замке поворачивается ключ.

С минуту я стою посреди коридора, прислушиваясь к звукам. Но – ничего необычного. Я прохожу в зал, нахожу

пульт (он лежит на диване) и включаю телевизор. Но по всем каналам черно-белая рябь. Видимо, что-то случилось с антенной.

Снова возвращаюсь в комнату моего приятеля. Может быть, он вел какой-то дневник? Записывал же он куда-то свои мысли? И тут я понимаю, что именно мне показалось странным в его комнате. Здесь не было его ноутбука. В прошлый раз он точно был. Я борюсь с желанием порыться в его вещах, поискать *что-то*, но именно потому, что я не знаю, чего мне искать, я отказываюсь от этой затеи.

Вскоре его мать возвращается. Она вроде немного успокоилась. По крайней мере, глаз, кажется, перестал дергаться. Я спрашиваю у нее про ноутбук.

– Да, он продал его пару недель назад. Дал объявление в газету и продал. Он сказал мне, что у него глаза сильно болели от компьютера.

– А эти деньги? Которые он выручил за компьютер. Где они?

– Ох, а я даже не подумала. Не знаю. Может быть, он с собой забрал.

– Ну, хорошо, если так. Значит, у него появился какой-то план. Думаю, скоро мы услышим от него вести.

Попрощавшись с женщиной, еще раз произношу какие-то успокоительные слова (это очень трудно – успокаивать) и выхожу на воздух. На какое-то время я совершенно теряюсь – а в какую сторону мне идти? Откуда я пришел сюда? Как мне добраться домой? У меня кружится голова, и я опускаюсь на скамейку.

В кафе «Последний герой» шум, гам и ор. Видимо, сегодня пятница. Я присаживаюсь за барной стойкой, потому что все столики заняты, да и неудобно как-то сидеть за столиком в одиночестве. Бармен кивает мне. Я не был здесь с того самого эпизода с дракой. До этого, впрочем, я тоже тут часто не бывал – один или два раза. Я заказываю сто граммов коньяка «Граф Высоцкий». В момент, когда я подношу к губам фужер, чья-то рука опускается на мое плечо. Я спокойно делаю глоток и только затем медленно оборачиваюсь.

– Ты? – вопрошает меня двухметровый толстяк, в котором я с трудом узнаю приятеля своей юности по прозвищу Сэмыч. На его лице расплзается широкая пьяная улыбка. – Ну, дела! Сто лет тебя не видел! Мать твою!

Он обнимает меня своими здоровенными ручищами. Мне остается только обнять его в ответ и похлопать по спине.

– Сейчас выпьем за встречу! – он идет к своему столику (там сидит компания крепких ребят с блестящими от алкоголя глазами), наливает себе из графина водки и возвращается ко мне с рюмкой в руке. – Что пьешь? Конина? Норма-а-ас. Давай! Только до дна.

Я не успеваю еще сказать ни слова, но покорно выпиваю вместе с ним до дна. Сэмыч взбирается на соседний стул.

– Начальник, шеф! Братка! – окрикивает он бармена. – Начисли мне еще водочки, а ему коньяка сотку.

Он переводит на меня свой осоловелый взгляд.

– Ну, так что, слышал, ты модный фотограф стал? Моделей небось поебываешь, да? Га-га-га!

– Ты знаешь, у меня последняя съемка была в море. Там модели какие-то, как тебе сказать, без огонька, без искорки...

– Га-га-га! В море! – гогочет Сэмыч. – Ты с этим заканчивай. Нужно красоту снимать. Баб голых. Море там.. Что вообще? Как жизнь-то?

– Да помаленьку, – отвечаю. – Где-то убыло, где-то прибыло. Сам знаешь. Ты-то как? Ты изменился с нашей последней встречи, возмужал!

– Так водку каждый день пить да мясо жрать! Люблю я это дело. Не, я нормально, не думай. Закрутили с парнягами тему одну. Батя помог кое-что там на начальном этапе разрулить. Ничего, кручусь потиху. Там капнет, здесь. Главное вовремя лукошко подставлять. Как в игре детской «Ну, погоди!», где волк яйца ловил, помнишь такую? Ну вот... А ты всегда был мечтатель. Я тебе сейчас честно скажу: ты мне тогда не очень нравился. Мне казалось, что ты про всех всякое говно думаешь, а в глаза никогда не скажешь. Но время-то прошло, все меняемся. Ты не женился, не?

– Не, – отвечаю, – нахера торопиться?

– Правильно! Вот правильно! А я вот женился год назад. Нормальная баба вроде, но как начнет что-то пиздеть, уже не остановить. Думаю, помалкивала бы ты лучше, дура, аппетит не портила. Тем более, сильно умной ее не назову, начитанная – да, фильмы смотрит, хитрость бабская есть. Но вообще я тебе вот что скажу. Главное в бабе две вещи. Знаешь, какие?

– Сиськи и жопа?

– Да не, – вдруг стал серьезным он. – Какие сиськи? Я про другое. Главное – чтоб она спокойная была. И верная.

Если любит истерики позакатывать – сразу нахуй. А если глазки твоим друзьям за спиной твоей строит – то вообще. Не только нахуй, но и пару раз по ушам въехать не грех. Хотя баб бить, конечно, себе дороже. Давай еще вмажем? С тебя тост.

– Ну, раз за встречу мы выпили, давай за нашу юность.

– А че за нее пить? Она же у нас в самом разгаре, га-га-га! Давай: за нежный возраст!

Я наблюдаю за тем, как Сэмыч с размахом вливает в себя рюмку, уже, наверное, пятнадцатую за вечер. Делаю глоток и я. Право вести разговор я оставляю за собеседником. Интересно, о чем он сейчас продолжит беседу?

– Худой ты какой-то, бледный, – замечает он, внимательно меня оглядев. – Или тут свет так падает? Что-то, брат, со здоровьем?

– Да не, со здоровьем нормально, – отвечаю. – Конституция у меня такая.

– А, конституция! Кстати, ты в курсе, что Самохвалов собирается конституцию менять? Хочет убрать пункт о том, что парламент может отправить премьер-министра в отставку. Вот это люди работают, я понимаю. Широко!

«Отстал от жизни, – думаю я. – Эту новость даже не слышал».

– А как менять-то? – спрашиваю я.

– Или референдум, или три четверти голосов в парламенте нужно. Но, думаю, вопрос решенный. Если эти ребята чего-то хотят... Молодцы! Мне нравится Самохвалов.

– Чем же он тебе нравится?

– Хватка у него. И чутье звериное. Крепкий мужик. Видно, что слов на ветер не бросает. Да и сейчас хорошее время, я считаю. Пока они будут там, наверху, свои вопросы разруливать – ну, заводы делить, врагов в тюрьмы сажать, всяким несогласным рты закрывать – нам, мелким сошкам, никто мешать не будет. И свой бабос мы успеем настучать. А потом можно и за границу сваливать. Золотое время, я тебе говорю!

– А что за бизнес у тебя? Я что-то не разобрал.

– Да по мелочи, туда-сюда. Купи-продай. Га-га-га!

– Молодец, – говорю. – Похвальный оптимизм. Не пропадешь.

– Да ты тоже, вроде, парень не промах. Я тебе вот что скажу. Скулят и жалуются только лохи. Да, у тебя может что-то не получаться. Москва, блядь, не сразу строилась. Но скулить ты не имеешь права. Ты должен вперед хуячить. По прямой.

– Мне нравится твоя философия, – замечаю я.

– Да какая там философия! Простые слова. У человека должны быть принципы. Набор аргументов на все случаи жизни. Я немного пьяный сейчас, может, этот базар и глупо выглядит, но мне тебе хочется рассказать. Мы когда вместе тогда тусовались, ну не часто, но бывало, да? Так вот, у меня всегда были какие-то комплексы. Что, типа, у всех уже какая-то... эта... целе-у-стрем-лен-ность. Ты, вот, с фотиком своим всегда ходил, Дэн по музыке зависал, пластинки свои крутил, Серега сайты клепал, короче, все при деле были. А я только шароебился и деньги отцовские пропивал. Ну, учеба, да, но это, сам знаешь – занес во время сессии пару сотен в деканат, и вся учеба. Ни черта не помню за все пять курсов. Но потом я как-то понял, что не обя-

зательно, это, стремиться, там. Надо иногда просто брать и доить. Вот так руки протянул и взял. Усек?

– Да, Сэмыч, примерно понял.

– «Сэмыч», блин. Классно! Меня так уже давно не называли. Аж смешно. Погремуха забавная у меня была все-таки.

– А сейчас тебя как называют?

– Как? По имени. Или по имени-отчеству. В зависимости.

– А я даже забыл, как тебя по имени зовут.

– Не знаешь? Георгий меня зовут.

– Ништяк, Георгий, – говорю. – Приятно было встретиться.

Я допиваю коньяк, киваю бармену и оставляю на стойке несколько купюр.

– Уходишь? – спрашивает Сэмыч. – Может, с нами посидишь? Ребята хорошие, мы отдыхаем, Славик проставляется. Познакомить? Ну, как хочешь. Давай, запиши мой номер на всякий. Мало ли что.

«Как некоторые люди умеют по ушам ездить, – думаю я, уже шагая по улице. – Не видит человека пять лет, встречается и начинает с ходу какую-то байду вешать. Про жену, про принципы. И братом назовет, и за стол пригласит, хотя это Славик выставляется. Счастливые увальни без комплексов».

Добираюсь до родных пенатов на маршрутке, но понимаю, что идти домой не хочется. Решаю заглянуть на рюмку

в «Ностальжи», где мы сидели однажды с убитым журналом. Там, как обычно, накурено и многолюдно, несмотря на позднее время. (Какой же сегодня день?) И шмотки будут потом обязательно вонять чужими сигаретами... Уже начинаю жалеть, что пришел сюда, но не идти же обратно. Да и что дома делать?

Заказываю коньяку и горячую закуску. Немая досада охватывает меня.

По телевизору идет футбол, и я на некоторое время «залипаю», глядя, как носятся по экрану человечки в странной форме. Судя по лицам игроков и стадиону, это какая-то азиатская лига. Нашли, что показывать.

Но, слава богу, мне быстро приносят коньяк, и я тяну его маленькими глотками, не чувствуя вкуса. С таким же эффектом я мог бы пить спирт, разбавленный чаем. Или подкрашенную красителем водку. Мое опьяневшее сознание, настойчиво блуждая по своим закоулкам, словно натывается на что-то: *вкус!* У каждого момента жизни есть вкус, горьковатый, приторный или нежно-сладкий, но он определенно есть. Вялое беспокойство, переполняющее меня в последние дни, начинает играть новым оттенком. Я словно пытаюсь нащупать нить какой-то мысли, какое-то новое знание, но озарение так и не приходит.

Я снова поднимаю взгляд на монитор, но картинка уже изменилась. Вместо футбола я вижу рябь, что-то расплывчатое, но постепенно резкость появляется, и перед моими глазами предстает моя жена, только совсем юная, словно ее снимали в то время, когда мы только-только познакомились. Она смотрит на меня с экрана большими своими глазищами, словно в удивлении раскрытыми, и шевелит губами, произнося отдельные слова. Слов, впрочем, не разобрать. Хотя нет, я угадываю по движению губ слово

«люблю». Картинка меняется, и я снова вижу ее, но уже другую, с другой прической и с иным выражением таких ищущих живых глаз – это было снято, кажется, годом позже. Она гуляет по парку, время от времени бросая на меня спокойный, полный уюта и нежности взгляд. И снова – смена плана – море, бесконечно-сумбурное, плеск волн, ее не видно, она где-то там, в воде, заплыла за буйки. Я начинаю волноваться, хотя точно знаю, что тогда все закончилось хорошо. Мы поднялись на гору, нашли уединенное местечко и занимались любовью, мокрые и счастливые. И дальше – уже не разобрать, на ускоренной прокрутке проматываются счастливые и горькие, обыкновенные, неясно кем и когда снятые мгновения нашей жизни. Искаженное лицо, все так же зачем-то красивое в минутной злости. Она кричит на меня, прямо в лицо, не жалея обидных, тяжелых слов (и откуда они всегда берутся в эти минуты?). Я вижу ее спящей, со сморщенным носиком, выходящей из душа, поющей что-то в расческу как в микрофон, взгляд жадный, ищущий, горький, упрекающий, хмурый, утро, она у плиты готовит нам завтрак, что-то увлеченно рассказывает мне, и вот мы за столом, погружаем одновременно вилки и ножи во что-то аппетитное на наших тарелках, и снова рябь пробегает по экрану, теряется резкость, картинка размывается, и экран гаснет, я смагиваю набежавшие слезы, и вижу, как футболисты с раскосыми глазами возбужденно бегут поздравлять своего одноклубника с забитым голом.

Болезненная, глубинная нежность переполняет меня. Невостребованная, она киснет, как молоко. Мне хочется позвонить ей или хотя бы написать сообщение, но все-таки я нахожу в себе силы не делать этого.

Утром я вспоминаю, что уже несколько дней не проверял электронную почту. Но, включив ноутбук, обнаруживаю, что интернет дома отключен за неуплату. Может, и к лучшему?

На меня вновь тяжким грузом наваливается вся нелепая суета последних дней, но я заставляю себя одеться и что-то предпринять. Обзвонить знакомых, поспрашивать насчет работы? Пригласить кого-нибудь на чашку кофе? Но мне не очень хочется разговоров. Вчера в опьянении родилась ясная мысль: хватит жить той жизнью, ее больше нет. А вопрос, *что же тогда есть*, я стараюсь себе не задавать.

Я принимаю душ, завтракаю, одеваюсь и, поразмышляв, засовываю в сумку ноутбук, а саму сумку вешаю на плечо.

И хотя свежий воздух будто бы придает каждому из моих шагов смысл, я все равно не могу избавиться от сосущего под ложечкой чувства, вернее, предчувствия, что то самое новое знание, ниточку от которого я так безуспешно ловил вчера в сумраке накуренного кабака, вот-вот откроется мне.

Бармен в кафе «Базилик» узнает меня и приветствует дружеской улыбкой.

– Как у вас на работе? – спрашивает он.

– Не знаю, я оттуда уволился. Странно, что вы запомнили...

– У меня хорошая память на лица. И, кстати, если вам нужна работа... Нам нужен бармен. У вас случайно нет опыта?

– Нет, у меня нет опыта, хотя... Хм... Вы меня озадачили... Я подумую.

– Да, если что... Вот, наша визитка.

И он улыбается мне странной, чуть приторной и долгой улыбкой. «Педик», – догадываюсь я.

Я заказываю воду и завтрак (глазунья, листья салата, ветчина, сыр, тосты, кофе). Достаю из сумки ноутбук и, пока он загружается, смотрю в окно. «Сеть Wi-Fi найдена», – сообщает мой надежный друг. «Спасибо, – мысленно благодарю его я. – Кем бы были без наших ноутбуков? Немые, зависимые, неинтересные люди».

В почте несколько непрочитанных сообщений. Одно из них – я словно чувствовал это – от моего сумасшедшего друга. Я нажимаю на «тему письма», и текст проступает передо мной, но не сразу, а так, будто строчки были написаны жирным молоком на плотной бумаге.

«Привет, друг!

Я нахожусь в месте, которое много раз являлось мне во сне. Сперва я думал, что этого места нет на самом деле, что это всего лишь игра моего разума, но сон приходил снова и снова, и, в конце концов, я поверил, что это место существует в действительности, что оно *где-то находится*.

Что это за место? Ничего сверхобычного. Это поселок, в котором теперь никто не живет. Несколько улиц с частными домами, клуб с библиотекой, школа, двухэтажное здание местного самоуправления. В центре (если считать таковым пустую клумбу с черной, густой землей и облупившуюся скульптурную композицию) стоят в ряд три четырехэтажных блочных дома, которые на наших территориях

обычно называют «хрущевками». Но теперь тут нет людей. Хотя все не выглядит таким уж заброшенным, и складывается ощущение, что люди покинули это место совсем недавно.

Сны о *месте* начали являться мне около года назад. Мне снилось, будто я гуляю по поселку, словно в поисках чего-то, хожу от одного двора к другому и о чем-то беседую с *местными* жителями. Да-да, в моих снах здесь были люди, которые жили здесь, правда, я не помню никого из них в лицо. Я специально пытался сохранить в памяти их черты и протащить воспоминания из сна в реальность, но у меня ничего не вышло. Возможно, у них и вовсе не было лиц. Или были, но одинаково-схематичные, как в компьютерных играх, и именно поэтому, за ненужностью, моя память не могла их зафиксировать.

Эти люди, с которыми я общался, были *старыми*. Но в разговоре со мной каждый из них представлял еще молодым. Попробую объяснить. В той сновидческой реальности, что представляла перед моим взором, я общался с пожилыми людьми, им всем было больше семидесяти лет, и я знал это, но во время нашего разговора передо мной стояли они же, но в прошлом, еще молодые, полные сил и надежд. Я знал, что каждый из них уже прожил серьезную, наверняка трудную жизнь, и они это знали, но происходило *замещение*, словно я общался с их воспоминаниями о себе в прошлом, с той картинкой, которую они воображали, когда вспоминали себя в молодости. И вот эти люди из прошлого, прожившие несколько жизней за одну (как проживает обычно каждый из нас), пережившие множество потерь, смертей, потрясений, испытывавшие счастье и радость, вдохновение и удачу, возвращались к себе прежним, еще не испытывшим, но уже предчувствовавшим эти испытания.

Во сне я что-то искал в этом месте. Скорее всего, это *что-то* – не конкретная вещь, а нечто абстрактное. Ответ на вопрос, который я хотел задать каждому из своих собеседников, но, кажется, так и не решился это сделать. Поэтому получалось, что мы говорили о чем-то малозначащем и неважном – погода, урожаи, последние поселковые сплетни. Каждый из них мог поделиться со мной своим опытом, некой сердцевинкой знания, эпицентром чувства, но для того, чтобы получить ответ, я должен был правильно сформулировать и задать вопрос. И, видимо, я не был на это способен.

Кто эти люди, и почему они исчезли из этого места?

Однажды утром, после очередного сна, я решил, что мне необходимо найти это место. И это решение придало мне уверенности и сил, хотя я вполне осознавал абсурдность своих намерений. Понимал, что это, по меньшей мере, странно – пытаться найти в действительности место, которое привиделось мне во сне.

Но мне нужно было действовать. Первым делом я написал на бумаге все, что мне известно: имеется поселок, существует вопрос, ответ на который знают в этом поселке, и есть причины для стеснения, которые мешают мне задать этот вопрос. Я не мог ума приложить, с чего начать эти поиски. У меня было слишком мало зацепок. Где искать это место?

И тогда я решил ждать очередного сна, чтобы искать в нем новые подсказки. Но как назло сон перестал мне являться (может быть, лучший способ избавиться от повторяющихся снов или назойливых воспоминаний – это взять и все записать?). Я все больше понимал, что, наверное, моя затея – это плод больной фантазии, да-да, я всецело осознаю, что болен, и что разум мой испещрен следами от ты-

саяч странных мыслей, которые никогда не придут в здоровый и ясный человеческий рассудок, и, возможно, идея с поиском *места* – всего лишь очередная из них. И вот, в момент, когда я почти успокоился, сон пришел ко мне снова. Вновь привиделся мне поселок, но в этот раз он был уже без людей. Люди ушли отсюда, забрав только самое ценное. Я бродил по пустому *месту*, заходил в дома (многие были не заперты), испытывая любопытство и страх, словно меня могут застать в момент вторжения и обвинить в преступлении. Мне казалось, что, возможно, это я виноват в том, что жители были вынуждены сняться с насиженных мест и покинуть поселок. Что это я потревожил их своими частыми и бессмысленными посещениями их *места*.

Проснувшись утром, я начал искать в интернете все упоминания о заброшенных населенных пунктах, выселенных властями или по каким-то причинам сознательно оставленных местными жителями. Сперва мне попадались лишь упоминания населенных пунктов, опустевших более двадцати лет назад из-за последствий крупной экологической катастрофы. Теперь туда можно было отправиться в экскурсионный тур или даже поохотиться на бесчисленное количество диких зверей, расплодившихся в этой остановленной людьми местности. Впрочем, это было явно не то, что я искал.

И тут на одном из новостных сайтов (кажется, я искал по ключевым словам «выселение» и «поселок») я наткнулся на короткую заметку месячной давности о том, что в Ч-ской области «подверглись принудительному выселению жители поселка в связи со значительно завышенным уровнем радиационной обстановки, причины которого выясняются». Название поселка в заметке указано не было, однако сообщалось, что он находится в сорока километрах от областного центра, в П-ском районе.

Оно! Я сердцем почувствовал, что нашел именно то, что искал. Я загрузил в интернете подробную карту области и выписал на листок бумаги все населенные пункты, которые более или менее подходили под описание. Таких оказалось ровно семь. Но что-то мне подсказывало, что, скорее всего, нужного мне поселка нет в этом списке.

Денег у меня практически не было, но у матери я решил не просить. Она наверняка начала бы отговаривать меня от моих намерений, пытаясь объяснить *рационально*, что то, чем я собираюсь заняться – плод моего разгулявшегося воображения.

Дружище! Истекает уже час времени, на который я заказал компьютер в интернет-клубе П-ска (это райцентр). А письмо еще не дописано. Конечно, было бы проще позвонить тебе и все за пару минут рассказать. Но мобильный я оставил дома, а твой номер я не знаю на память. Потому тороплюсь закончить свой рассказ.

Я продал ноутбук и, когда матери не было дома, отправился на поиски. На поезде доехал до областного центра, оттуда – на маршрутке до П-ска. На вокзале я начал спрашивать местных жителей о поселке, из которого недавно выселили местных жителей. И один паренек сказал, что знает, где находится это место. Он объяснил мне, как туда добираться, спросил, есть ли у меня сигаретка, а узнав, что я не курю, скривил лицо. Я поблагодарил его и попытался поймать попутку в указанном направлении. Но П-ск оказался из тех городов, где не очень принято подвозить голосующих, даже за деньги. Только через час мне удалось договориться с водителем старого грузовичка, который, к моему счастью, ехал как раз в нужном направлении. Он спросил меня, почему я еду в это место, и мне пришлось соврать, что я журналист и пишу о заброшенных городах и весях нашей многократно траханной родины.

Остальное – уже нет времени совсем – расскажу при встрече. Я очень хочу, чтобы ты приехал сюда ко мне. Считаю это просьбой, капризом, чем угодно считай, главное – приезжай. Тебе нужно добраться до П-ска, затем выехать из города в направлении Ф-ова. Там по пути будет давно не работающий кирпичный завод, сразу за ним поворот. Там перелесок, а за ним – через поле – это место.

Жду тебя здесь. Я остановился в просторном доме, предпоследнем на главной улице по четной стороне. Его легко узнать – он выкрашен в белый цвет. Жду.

Все. До встречи!»

Покончив с завтраком, я начал размышлять о том, откликнуться ли на просьбу совсем потерявшего берега приятеля, и надо ли мне вообще участвовать в этом сумасшествии. В конце концов, я решил, что надо. Хотя бы для того, чтобы привезти друга обратно и успокоить его мать. Письмо от него пришло вчера. Я представил его там – в этом странном месте со «значительно завышенным уровнем радиационной обстановки», живущего в доме белого цвета и ожидающего, когда я наконец приеду.

Наша память устроена так, что, читая, например, в книге «книжный шкаф», мы представляем себе тот конкретный книжный шкаф, который стоит у нас дома. Или слыша «деревня», представляем конкретную деревню, в которой когда-то нам довелось побывать. Вот и это место представлялось мне похожим на поселок, в который однажды меня занесло по работе: я делал фоторепортаж из сельской школы, которая каким-то чудом умудрилась воспитать аж трех победителей республиканских олимпиад по разным предметам. Тогда в поисках источника гениальности мы приехали с журналистом в местечко (три улицы, церковь, школа)

и, разумеется, не увидели ничего необычного. Нас угощали в школьной столовой пшенной кашей с котлетой, а, пообедав и выпив по сто граммов местной самогонки, мы вышли на крыльцо и присели на лавочку под разлапистой ивой. Журналист со вкусом курил, выпуская дым в небо, а я глядел на старшекласниц, о чем-то болтающих в сторонке. Те игриво улыбались из-за плечика и хихикали, поглядывая на нас.

– Может, останемся тут на пару дней? – предложил коллега. – Глянь, какие тут девахи.

И он сделал жест, словно пытался схватить руками сразу два гандбольных мяча. Все-таки вечером мы уехали из поселка, взяв с собой в качестве сувенира по бутылке удивительно чистого мятного самогона (подозреваю, что он и был источником гениальности)...

Я позвонил матери моего сумасшедшего друга и сообщил, что с ее сыном все в порядке, он просто уехал, поддавшись соблазну очередной пришедшей сверху *идеи*, и что я сегодня же поеду за ним, чтобы образумить его и привезти домой. Она заплакала и поблагодарила меня за помощь и участие. Я вернулся домой, собрал небольшую дорожную сумку с самым необходимым, подзарядил мобильник и аккумуляторы для фотоаппарата. Передо мной была ясная, конкретная, хоть и весьма странная цель. И эта видимая простота и определенность предстоящих действий придавали мне сил.

Ее неотправленные письма. Манифест

– Мы живем, – говорит Липа, – в огромном заповеднике, где есть абсолютно все, где все продумано до самой послед-

ней мелочи. Небо не бывает одинаковым, каждую минуту на нем появляются новые узоры, и каждая эта картина – единственная в своем роде. Не бывает одинаковых поцелуев, улыбок, признаний в любви. Все неповторимо и этим прекрасно.

Липа смотрит на мир как на бесконечное в своем разнообразии произведение искусства, гениальное полотно неохватных размеров. Мы покурили очень хорошей травы, которую ей подогнал дилер по кличке Самотник, и мне теперь страстно захотелось понять ее *до конца*.

– Сама наша жизнь – бесконечное познание и исследование, попытка понять замысел автора, разгадать его и осмыслить. Жизнь не может быть скучной по определению. От нее нельзя устать. Каждый маленький момент жизни, каждый вздох, каждое слово – это же чудо, просто чудо. Способность говорить, способность запоминать и воссоздавать, мы можем все – мы можем творить, мы можем путешествовать, вдохновляться, влюбляться, чувствовать родство душ, и главное – мы способны искать. Добро притягивает добро, а ищущий любовь найдет ее. Но только... Есть одна странность, словно нарочно испорченная деталь в механизме. Вот в чем прелесть живой музыки? В том, что музыкант может допустить ошибку. Может сыграть не ту ноту. Барабанщик может сбиться с ритма. И вот этот один-единственный звук не в такт – и есть некая кульминация, способная испортить песню, но сделать ее самой лучшей песней на земле.

Липа смотрит на меня таким взглядом, словно пытается угадать, понимаю ли я ход ее мысли. Я киваю, мол, продолжай, я все понимаю.

– Невозможность счастья, – говорит она и замолкает, чуть рассеянно и словно виновато улыбаясь.

Некоторое время мы молчим, наслаждаясь длинными и честными секундами.

– А? – спрашиваю я по истечении нужного промежутка времени. – Невозможность счастья?

– Ага, невозможность. Тот самый неправильный звук, который определяет гениальность всей композиции. Вот этот весь огромный мир со множеством огромных миров внутри себя самого, и такая безграничная россыпь возможностей. Но главного, того самого ясного и простого знания, того самого свободного и легкого... – она перебирает в воздухе пальцами, словно пытаюсь нащупать то самое слово, которое уместно произнести именно сейчас. – Самого главного ты никогда не обрешь. Невозможность счастья. Иначе – можно было бы просто сойти с ума.

На следующее утро туманное Липа выглядит молчаливой и невеселой. Словно вчера она пролилась, изверглась, и теперь у нее не осталось энергии. Она заваривает чай по собственному рецепту, засыпая в большой фарфоровый чайник какие-то травки и специи.

– Спасибо тебе за вчерашний вечер, – говорю я, обнимая ее сзади за плечи. Мне хочется восстановить ту близость, что была между нами вчера, но в одно и то же душевное состояние, как в реку, нельзя войти дважды. Я снова ощущаю себя слабой, маленькой и покорной. «Если ты скажешь, я буду ноги тебе целовать, – хочется сказать мне. – Я буду отдавать тебе всю себя».

«А может быть, я не умею любить по-другому? – задумываюсь я с каким-то мазохистским довольством. – Может быть, я всю жизнь потрачу на поиск человека, который будет решать за двоих? Зачем пытаться изменить себя, если это и есть я, моя натура?»

– У меня сегодня странное чувство, будто нас кто-то придумал, – говорю я. – И этот кто-то не очень понимает, зачем мы ему нужны. Он играет с нами. Мы слишком похожи.

– О чем ты говоришь, я не понимаю?

– Все это похоже на выдумку. То, что происходит с нами. И это не очень приятно – чувствовать себя героями какой-то повести. Ты... пойми... ведь я ничего о тебе не знаю. Знаю лишь то, какие длинные у тебя ресницы. Я не знаю, откуда ты взялась, и сколько еще пробудешь со мной.

– А зачем знать что-то еще? Ты хочешь знать, кто мои родители, чем я болела в детстве? Хочешь знать, сколько раз предавали меня и мстила ли я в ответ? Думаешь, тебе нужно знать, откуда взялся вот этот шрам и чего я боюсь больше всего на свете? Я не задаю вопросов тебе и не хочу, чтобы ты спрашивала что-то. Зачем тебе знать все это? Разве ты еще не поняла, что чем больше знаешь, тем меньше любишь? Но всем хочется выкопать колодец, добраться до источника воды и успокоиться...

– Мне хочется знать все, – повторяю я. – О тебе, о твоём прошлом. О твоих шрамах. Хочу посмотреть на твои детские фотографии. Хочу узнать, когда и с кем ты стала женщиной. И кем ты была до встречи со мной. Кем ты была в прошлой жизни.

Липа качает головой.

– Ты и так знаешь слишком много.

На ее лице все та же невеселая полуулыбка-полугримаса. Я опускаюсь перед ней на колени, обнимаю ногу и целую ее в бедро и ниже, ниже. Когда она исчезнет насовсем, у меня останется это воспоминание. И какое-то время я буду жить с ним.

– Перестань, – говорит она тихим голосом. – Не сходи с ума.

– Но тебе ведь приятно, – говорю я, продолжая целовать ее ножку.

Она треплет меня рукой по голове, но затем сжимает в руке копну моих волос, сжимает до боли и дергает в сторону. Из моей груди вырывается крик.

– Не надо, – говорит она все тем же тихим голосом. – Не надо плакать.

Дорога занимает время, но время дороги всегда ценно. В дороге есть место для размышлений. Я думаю о том, что иногда наступают моменты, когда хочется промотать свою жизнь вперед, как фильм, чтобы посмотреть, что там дальше будет. Тянутся долго и долго секунды. Попутчики улыбаются своим мобильным телефонам. Проводник настойчиво предлагает чай. Книга, взятая в дорогу, распадается на черные символы, напечатанные на бумаге. В конце концов, я приезжаю в Ч-в. Тело мое затекло в пути и с трудом слушается меня. Но у меня есть *конечный пункт назначения*. По счастью, градостроители прошлого догадались размещать автостанцию рядом с железнодорожным вокзалом. Следующий автобус на П-ск уходит через час. Я беру дешевый билет и выхожу на подгоревший привокзальный воздух.

От нечего делать я захожу в первое попавшееся кафе (разумеется, оно называется «Уют») и заказываю американо.

– Вам с молоком? – уточняет официантка.

– Да. Если можно, молоко отдельно.

– Тогда это уже не «американо», а «кофе с молоком», и оно стоит дороже.

– Но *оно* вкусное?

– Вкусное.

– Тогда несите, попробую ваш кофе.

С удивлением я замечаю, что девушка, принявшая у меня заказ, ходит по кафе босиком. У нее аккуратная маленькая ножка, 35-го или 36-го размера. У жены *были* такие же маленькие ножки. Она очень боялась щекотки и носила короткие носочки по косточку...

Мне самому хочется разуться, да и вообще раздеться, скинуть с себя всю одежду и нырнуть во что-нибудь прохладное, освежающее, искрящееся, бирюзовое.

Заглянув в меню, я обнаруживаю, что порция виски «Черный слон» стоит ровно в два раза меньше, чем я привык платить. Соблазнившись, заказываю двойную.

– Девушка, скажите, а почему вы ходите босиком?

– Потому что мне так нравится.

– А вы всегда делаете то, что вам нравится?

– А вы?

– Нет, конечно. Я труслив.

– Да ладно вам, зачем вы так про себя говорите...

– Да нет, серьезно. Я не способен на поступки.

– Э-э... Сейчас я принесу *ваши* кофе.

Виски очищает, смывает налет с сознания – один хороший глоток виски может вполне заменить проникновенную песню или гениальное стихотворение. Накатив, я вдруг ощущаю себя юным и решительным. Словно способности

обонять и осязать повысились на сколько-то там процентов. Вторая порция алкоголя сможет на короткое время поддержать это состояние, но третья – убьет.

– Я хочу пофотографировать вас. Я фотограф, понимаете? Да. И меня как-то тронуло, что вы... как вас зовут?

– Зоя.

– Что вы, Зоя, ходите по кафе босиком. Мне сейчас нужно уехать в одно место. Но ненадолго. Я вообще в вашем городе проездом. Но я специально вернусь, чтобы сделать ваши фотографии. Вы не против?

– Только раздеваться я не буду, – она кокетливо-глупо смеется.

– Не будете. А давайте прямо сейчас. Вы простоходите, как обычно, а я...

И тут я понимаю, что не испытывал привычную тяжесть на правом плече – сумки с фотоаппаратом на нем не висело с самого начала поездки. Я забыл фотик дома.

– В другой раз... – говорю я и ощущаю себя человеком без рода и племени. Из глубин памяти скользкой рыбой всплывает слово «манкурт».

«Манкурт Кобейн», – шепчу я про себя. А также «Звробойфренд», «Братья Кличкоэны», «Стивен Кингзмараули» и еще два десятка каламбуров, сочиненных моей женой и запощенных в Twitter.

– Вы знаете, что означает ваше имя по-гречески? – спрашиваю я, расплатившись.

– Знаю. Означает «жизнь». Приходите к нам еще, – словно проклинает меня босая. И мне ничего не остается, кроме как последовать дальше по моему маршруту.

Я тотчас узнал это место. Едва таксист высадил меня возле поворота, сразу за не работающим кирпичным заводом, как я неожиданно разволновался. Впереди виднелась неширокая полоса леса, за которым угадывалось поле. Я постоял в нерешительности, словно раздумывая, идти ли мне дальше. И стоял, стоял, стоял. Машины по дороге не ездили. Наступал вечер, и небо начинало коричневеть. Страхнув оцепенение (я на самом деле потряс головой, словно собака, вылезшая из воды), зашагал в сторону леса.

Поселок открылся вдруг, первым домом, стоявшим почти на краю поля. Возле неасфальтированной дороги я увидел старый дорожный знак с названием местечка: «РАЗЛЮБ_ ВЬ». Между буквами «б» и «в» было пустое место, словно один символ стерся от времени. Выходит, это место называется «Разлюбовь»? Неужели?

Я вошел в поселок, чувствуя себя непрощенным гостем. Вероятно, я чувствовал что-то похожее на то, что ощущал здесь мой сумасшедший приятель. Он писал, что чувствует себя будто бы виноватым в местной трагедии, что бы ни служило ее причиной. Я же ощущал себя, скорее, незваным гостем, соглядатаем, нарушителем никем не установленных правил.

Поселок действительно пустовал. Никаких признаков жизни. Разве что в районе одного из домов я увидел облезлого рыжего кота, перебежавшего через дорогу и прошмыгнувшего под чьим-то забором. Наверное, это был *чей-то* кот. Но в день эвакуации, когда у всех было всего несколько часов на сборы, как это, наверное, бывает в таких ситуациях, котяра ушел бродяжничать, и хозяева были вынуждены оставить его в этом месте. Я представил, как маленькая девочка плачет по своему котику, а родители успо-

каивают малышку, обещая обязательно приехать позже и забрать *Рыжика*.

Было по-вечернему тихо, в воздухе была примешана горечь, словно от вчерашних сигарет, и вскоре мне начало казаться, что моя одежда и волосы уже пропитались этим запахом. «Радиация не пахнет, – успокаивал я себя, – значит, это что-то другое, мне нечего бояться».

Тем временем я миновал центр местечка и направился по главной улице в сторону белого дома, где меня должен был ожидать мой товарищ. Теперь у меня не оставалось возможности повернуть назад: я уже был слишком близко к цели. Но я все шел и шел, поселок казался каким-то бесконечным. Теперь я понял, почему это место приятель называл именно поселком, а не деревней. Деревни не бывают такими *длинными*. Судя по тому, что небо совсем уже потемнело, я шел несколько часов. Я вглядывался вперед, но дома белого цвета я все никак не видел. «Ха, наверное, это розыгрыш, – подумалось мне. – Он развел меня. Здесь нет никакого белого дома, и приятеля моего тоже нет». Я почувствовал себя уставшим, бессмысленная дорога вымотала меня, мне хотелось просто лечь и уснуть. И тут я увидел дом – белого цвета, тот самый. Я добрался до цели своего пути, вот только если тут не будет моего товарища, окажется, что весь этот путь был проделан напрасно. Что ж, в таком случае, я поужинаю крекерами и водой, которые у меня есть с собой, дождусь в этом месте утра, а потом направлюсь обратно домой.

Я толкнул калитку, и она открылась. По дорожке я прошел к дому.

– Эй! – крикнул я и не узнал собственного голоса. – Есть тут кто-нибудь?

Я выждал несколько секунд, прислушиваясь.

– Хозяева! – еще раз попытался я. – Вы здесь?

Но никто не отвечал.

Я дернул за ручку, и дверь оказалась незапертой. Я зашел внутрь дома. Не снимая обувь, прошелся по комнатам, стараясь ничего не задеть. Ничего странного я не заметил. Разве что в большой комнате была неубранная постель. А на зеркало-трельяж кто-то накиннул белую простыню.

«Надо свет включить, а то совсем стемнело», – подумалось мне.

Я щелкнул выключателем. Под потолком загорелась тусклая лампочка. Одновременно с появившимся светом что-то начало тихо гудеть.

Приятеля здесь не было. Возможно, он вышел прогуляться и скоро вернется. Что ж, у него будет время до утра. Если он так и не придет, я уйду. Но у него есть целая ночь, чтобы дать о себе знать.

Я сел перед старым трехстворчатым зеркалом, завешанным тканью. Поверхность столика перед ним была покрыта толстым слоем пыли. Мне остро захотелось увидеть собственное отражение. Чтобы убедиться, что я тут не один (нелепый аргумент). Я сдернул с зеркала простынь. В трех створках старого трельяжа отразился мой сумасшедший друг. Я приблизил лицо к отражению, и отражение придвинулось ко мне. Бледное лицо, серые глаза без примеси зеленого, ищущий пустоватый взгляд, всклокоченные волосы.

– Привет, – сказал я пересохшими губами.

И отражение ответило мне:

– Привет. Хорошо, что ты пришел.

– Не бойся ничего. Все, что уже могло случиться, произошло. Теперь есть только история. И тебе пора вспомнить эту историю и смириться с ней. Я не тот, за кого себя выдаю. А ты, тем более, не тот, кем себе кажешься. У тебя была целая жизнь, и сейчас ты горюешь оттого, что твоя прежняя жизнь сломалась. Но вспомни, с какого момента ты помнишь себя? Ты можешь вспомнить что-то из своего детства? Хоть одно воспоминание, которое есть у каждого человека? Ты помнишь, например, как научился завязывать шнурки, или как впервые поехал на велосипеде? Не смотри на меня так. Если бы ты был внимательнее, то давно бы меня раскусил...

Я встаю и начинаю бродить по комнате, схватив себя за голову. Мне не нужно было сюда приходить. Я не хочу знать правду. Но остановить его я не в силах. И голос его доносится до меня отчетливо, словно транслируется по радио.

– Хуже всего – когда теряешь берега, – продолжает он. – Словно заплыл далеко, чем-то увлекшись, а когда пришел в себя, обнаружил, что вокруг только вода, бесконечная вода. И ты совсем не помнишь не только то, в какой стороне находится земля, но и то, зачем тебе туда плыть.

...В тот день, когда она ушла от меня, из квартиры пропали звуки. Словно кто-то высосал вакуумным насосом из квартиры все живое. Она ушла насовсем. Она пропала без вести. Я искал ее... Искал... Да, мы ругались. Спорили и отвоевывали друг у друга территории. Меня до смерти раздражало, что она не может понять каких-то очевидных вещей. Я кричал на нее, и когда я кричал слишком громко, она затихала и словно сворачивалась в комок, и уходила от меня куда-то... Уходила, но всегда возвращалась. А в тот раз она ушла насовсем. Она не вернулась. Она растворилась,

просто исчезла. Никто не знал, где она. Никто из ее подруг, друзей, родных. С ней что-то случилось. У нее не было при себе так уж много денег, чтобы предположить, что она могла сорваться и куда-то уехать... Да и не могла она так сделать: если бы ей было плевать на меня, она хотя бы пожалела свою маму... И тут началась совсем другая жизнь. Жизнь, потраченная на поиск. Но поиск этот с самого начала был лишен всякой надежды. Если бы она была где-то рядом, если бы где-то в воздухе витал ее запах, и дыхание ее чуть слышное раздавалось, я бы, клянусь, нашел ее. Но запаха ее не было. И дыхание я не слышал. Она исчезла, и все. Она перестала существовать. С ней что-то случилось. Но я искал, звонил, спрашивал, давал объявления, писал заявки в милицию. Я взял отпуск, чтобы ничто не мешало искать.

Я представлял каждый наш миг, но почему-то все плыло, как в тумане, я тратил кучу усилий на то, чтобы вспомнить ее голос, а когда вспоминал, оказывалось, что я забыл, как она пахнет, и когда вспоминал запах, не мог припомнить, с каким выражением лица она спит, и эта гонка, бессмысленная гонка за ее образом, и этот страшный, выматывающий, обреченный поиск – все это сломало меня.

Знаешь, когда все было нормально, я часто размышлял о том, какой жизнью я живу, и та ли это жизнь, которая мне предназначена. Я не очень-то верю в судьбу, и в то, что у человека есть только одна дорожка, мне казалось, что мы сами можем выбирать. И я примерял к себе чужие жизни, размышлял о том, кем бы я мог стать, если бы имел не эту работу, и был не с этой женщиной. Что-то томило меня, не давало мне успокоиться. Может, я был слишком молод, может, не умел ценить момент. И вот, когда она ушла, я начал придумывать себе другую жизнь. Когда поиски прекратились, а ее образ остался только на фотографиях, у меня было много-много времени, чтобы сходить

с ума, чтобы цепляться за какие-то обрывки воспоминаний... И из этих обрывков начала складываться другая жизнь, та, которой у меня никогда не было. Все то, что мы так и не смогли осуществить, грызло меня изнутри. Она хотела завести щенка, а я говорил, что пока рано, кто, мол, его будет выгуливать по утрам, да и у меня вообще, кажется, в детстве была аллергия на собачью шерсть. Мы так и не завели собаку. Но теперь в моих воспоминаниях-мечтах у нас была собака, и мы вместе вставали пораньше, чтобы выгулять ее.

Когда воспоминания закончились, я начал придумывать себе другую жизнь. Твою жизнь. Я придумал себе тебя, чтобы мне было легче. Я придумал тебе работу, жену, привычки. Придумал тебе амбиции и талант. Я вылепил ваши фигурки и вдохнул в них жизнь. Я сделал тебя своим другом. И тогда, чтобы эта фантазия обрела плоть, я придумал себе, что жена не исчезла, а бросила меня. По-житейски бросила, не выдержав моего безумия. И я хочу тебе сказать правду. Ты извини, что так вышло. Но это уже не моя вина. Я не могу отвечать за все. Она ушла от тебя к ней. К моей жене. Они сейчас вместе. Представляешь? Вы все сами походили с ума, и начали жить своей жизнью. Творите, что хотите, а меня здесь как будто и нет. Хотя это я, я один реален! А вас нет! Вас никогда не существовало!

Прости... Прости... Я опять плачу... Мне надо быть сдержанней, я знаю... Но мне можно, да, мне все можно. Доктор сказал мне, чтобы я не стеснялся слез.

– Послушай, – пытаюсь образумить его я. – У тебя был просто трудный день. Тебе надо отдохнуть, а утром мы соберем вещи и поедем домой. Твоя мама переживает.

– Ну вот! – начинает орать он. – Черт вас всех дери! Неужели так трудно поверить в то, что тебя не существует?! Это я тебя придумал!

Желая успокоить его, я киваю:

– Хорошо, хорошо... Ты прав. Меня не существует. Я – твоя фантазия. Но и ты пойми, что в это не так просто поверить с первого раза. Ведь я чувствовал себя живым: ощущал голод, испытывал боль. Нужно время, чтобы все это осознать.

Он смотрит на меня, пытаюсь угадать, поверил я по-настоящему или просто подыгрываю ему. Так ничего и не поняв, он опускает глаза.

– Впрочем, это неважно. Уже ничего не важно. Все развалилось. И смысла уже нет никакого...

– Ты хотел мне рассказать про это место. Оказалось, что оно называется Разлюбовь.

– С чего ты взял, что оно так называется?

– Там знак стоит, на въезде...

– Да? А я не заметил. Что про него рассказывать? Мне просто очень хотелось, чтобы где-то на земле существовало место, где хранятся ответы на все вопросы. Где знают, каково это – терять. И каково – любить. Но пока я нашел это место, тут уже не осталось никого из жителей. И спросить больше некого.

Он посмотрел на меня с какой-то хитрецей во взгляде.

– У меня для тебя есть сюрприз. Но сначала я хочу убедиться, что ты кое-что понял.

– Да, я понял, что меня не существует.

– Я про другое. Знаешь, так редко можно найти кого-то по-настоящему родного. Но это случается. И каждый такой случай – это настоящее чудо. Чудо обретения. Но че-

ловек так устроен, что не может понять, какое счастье ему выпало. Это же не казино, где красное и черное. Тут нужно чувствовать. А сердце у большинства существует только для того, чтобы кровь гонять. У тебя ведь тоже был шанс.

– Так какой это шанс, если я существовал только в твоём воображении? Разве я мог на что-то повлиять?

– Я ж говорил, что ты вышел из-под контроля. Придумать-то я тебя придумал, но дальше ты уже сам действовал. И, знаешь, все мои ошибки повторил. Все до единой и по порядку. Был невнимательным, был эгоистом, перестал чувствовать и любить. Ну, вот и получил то, что заслуживал. По полной программе.

– Так и в чем же мой шанс?

– Ну, я подумал, что было бы правильно дать тебе возможность все исправить. Раз уж ты послушался меня и добрался сюда. В конце концов, все это *моя территория*. Поднимись на второй этаж. Сюрприз там. Только в той комнате свет не включается. Но так даже лучше, пожалуй.

Я смотрел на него в нерешительности.

– А ты? Что будешь делать ты? – зачем-то спросил я.

– О, за меня не волнуйся. Ты же знаешь, я уже иду на поправку. Мне значительно легче.

И он демонстративно отвернулся, словно показывая, что прощаться и благодарить не уместно.

Жена сидит на стуле у окна, в темноте я с трудом различаю изящный ее силуэт. На звук моих шагов она оборачивается, и я успеваю разглядеть блеск в ее глазах, словно она обрадовалась мне.

– Привет, родная, – говорю я. Но не решаюсь ее обнять.

– Здравствуй, мой хороший.

Она по-прежнему сидит возле окна, а я стою посреди комнаты. Нас разделяет расстояние в несколько шагов, но мне страшно пройти его.

– Как ты оказалась в этом месте?

– Это все Липа. Она сказала мне сюда прийти. Это ведь ее дача.

– Вот как? А почему здесь все так заброшено?

– Мне кажется, ей все равно.

– Я рад тебя видеть.

– Я тоже рада.

– А ты не исчезнешь, если подойти к тебе?

– Не должна, – улыбается она.

Я подхожу, опускаюсь перед ней на колени и обнимаю за талию. Я чувствую под тканью ее живое, теплое тело.

– Как же мне тоскливо было без тебя, – говорю я. – Ты...

– Тебе не надо ничего говорить. Я все знаю, мой хороший. Больше не будет тоски. И боли не будет. Теперь уже никогда не будет ничего плохого.

– Откуда ты знаешь это?

– Но ведь у нас появился еще один шанс. И у тебя, и у меня. *Последний* шанс никто не упускает.

– Он сказал, что ты была с Липой. Это правда?

– Нет, не правда. Это он сам придумал, чтобы что-то себе объяснить.

– А нас, нас он тоже придумал?

Жена качает головой.

– Мы сами себя придумали, – говорит она. – Все, что нам казалось забавной игрой, оказалось реальностью. А реальность часто бывает неостроумна. Нам казалось, что мы пишем черновик, что только делаем наброски, а выяснилось, что мы уже давно и на полную катушку живем. И совсем нет времени примерять на себя чужие тела и истории.

– Скажи мне только: ты считаешь, что это я во всем виноват?

– Не спрашивай, это все уже не важно. Не нужно искать виновных. Всегда виноваты оба. И оба правы. Теперь – другая жизнь.

– Мне хочется идти с тобой по берегу моря, держась за руки, и чтобы у тебя был круглый животик.

– Все так и будет, мой хороший. Все будет именно так...

Она продолжает говорить что-то, я вижу, как шевелятся ее губы, но я больше не слышу звук ее голоса. Я с испугом смотрю на нее, но она словно не замечает моей реакции. Она продолжает что-то рассказывать. Я трясую головой, пытаюсь вернуть слух, прочищаю уши... Она замечает, что со мной что-то не в порядке и с удивлением смотрит на меня. Я пытаюсь ей что-то сказать, но язык во рту не шевелится. Тогда я стаскиваю ее со стула на пол, к себе, и деревенеющими руками пытаюсь обнять, губы наши встречаются, но я не могу дать ей поцелуй – губы пересохли и не слушаются меня... Я медленно сжимаюсь в позу эмбриона, тело мое коченеет, из всех чувств остается только зрение. Она присаживается рядом со мной и, судя по движению руки, начинает гладить меня по волосам. Но я не чувств-

вую прикосновений. Я пытаюсь прошептать, что мне нужна помощь, но у меня ничего не выходит. Затем она встает, и исчезает из поля моего зрения. Я всматриваюсь в едкую темноту пустой комнаты, жду, надеясь, что мелькнет какая-нибудь тень или начнет колыхаться пламя свечи, но ничего не происходит. Так проходит целая вечность. И в миг отчаяния, когда мне кажется, что уже никто и никогда не придет, ее рука закрывает мои глаза.

Я оставляю их наверху, в темной комнате, где им никто не помешает.

Выхожу из дома и бреду по пустому поселку в сторону дороги.

Я иду босиком, и острые камешки то и дело врезаются в мои ступни. Но я не чувствую боль, по крайней мере, не реагирую на нее.

Идти долго, но мне придает силы осознание того, что я, возможно, впервые в жизни сделал что-то по-настоящему хорошее. Не для себя хорошее, а для других. Я чувствую, что иду на поправку, что мне ни холодно и ни жарко, что стоит ночь, но ночь закончится, и новый день начнется просто и легко, как это обычно и бывает.

Я доберусь до города, поднимусь на свой любимый небоскреб, с которого открывается такой красивый и впечатляющий, такой непривычный вид на все вокруг. Мне больше не надо будет врать. Не надо будет придумывать. Я смирюсь. Я успокоюсь. Я приму.

Я пойму, что мир, в котором есть любовь, существует. И что я приложил руку к его созданию. Мне впервые захо-

чется дать им имена. Придумать им детство. Дать им образование. Рассказать о том, кем были их родители. Назвать город, в котором они живут, каким-нибудь звучным именем. Потом я пойму, что это не так и важно. В конце концов, если их двое, и они вместе, они сами со всем справятся.

И вот, сидя на крыше недостроенного небоскреба, я пойму, чего именно мне не хватает до полного освобождения. В это время со стороны площади Калиновского прозвучат первые выстрелы. Это специальные отряды Самохвалова начнут стрелять в толпу митингующих. *Это не моя война*, покачаю я головой. Все, что мог, я уже сделал. Теперь пусть воюют другие.

Что же мне останется? Оттолкнуться от края крыши и освободиться от всего. Короткое, пьянящее, обманчивое чувство свободы и счастья переполнит меня и разорвет изнутри. Но боли не будет. Теперь уже никогда не будет ничего плохого.

Останется только перечитать написанное, исправить опечатки, добавить пропущенные знаки препинания и, выделив текст, нажать *delete*.